

ISSN 3541-9498

ВЕСТНИК
Федерального
института медиации

4 2017

Электронный журнал «Вестник Федерального института медиации» издаётся с 2017 г. Учредитель – федеральное государственное бюджетное учреждение «Федеральный институт медиации» (ФГБУ «ФИМ»).

Цель журнала – утверждать стандарты исследований в области медиации в России, представлять современные работы российских и зарубежных авторов в области медиации и АРС, информировать профессиональное сообщество о новых актуальных публикациях и исследовательских проектах, а также вовлекать в профессиональное сообщество молодых коллег.

Журнал представляет собой специализированное академическое издание. В нём публикуются материалы, отражающие современное состояние медиативной теории и практики и способствующие развитию данной области в её современном понимании. В числе приоритетных тем: медиация и право, медиация в регионах России, виды и практики медиации, теория медиации.

Также публикуются тексты из смежных дисциплин, которые могут представлять интерес для профессиональных медиаторов. Периодичность – 4 номера в год: в марте, июне, сентябре и декабре. Доступ ко всем номерам журнала постоянный, свободный и бесплатный по адресу:
<http://fimvestnik.ru/>

Каждый номер представляет единый файл (10–12 п. л. в PDF).

Требования к авторам изложены по адресу:
<http://fimvestnik.ru/авторам/>

Все статьи рецензируются и проходят через полный цикл редакторской обработки и корректуры. Плата с авторов не взимается.

Свидетельство о регистрации

Эл № ФС77-67298

от 30 сентября 2016 г.

Редакционная коллегия:

Вечерина Ольга Павловна — с.н.с., к.и.н., главный редактор

Гордийчук Николай Валентинович — м.н.с.

Островский Антон Николаевич — н.с., к.м.н.

Тюльканов Сергей Леонидович — м.н.с.

Адрес редакции:

129337, Москва,
Б.Тишинский пер.,
д. 26, к. 13-14, с. 1
+7 (499) 230 28 50
o.vecherina@fedim.ru

ISSN 2541-9498

№ 4

2017

ВЕСТНИК Федерального института медиации

Редакционный совет:

Шамликашвили Ц.А., председатель Координационного совета и научный руководитель ФГБУ «ФИМ» — председатель

Андреева Т.К., доцент кафедры гражданского процесса юридического факультета МГУ

Андрианов Ю.В., директор АНО «Медиация. Психология. Право»

Архипкина А.С., председатель правления НП «Байкальская лига медиаторов»

Березий А.Е., судья в отставке ВАС РФ, заместитель Председателя Морской Арбитражной комиссии при ТПП РФ

Вечерина О.П., главный редактор

Волков А.В., директор Пермского образовательного научно-исследовательского центра авитальной активности

Гараев С.Н., директор АНО «Рязанский центр медиации и права»

Дмитриев В.А., заместитель председателя областного суда Свердловской области

Леонов Н.И., вице-президент Российского психологического общества, зав. кафедрой социальной психологии и конфликтологии Удмуртского государственного университета

Марков И.И., председатель Липецкого областного суда

Осутин С.В., генеральный директор НП «Лига медиаторов»

Солохин А.Е., советник юстиции I класса, преподаватель Российского государственного университета правосудия

Угаров А.С., директор ФГБУ «ФИМ»

Хазанова М.А., доцент кафедры медиации в социальной сфере МГППУ

Харитонов С.В., профессор кафедры медиации в социальной сфере МГППУ

Цветкова С.А., председатель Арбитражного суда Свердловской области

Шатовкина Р.В., председатель Новосибирского областного суда

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ.....	8
ТЕМА НОМЕРА: ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ	
<i>Ц.А. Шамликашвили, В.В. Филипов, О.О. Олифер, А.Ю. Щукин, Т.В. Пятаха, Д.Н. Пчелинцева, С.В. Харитонов.</i> Проблемы безопасности детей в социальных сетях.....	10
<i>Д.С. Калиновская</i> Психологический террор в трудовых отношениях и возможность урегулирования таких конфликтов в процедуре медиации.....	21
<i>А.А. Пентин</i> Восстановительная культура в школе. Продолжение дискуссии.....	30
МЕДИАЦИЯ В РОССИИ	
<i>Н.М. Романова</i> Обзор материалов III Международной научно-практической конференции «Перспективы становления и развития медиации в регионах» (7 декабря 2017 года, г. Саратов).....	42
<i>С.Н. Гараев</i> Медиация в России: легализация и перспективы развития.....	48
МЕДИАЦИЯ И ПРАВО	
<i>А.Е. Березий</i> Досудебный порядок по спорам в экономической сфере: современное состояние и перспективы	55
<i>А.В. Соловьев</i> Продвижение медиации в конфликтах по поводу права.....	63
ПОДГОТОВКА МЕДИАТОРОВ	
<i>С.В. Харитонов, М.А. Хазанова, М.В. Быкова</i> Экспертная оценка тренинга психологической подготовки медиаторов.....	74
ИСТОРИЯ МЕДИАЦИИ	
<i>А.В. Иванов</i> Примирение на Кавказе в сравнении с медиативным подходом.....	83

РЕЦЕНЗИИ

[*Н.В. Гордийчук*. Рец. на:]

Saxon, E.D. Peacemaking and Transformative Mediation. Sulha Practices in Palestine and the Middle East. Palgrave Macmillan, 2018.....99

IN MEMORIAM

(*О.П. Вечерина*)

Памяти Александра Самойловича Ахиезера (1929—2007).....104

НАШИ АВТОРЫ.....116

CONTENTS

FROM THE EDITORIAL BOARD.....	8
THEME OF THE ISSUE: PSYCHOLOGICAL ABUSE	
<i>Ts. Shamlikashvili, V. Filipov, O. Olifer, A. Shchukin, T. Pyataha, D. Pchelintseva, S. Kharitonov</i> The problem of children’s safety social networks.....	10
<i>D. Kalinovskaya</i> Psychological terror in labor relations and possibility of resolving such conflicts through mediation.....	21
<i>A. Pentin</i> Restorative culture in school. Continuation of the discussion.....	30
MEDIATION IN RUSSIA	
<i>N. Romanova</i> Review of the materials of the III International Scientific and Practical Conference “Prospects for the formation and development of mediation in the regions” (December 7th, 2017, Saratov).....	42
<i>S. Garaev</i> Mediation in Russia. Legalization and development prospects.....	48
MEDIATION AND LAW	
<i>A. Bereziy</i> Pre-trial order in disputes in the economic sphere: current state and prospects.....	55
<i>A. Solovyev</i> Promotion of mediation in conflicts over the Law.....	63
TRAINING OF MEDIATORS	
<i>S. Kharitonov, M. Khazanova, M. Bykova</i> Expert evaluation of psychological training of mediators.....	74
HISTORY OF MEDIATION	
<i>A. Ivanov</i> Conciliation in the Caucasus in comparison with the mediative approach.....	83

REVIEWS

[*N. Gordiychuk*. On:]
Saxon, E.D. Peacemaking and Transformative Mediation. Sulha Practices in Palestine and the Middle East. Palgrave Macmillan, 2018.....99

IN MEMORIAM

(O. Vecherina)
In memory of Alexander Samoylovich Akhiezer (1929-2007).....104

OUR AUTHORS.....116

ОТ РЕДАКЦИИ

Уважаемые читатели!

Вот и заканчивается первый год жизни нашего журнала. В четырех номерах мы выпустили 48 статей 35 наших авторов, из которых 13 — сотрудники Федерального института медиации, которому в феврале 2018 года исполнится пять лет.

Поэтому мы планируем первый номер «Вестника» в 2018 г. посвятить этому первому юбилею. Однако, наши двери всегда открыты для авторов — как тех, кто уже стал постоянными участниками наших публикаций, так и новых исследователей и практиков-медиаторов.

Приглашаем наших читателей к участию в жизни журнала. Мы будем рады всем откликам, даже самым критическим, которые направлены на улучшение нашей работы.

Главная тема этого декабрьского номера — психологическое насилие. Такие слова, как «моббинг», «буллинг», «хейзинг», «кибермоббинг», «кибербуллинг» стремительно вторглись в нашу повседневную реальность. Все это — различные виды психологического террора, последствия которого для жертвы зачастую настолько губительны, что могут привести к суициду. Различным аспектам этого явления посвящены три статьи наших авторов: «Проблема безопасности детей, пользующихся социальными сетями, и некоторые аспекты ассоциированного с обеспечением их безопасности поведения взрослых» коллектива авторов во главе с научным руководителем ФИМ проф. Ц.А. Шамликашвили; статья исследователя из Нижнего Новгорода Д.С. Калиновской «Психологический террор в трудовых отношениях и возможность урегулирования таких конфликтов в процедуре медиации» и статья младшего научного сотрудника ФИМ А.А. Пентина «Восстановительная культура в школе. Продолжение дискуссии».

Мы надеемся, что этот разговор продлится и дальше, а тема станет постоянной. Слишком велика актуальность этого явления и тяжелы последствия для личности, подвергающейся травле. Полагаем, что участие в этих акциях, которые зачастую носят массовый, организованный и даже ритуальный характер, накладывают неизгладимый отпечаток на всех участников, включая и тех, кто мучает.

В рубрике «Медиация в России» предлагаем Вашему вниманию обзор материалов недавно прошедшей в Саратове III Международной научно-практической конференции «Перспективы становления и развития медиации в регионах» (ав-

тор — к.с.н. Н.М. Романова), а также статью рязанского медиатора, к.полит. н. С.Н. Гараева о легализации и перспективах развития медиации в России.

Продолжаем нашу рубрику «Медиация и право». В ней мы публикуем две работы: статью судьи ВАС в отставке, заместителя председателя Морской Арбитражной комиссии при ТПП РФ, заслуженного юриста РФ А.Е. Березия, посвященную современному состоянию и перспективам досудебного порядка урегулирования споров в экономической сфере, и статью д.э.н., профессора кафедры труда и социальной политики РАНХ и ГС при Президенте РФ А.В. Соловьева о продвижении медиации в конфликтах по поводу права.

В этом номере мы начинаем две новых рубрики: «Подготовка медиаторов» и «История медиации». Работа д.м.н. С.В. Харитоновой и его коллег посвящена проблемам экспертной оценки тренинга психологической подготовки медиаторов, а в статье к.и.н. А.В. Иванова рассматриваются проблемы примирения на Кавказе в сравнении с медиативным подходом.

В нашей постоянной рубрике «Рецензии» м.н.с. ФИМ Н.В. Гордийчук рассказывает о новой работе нашей западной коллеги, посвященной проблемам трансформативной медиации в Палестине и ее соотносности с традиционной практикой примирения *сульха*.

И, наконец, наша рубрика *In Memoriam*, в которой мы благодарно вспоминаем о выдающихся исследователях, чьи работы должны стать теоретическим и методологическим фундаментом при подготовке профессиональных медиаторов.

Десять лет назад из жизни ушел один из создателей отечественной культурологии, глубокий и пока недооцененный мыслитель Александр Самойлович Ахиезер. Он и его ученики и последователи рассматривают медиацию как одну из фундаментальных социокультурных категорий, наличие которой в социуме обеспечивает его поступательное развитие, а отсутствие предопределяет и экономическую, и политическую, и цивилизационную отсталость. С этой точки зрения мы с полным правом сможем рассматривать работы А.С. Ахиезера в качестве философской базы и теоретического обоснования развития медиации как социально-правового института.

Ждем ваших статей, предложений и замечаний по адресу o.p.vecherina@fedim.ru, и поздравляем с Новым годом!

Редколлегия

**Цисана Шамликашвили
Виктор Филипов
Ольга Олифер
Артем Щукин
Тимофей Пятаха
Динара Пчелинцева
Сергей Харитонов¹**

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ ДЕТЕЙ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Аннотация. В статье приводятся результаты исследования подверженности школьников троллингу в социальных сетях, осуществлявшегося на базе школы № 922 г. Москвы, а также в связи с предполагаемой вовлеченностью детей в «группы смерти» в социальных сетях, проводившегося на базе Хабаровского центра психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи.

Исследовались анкетные данные 463 детей в связи с проблемами троллинга и 36 взрослых — родителей детей, которые предположительно были вовлечены в «группы смерти» и демонстрировали суицидальную активность.

Целью исследования являлась предварительная оценка распространенности проблемы подверженности «троллингу» среди школьников и специфики реагирования взрослых на проблему безопасности детей в социальных сетях (на примере «троллинга» и «групп смерти»). Использовались анкетирование в формате открытых и закрытых вопросов, контент-анализ и методы непараметрической статистической обработки данных.

Выводы. Троллингу в социальных сетях подвержено большое количество детей, в среднем около 36% учащихся подвергаются троллингу несколько раз в год. В случаях вовлеченности детей в группы смерти родители часто не ориентированы, куда можно обратиться в связи с данной проблемой, а их меры воздействия на ребенка имеют ограничительную направленность и не способствуют адаптации детей.

Ключевые слова: дети; родители; «группы смерти»; социальные сети; троллинг; кибербезопасность; безопасность.

---

¹ © Ц.А. Шамликашвили, В.В. Филипов, О.О. Олифер, А.Ю. Щукин, Т.В. Пятаха, Д.Н. Пчелинцева, С.В. Харитонов, 2017.

Tsisana Shamlikashvili
Viktor Filipov
Olga Olifer
Artem Shchukin
Timothy Pyataha
Dinara Pchelintseva
Sergey Kharitonov

THE PROBLEM OF CHILDREN’S SAFETY IN SOCIAL NETWORKS

Abstract. The article presents the results of research about schoolchildren’s exposure to trolling in the social networks, conducted at Moscow school No. 922, and about alleged involvement of children in the “groups of death” in social networks, based on the Khabarovsk Center for Psychological, Pedagogical, Medical and Social Assistance.

Questionnaire data from the 463 children about the problems of trolling and 36 adults, parents of children who were allegedly involved in the “group of death” and showed suicidal activity were studied.

The aim of the study was preliminary evaluation of the prevalence of the problem of exposure to “trolling” among students and the specific response of adults to the problem of children's safety on social networks (using the example of “trolling” and “groups of death”).

As research methodology there have been used questionnaires in the format of open and closed questions, content analysis and nonparametric methods of statistical processing of data.

Conclusions. Majority of children are subject to trolling in social networks, on average, about 36% of students are trolled several times a year. In cases of involvement of children in the group of death parents are often not informed where they can receive assistance in connection with this problem, and their attempts to influence the child are restrictive in their nature, and do not contribute to the adaptation of children.

Key words: children; parents; “groups of death”; social networks; trolling; cyber security; security.

Введение

Проблема безопасности киберпространства для детей и возможности взрослых по предупреждению негативного влияния некоторого контента — довольно разнообразная в формулировках, инициативах и отношениях тема. Наиболее часто в этой связи звучат проблемы троллинга и «групп смерти» в социальных сетях. При том, что, с одной стороны, идеи о свободе мнений и высказываний в коммуникациях неоспоримы, включая и виртуальное общение, с другой стороны, некоторые из этих коммуникаций могут расцениваться как опасные. Так, в России с начала 2017 г. заблокировано более 16 тысяч «групп смерти», в которых преимущественно состояла молодежь. По данным анализа, представленного в [Сапоровская и др. 2017], подписчиками, например, группы «Синий кит», часто ассоциирующейся в СМИ с «группами смерти», в 58 % случаях оказались лица в возрасте от 15 до 18 лет. И хотя существует противоречивая информация о данной группе (в одних источниках указывается, что в ней имели место призывы к суициду, в других — что она действовала совсем в другом направлении), факт остается фактом — тема вызвала повышенный интерес у молодежи. С учетом того обстоятельства, что информация о суицидах может быть представлена как корректно, так и некорректно, уместно напоминание о двоякой роли интернета, как фактора, способствующего или препятствующего суициду [Любов, Антохина, Палаева 2016].

Если проблема «групп смерти» с такой впечатляющей статистикой по числу закрытых групп может быть расценена как эпизод, то проблема «троллинга» в социальных сетях уже давно является повседневной и не сосредоточена на определенных сайтах или в определенных соцсетях и группах, за исключением нескольких крупных сообществ интернет-троллей.

При анализе научных работ, посвященных тематике «троллинга» и «групп смерти» в социальных сетях, обнаруживается слабая научная разработанность этой темы в России и небольшое число публикаций — как о природе этих явлений и специфике поведения жертв, так и о возможностях помощи, а также по рекомендуемому поведению для родителей и педагогов при взаимодействии с детьми, подвергшимися троллингу или участвующих в «группах смерти».

В то же время, согласно статистике Яндекса, число результатов при использовании слов «группы смерти» в качестве ключевых в поисковой строке запроса составляет 57 млн результатов, слова «троллинг» в качестве ключевого — 144 млн результатов. Для сравнения, по запросу «учеба» найдено 38 млн результатов. Таким образом, в поисковике соотношение этих запросов составляет пропорцию 1 («учеба»): 1,5 («группы смерти»): 3,7 («троллинг»). Такое соотношение свидетельствует о наличии заметного интереса пользователей к «группам смерти» и «троллингу», сопоставимого с такими интересами как учеба.

При этом под термином «троллинг» в одних определениях понимается форма социальной провокации или издевательства в сетевом общении, использующаяся как персонифицированными участниками, заинтересованными в большей узнаваемости, публичности, эпатаже, так и анонимными пользователями без возможности их идентификации [Внебрачных 2012]; в других дефинициях под троллингом понимается дискредитация вообще любой речевой стратегии [Новокшенов 2013].

Некоторые исследователи рассматривают троллинг просто как негативное последствие виртуального общения [Глушкова 2016], в то время как другими авторами он рассматривается как действие, требующее наказания, а влияние троллинга определяется как дезорганизирующее социум [Акулич 2012; Баблюян 2016] и по своей сущности являющееся агрессией [Внебрачных 2012]. Отмечается также тенденция популяризации троллинга за счет появления интернет-мемов, которые довольно быстро завоевывают популярность в сети [Немыка, Ушаков. 2012].

О необходимости введения уголовно-правовой нормы, регулирующей процесс троллинга, говорят в своей работе О.М. Дементьев и М.М. Дубровина [Дементьев, Дубровина 2015], предлагая следующую формулировку: «Использование любых электронных или цифровых устройств и информационно-коммуникационных технологий с применением любой непристойной или жаргонной лексики с целью угрозы, запугивания, клеветы, экстремизма, а также сексуальных домогательств, наказывается...».

На материале англоязычных сайтов некоторые исследователи выделили такие способы построения коммуникации интернет-тролями, как: высмеивание, пренебрежение, приписывание негативных качеств, игнорирование фактов, превращение любого признака человека в негативную черту, отрицание, обвинение в троллинге, шутка, двойная игра, ссылка на известные факты, резкая смена поведения, требование доказательства, молчание [Строителей 2013]. Дженнифер Гоулбек [Golbeck 2014] в своем обзоре канадского исследования, проведенного на материале в 1200 человек, отмечает возможные психические особенности («темную четверку») у лиц, занимающихся троллингом. В частности, авторы показывают корреляцию троллинга и склонности к садизму, психопатии, макиавеллизму и насилию. По данным других авторов, для интернет-троллей характерны склонность к поиску внимания и конфликтов, низкая самооценка, злобность, необразованность и желание развлечений [Maltby et al. 2016].

Справедливым будет указать, что есть работы, где троллинг рассматривается как форма социальной критики, обусловленная спецификой современной коммуникации в ее постмодернистском контексте [Тетюев, Шаповалова 2016]. По этой причине феномен троллинга выглядит как интересная и перспективная тема культурологических исследований [Глушкова 2016].

Обобщая вышесказанное, можно говорить об актуальности и недостаточной научной разработанности проблемы безопасности детей, пользующихся социальными сетями в интернете, об отсутствии информации о масштабе проблемы с точки зрения вовлеченности детей и ассоциированных с троллингом и вовлеченностью в «группы смерти» поведением взрослых, в первую очередь, родителей и работников образования. Таким образом, цель исследования — дать предварительную оценку распространенности проблемы подверженности троллингу среди школьников и специфики реагирования взрослых на проблему безопасности детей в социальных сетях (на примере троллинга и «групп смерти»).

Материал исследования. Исследование являлось проводилось на базе двух центров. В 1-й части исследования — «Троллинг в контексте безопасности

детей» — принимали участие 463 обучающихся в возрасте от 11 до 17 лет школы № 922 г. Москвы, дирекция которой проявила заинтересованность в безопасности детей во внешкольном периоде их активности. Во 2-й части исследования — «Группы смерти в контексте безопасности детей» — принимали участие 36 родителей детей, направленных или обратившихся самостоятельно за помощью в Хабаровский центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи в связи с предполагаемой вовлеченностью этих детей в «группы смерти» в социальных сетях.

Методика исследования. Исследование проводилось в форме анкетирования. В «Троллинге в контексте безопасности детей» детям предлагалось дать ответы на следующие вопросы:

- Как часто Вы ссоритесь с преподавателями?
- Как часто Вы ссоритесь с родителями?
- Как часто взрослые запрещают Вам что-либо?

На каждый из этих вопросов предлагались варианты ответов: 1) каждый день; 2) несколько раз в неделю; 3) несколько раз в месяц; 4) несколько раз в год; 5) никогда.

В опроснике, предлагаемом родителям детей, предположительно состоявших в «группах смерти», были следующие вопросы.

1. Ваш ребенок говорил когда-нибудь о желании покончить с собой (совершить суицид)?
2. Вы знали, куда обратиться с этой проблемой?
3. Вы пытались ограничить общение ребенка в группах социальных сетей (в интернете), призывающих к суициду?
4. Была ли помощь от образовательных учреждений в связи с заявлениями ребенка об интересе к суициду?
5. У Вас было понимание, что и как делать для предотвращения суицидальных рисков у ребенка?
6. Ваш ребенок был связан с «группами смерти» в интернете и входил в них?
7. «Группы смерти» (в интернете) подталкивали Вашего ребенка к суициду?
8. Насколько сильным Вам видится влияние «групп смерти» в интернете вообще на появление суицидальных идей у Вашего ребенка?
9. Как часто Вы делились этой проблемой (суицидальный риск у Вашего ребенка) со знакомыми?
10. Какие чувства у Вас преимущественно возникали в связи с проблемой суицидальных заявлений от Вашего ребенка?
11. По Вашему впечатлению, Вы были один на один с проблемой суицидальной угрозы у ребенка, или была поддержка от других людей?
12. Попытки ограничения общения ребенка с «группами смерти» в интернете какие реакции вызывали у Вашего ребенка?
13. Вы пытались привлекать внимание общественности к проблеме суицидального риска у Вашего ребенка и, если да, то как?
14. У Вас было состояние стресса в связи с проблемой суицидальных заявлений Вашего ребенка и, если да, то как этот стресс проявлялся?

Результаты

1. С троллингом в «социальных сетях» ежедневно сталкиваются: 3 % учащихся из 5-х классов; 8 % учащихся 6-х классов; 6 % опрошенных в 10-х классах; 5 % — в 8-х классах; 1 % - в 7-х классах.

Несколько раз в неделю сталкиваются: 7 % учащихся в 7-х классах; 6% учащихся в 8-х классах; 4% — в 5-х и в 6-х классах; 3% — в 10-х классах.

Несколько раз в месяц: по 10% — в 8-х и 10-х классах; 9% — в 7-х классах; 7% — в 5-х классах; 6% — в 6-х классах.

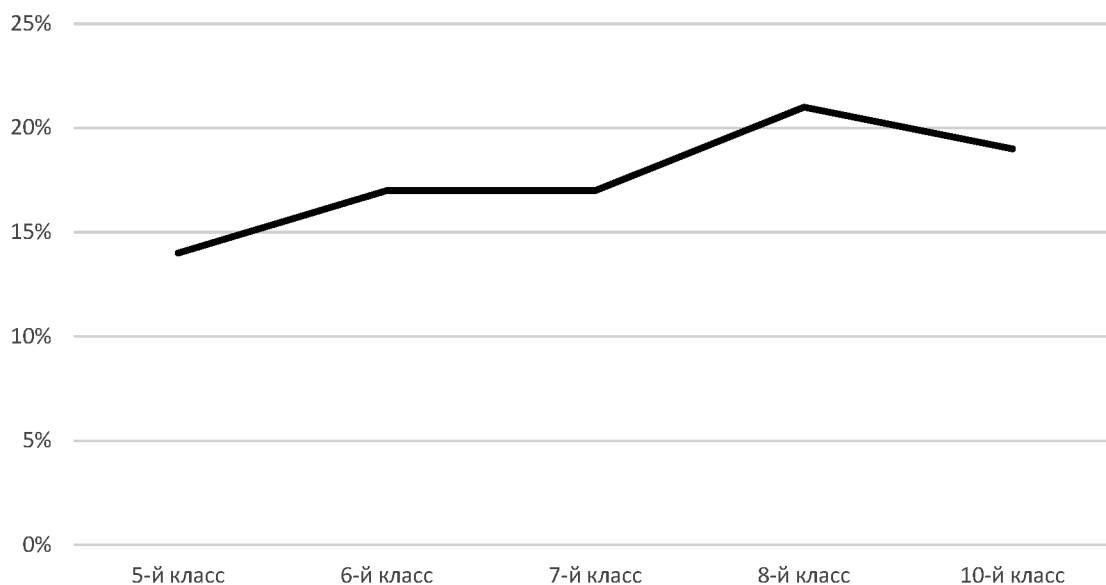
Несколько раз в год сталкиваются с данной проблемой: 15 % пятиклассников; 14 % учащихся 6-х классов; по 17% — в 7-х и 10-х классах; 30% учащихся 8-х классов.

Никогда не сталкивались: 71% — в 5-х классах; 68% — в 6-х классах; 66% — в 7-х классах; 64% — в 10-х классах; 49% — в 8-х классах.

Таким образом, с троллингом в «социальных сетях» ежемесячно сталкиваются не менее 14 % учащихся 5-х классов, 17 % — шестиклассников, 17 % — семиклассников, 21 % — восьмиклассников, 19% — десятиклассников. В среднем учащиеся, начиная с пятых и более старших классов в 17,6 % подвергаются ежемесячному троллингу в «социальных сетях». Хотя бы несколько раз в году сталкивались с троллингом в социальных сетях: 29 % учеников 5-х классов; 31 % учащихся 6-х классов; 34 % учеников 7-х классов; 51 % учеников 8-х классов; 36 % учеников 10-х классов. В среднем 36,2 % учащихся, начиная с 5-го класса и старше, подвергаются троллингу несколько раз в год. Для наглядности данные представлены на рисунке 1.

Рисунок 1

Частота троллинга в социальных сетях в зависимости от класса обучения

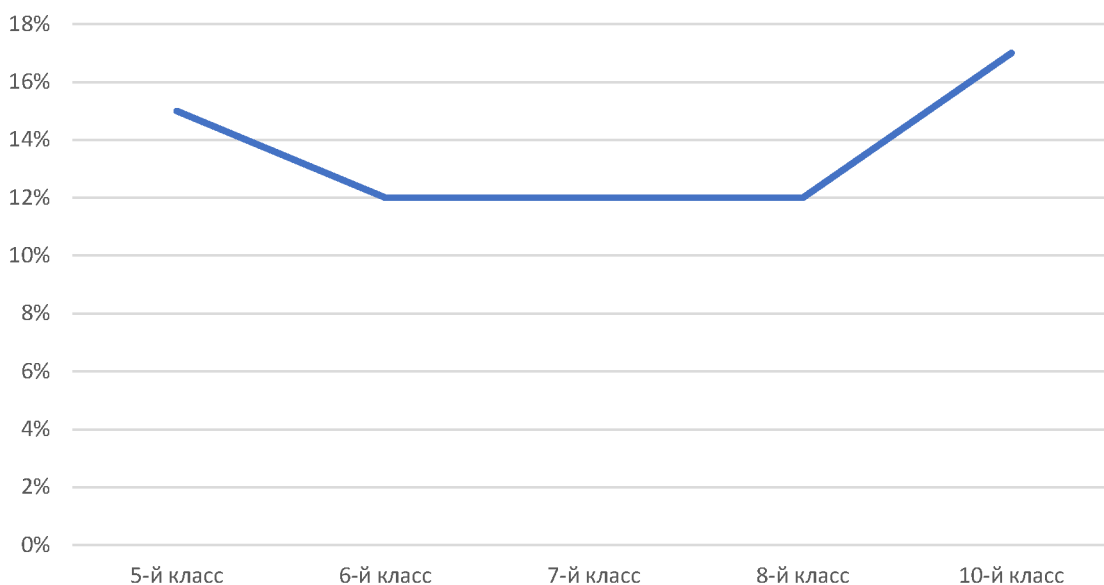

Среди девочек с троллингом в социальных сетях ежедневно сталкиваются: 2 % — в 5-х классах; 3 % — в 6-х классах; по 0 % — в 7-х и 8-х классах; 7 % опрошенных в 10-х классах. Несколько раз в неделю подвергаются троллингу: 5 % — в 5-х и 7-х классах; 2 % — в 6-х классах. 6 % — в 8-х классах, 3 % — в 10-х классах. Несколько раз в месяц подвергаются троллингу в социальных сетях: 8 % учениц 5-х классов; 7 % девочек из 6-х, 7-х и 10-х классов; 6 % — в 8-х классах. Несколько раз в год сталкиваются с данной проблемой: 15 % девочек 5-х классов, 10 % учениц 6-х классов; 17 % девочек 7-х классов, 36 % девочек 8-х классов; 16 % — в 10-х классах. Указали, что никогда не сталкивались с троллингом в социальных сетях: 70 % девочек из 5-х классов; 78 % учениц 6-х классов; 71 % учениц 7-х классов; 52 % девочек 8-х классов; 67 % девочек 10-х классов.

Таким образом, ежемесячно с проблемой троллинга сталкивается 15 % учениц 5-х классов; 12 % учениц 6-х, 7-х и 8-х классов и 17 % учениц 10-х классов. В среднем по ученицам 5-х и более старших классов этот показатель составил 13,6 %. Для наглядности данные представлены в графическом виде на рисунке 2.

Рисунок 2

Частота троллинга в социальных сетях среди девочек в зависимости от класса обучения

Вообще сталкиваются с проблемой троллинга хотя бы несколько раз в году 30 % учениц 5-х классов; 22 % учениц 6-х классов; 29 % учениц 7-х классов; 48 % учениц 8-х классов; 33 % учениц 10-х классов. В среднем среди девочек 5-10-х классов этот показатель составил 32,4 %.

Среди мальчиков с троллингом в социальных сетях ежедневно сталкиваются 4 % детей 5-х классов; 14 % — в 6-х классах; 2 % — в 7-х классах; 8 % опрошенных в 8-х классах; 7 % — в 10-х классах. Несколько раз в неделю подвергаются троллин-

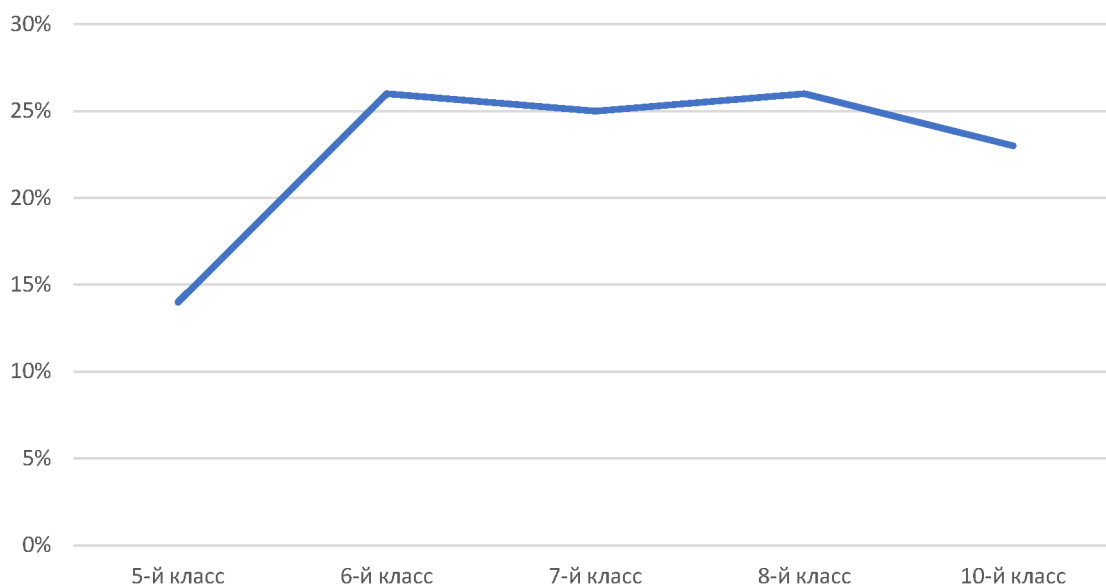

гу: 3 % мальчиков 5-х и 10-х классов; 7 % мальчиков из 6-х классов; 10 % мальчиков в 7-х классах; 6 % — в 8-х классах. Несколько раз в месяц подвергаются троллингу: 7 % мальчиков из 5-х классов, 5% — в 6-х классах; по 13 % — в 7-х и 10-х классах; 12 % — в 8-х классах. Несколько раз в год сталкиваются с троллингом: по 15 % учеников из 5-х и 7-х классов; 17 % — в 6-х классах; 26 % — в 8-х классах; 19 % мальчиков из 10-х классов. Никогда не сталкивались с троллингом: 71 % мальчиков в 5-х классах; 57 % — в 6-х классах; 60 % — в 7-х классах; 48 % мальчиков в 8-х классах; 58 % — в 10-х классах.

Среди мальчиков ежемесячно подвергаются троллингу: 14 % учеников 5-х классов, 26 % учеников 6-го класса; 25 % учеников из 7-х классов; 26 % мальчиков из 8-х классов; 23 % учеников 10-х классов. Для наглядности данные представлены на рисунке 3.

Рисунок 3

Частота троллинга в социальных сетях среди мальчиков в зависимости от класса обучения

В среднем, ежемесячно троллингу подвергается 22,8 % мальчиков — учащихся 5-х и старших классов. Вообще с проблемой троллинга, хотя бы несколько раз в год, сталкиваются 29 % мальчиков из 5-х классов; 43 % — из 6-х классов; 40 % — из 7-х классов; 52 % — из 8-х классов; 42 % — из 10-х классов. В среднем, это — 41,2 % учащихся, начиная с пятого класса и старше.

Анализ данных. Между подверженностью троллингу в соцсетях и ссорами с родителями существует средней силы статистически достоверная связь. Данные представлены в таблице 1.

Связь между подверженностью троллингу в соцсетях и ссорами с родителями

Наименование критерия	Значение критерия	Уровень значимости
Критерий Хи-квадрат	35,651	$p < 0,01$
Критерий Хи-квадрат с поправкой Йейтса	34,303	$p < 0,01$
Критерий ϕ Критерий V Крамера Критерий K Чупрова**	0,286	средняя сила связи*

* Интерпретация полученных значений статистических критериев согласно рекомендациям Rea&Parker.

** Для четырехпольной таблицы, используемой в данном калькуляторе, все три критерия (ϕ , Крамера, Чупрова) принимают одно и то же значение.

Между подверженностью троллингу и ссорами с педагогами также существует достоверная, но более слабая, чем для ссор с родителями, связь. Данные представлены в таблице 2.

Таблица 2

Связь между подверженностью троллингу и ссорами с педагогами

Наименование критерия	Значение критерия	Уровень значимости
Критерий Хи-квадрат	7,574	$p < 0,01$
Критерий Хи-квадрат с поправкой Йейтса	7,048	$p < 0,01$
Критерий ϕ Критерий V Крамера Критерий K Чупрова**	0,128	слабая связь*

* Интерпретация полученных значений статистических критериев согласно рекомендациям Rea&Parker.

** Для четырехпольной таблицы, используемой в данном калькуляторе, все три критерия (ϕ , Крамера, Чупрова) принимают одно и то же значение.

Между подверженностью троллингу и частотой запретов со стороны взрослых существует статистически значимая, но слабая связь. Данные представлены в таблице 3.

Связь между подверженностью троллингу и запретами со стороны взрослых

Наименование критерия	Значение критерия	Уровень значимости
Критерий Хи-квадрат	10,639	$p < 0,01$
Критерий Хи-квадрат с поправкой Йейтса	9,713	$p < 0,01$
Критерий ϕ Критерий V Крамера Критерий K Чупрова**	0,151	слабая связь*

* Интерпретация полученных значений статистических критериев согласно рекомендациям Rea&Parker.

** Для четырехпольной таблицы, используемой в данном калькуляторе, все три критерия (ϕ , Крамера, Чупрова) принимают одно и то же значение.

Таким образом, подверженность троллингу в некоторой мере связана с конфликтами ребенка и родителей, в еще меньшей мере эта связь прослеживается с запретами со стороны взрослых и еще меньше со ссорами с преподавателями.

2. Относительно «групп смерти» в социальных сетях, в частности, таких как «Синий кит», «F57» «Разбуди меня в 4.20», «Море китов», «Тихий дом» и т.д. всего в обработку поступило 36 анкет с опросом родителей, дети которых состояли или с высокой вероятностью могли состоять в такого рода группах.

На первый вопрос анкеты: «Ваш ребенок говорил когда-нибудь о желании покончить с собой (совершить суицид)?» — утвердительно ответили 15 человек (41 %); указали, что ребенок не сообщал о своем намерении 20 человек (55,5 %); один респондент выбрал вариант ответа «иное», пояснив, что ребенок резал себе вены.

При этом, зачастую родители таких детей не знали, куда можно обратиться с данной проблемой. Так, на второй вопрос анкеты: «Вы знали куда обратиться с этой проблемой?» — указали вариант ответа «да» 12 человек (32,4 %), «нет» указали 22 человека (59,4 %), «иное» — 2 человека (5,4 %).

На третий вопрос анкеты: «Вы пытались ограничить общение ребенка в группах социальных сетей (в интернете), призывающих к суициду?» — утвердительно ответили 25 человек (67,5 %); ответили «нет» 7 человек (18,9 %); ответили «иное» 3 респондента (8,1 %).

На вопрос: «Была ли помощь от образовательных учреждений в связи с заявлениями ребенка об интересе к суициду?» — утвердительно ответили 24 респондента (64,8%); ответили «нет» 5 человек (13,5%); и затруднились с ответом 6 человек (16,2%).

На пятый вопрос: «У Вас было понимание, что и как делать для предотвращения суицидальных рисков у ребенка?» — утвердительно ответили только 2 респондента (5,4%); указали, что «понимания не было вообще» 12 опрошенных (32,4%); указали вариант ответа: «Было частичное понимание», — 20 человек (54%).

На вопрос: «Ваш ребенок был связан с «группами смерти» в интернете и входил в них?» — утвердительно ответили 14 человек (37,8 %); ответили «нет» 4 человека (10,8 %); затруднились с ответом 16 человек (43,2 %).

На вопрос: «“Группы смерти” (в интернете) подталкивали Вашего ребенка к суициду?» — утвердительно ответили 16 респондентов (43,2 %); «нет» указали трое (8,1%); и затруднились с ответом 17 человек (45,9 %).

На вопрос: «Насколько сильным Вам видится влияние «групп смерти» в интернете вообще на появление суицидальных идей у Вашего ребенка?» — предполагались несколько вариантов ответов. Выбрали вариант: «Он сам до этого додумался и “группы смерти” ни при чем», — 4 человека (10,8 %). Вариант ответа: «Появление суицидальных идей — это полностью вина “групп смерти” в интернете», — выбрали 16 респондентов (43,2 %). Вариант: «Он сам(а) к этому пришел, но и “группы смерти” в интернете помогли ему в этом», — указали 14 человек (37,8 %).

На вопрос: «Как часто Вы делились этой проблемой (суицидальный риск у Вашего ребенка) со знакомыми?» — имелись разные варианты ответов. Вариант ответа: «Постоянно говорил(а) об этом, многим знакомым и родственникам», — выбрали 4 человека (10,8 %). Вариант ответа: «Иногда говорил(а) об этом знакомым и родственникам», — выбрали 8 респондентов (21,6 %). «Изредка говорил(а) об этом знакомым и родственникам» — выбрали 10 (27,7 %) респондентов. Вариант: «Никогда или почти никогда говорил(а) об этом знакомым и родственникам», — указали 14 человек (37,8 %).

На вопрос: «Какие чувства у Вас преимущественно возникали в связи с проблемой суицидальных заявлений от Вашего ребенка?» — предлагались варианты выбора. Респонденты указали «страх» в 20 (54 %) случаях, «отчаяние» в 6 случаях (16,2 %), «подавленность» в 4 случаях (10,8 %), «гнев» в 6 случаях (16,2 %).

На вопрос: «По Вашему впечатлению, Вы были один на один с проблемой суицидальной угрозы у ребенка или была поддержка от других людей?» — предлагались несколько вариантов ответов. Указали вариант: «Поддержки не было вовсе», — 5 респондентов (13,5 %). Указали вариант: «Поддержка была в достаточном объеме и эмоционально и практически», — 4 человека (10,8%). Указали вариант: «Поддержка была преимущественно эмоциональная, а практической было недостаточно», — 3 человека (8,1 %). Указали вариант: «Поддержка была практическая. Помощью ребенку занимались другие люди, организации», — 18 человек (48,6 %). Вариант ответа: «Затрудняюсь ответить», — выбрали 7 человек (18,9 %).

На вопрос: «Попытки ограничения общения ребенка с «группами смерти» в интернете какие реакции вызывали у Вашего ребенка?» — были разные варианты ответа. Вариант ответа: «Он протестовал и конфликтовал со мной», — указали 8 опрошенных (21,6 %). «Находил иные способы продолжить общение в “группах смерти”, не конфликтуя со мной», — 4 человека (10,8 %). «Он(а) соглашался с тем, что общение надо ограничить», — 6 человек (16,2 %). «Я не ограничивал(а) его общение», — 4 человека (10,8 %). «Затрудняюсь ответить», — 14 человек (37,8 %).

На вопрос: «Вы пытались привлечь внимание общественности к проблеме суицидального риска у Вашего ребенка и, если да, то как?» — предлагались несколько вариантов ответа. «Говорили знакомым и близким», — 8 человек (21,6 %). «Сообщали в образовательное учреждение», — 8 человек (21,6 %). «Обращались в полицию», — 8 человек (21,6 %). «Обращались в интернете в сообщества, про-

тиводействующие «группам смерти», — 1 человек (2,7 %). «Обращались за психологической (психиатрической) помощью», — 23 (62,1 %) человека. «Обращались в органы власти», — 0 человек (0 %). «Никуда не обращались», — 0 человек (0 %).

На вопрос: «У Вас было состояние стресса в связи с проблемой суицидальных заявлений Вашего ребенка и, если да, то как этот стресс проявлялся?» — было несколько вариантов ответа. Указали вариант: «Была тревога, страх и беспокойность», — 21 человек (56,7 %); «Были отчаяние, печаль, подавленность», — 5 человек (13,5 %); «Испытывал (а) гнев, злость», — 8 человек (21,6 %); «Было желание получить поддержку от других и их внимание», — 6 человек (16,2 %); «Никак не проявлялся, в себе все держал(а)», — 2 человека (5,4 %). «Иное», — 2 человека (5,4 %).

Статистическая обработка данных методами непараметрической статистики позволила определить ряд закономерностей. В частности, определена значительно выраженная статистически достоверная связь между утвердительными ответами родителей на вопрос: «Ваш ребенок говорил, когда-нибудь о желании покончить с собой (совершить суицид)?» и ответами на вопрос: «Вы знали, куда обратиться с этой проблемой?». Данные представлены в таблице 4.

Таблица 4

Связь между утвердительными ответами родителей на вопрос: «Ваш ребенок говорил, когда-нибудь о желании покончить с собой (совершить суицид)?» и ответами на вопрос: «Вы знали, куда обратиться с этой проблемой?»

Наименование критерия	Значение критерия	Уровень значимости
Критерий Хи-квадрат	11,483	$p < 0,01$
Критерий Хи-квадрат с поправкой Йейтса	9,050	$p < 0,01$
Критерий ϕ Критерий V Крамера Критерий K Чупрова**	0,590	относительно сильная связь*

* Интерпретация полученных значений статистических критериев согласно рекомендациям Rea&Parker.

** Для четырехпольной таблицы, используемой в данном калькуляторе, все три критерия (ϕ , Крамера, Чупрова) принимают одно и то же значение.

Связь между утвердительными ответами на вопрос: «Ваш ребенок говорил когда-нибудь о желании покончить с собой (совершить суицид)?» и утвердительными ответами на вопрос: «Вы пытались ограничить общение ребенка в группах социальных сетей (в интернете), призывающих к суициду?» — является статистически недостоверной. Таким образом, наличие информации у родителей о намерении ребенка совершить суицидальную попытку и ограничение доступа к коммуникациям в «группах смерти» оказались не связанными между собой явлениями. Одно не приводило к другому. Критерий Хи-квадрат = 3,182 при $p > 0,05$, критерий Хи-квадрат с поправкой Йейтса = 1,99 при $p > 0,05$, критерий Хи-квадрат с поправкой Йейтса = 2,654 при $p > 0,05$.

Связь между имеющимися у родителей представлениями о вовлеченности ребенка в «группы смерти» и влияние этих групп на появление суицидальных идей у ребенка является статистически достоверной. Данные представлены в таблице 5.

Таблица 5

Связь между имеющимися у родителей представлениями о вовлеченности ребенка в «группы смерти» и влияние этих групп на появление суицидальных идей у ребенка

Критерии оценки значимости различий исходов в зависимости от воздействия фактора риска		
Наименование критерия	Значение критерия	Уровень значимости
Критерий Хи-квадрат	5,431	$p < 0,05$
Критерий Хи-квадрат с поправкой Йейтса	3,524	$p > 0,05$
Критерий Хи-квадрат с поправкой на правдоподобие	NaN	$p > 0,05$
Точный критерий Фишера (двусторонний)	0,02696	$p < 0,05$
Минимальное значение ожидаемого явления - 2.57		
Критерии оценки силы связи между фактором риска и исходом		
Наименование критерия	Значение критерия	Сила связи*
Критерий ϕ Критерий V Крамера Критерий K Чупрова**	0,394	средняя
Коэффициент сопряженности Пирсона (C)	0,367	средняя
Нормированное значение коэффициента Пирсона (C')	0,518	относительно сильная

* Интерпретация полученных значений статистических критериев согласно рекомендациям Rea&Parker.

** Для четырехпольной таблицы, используемой в данном калькуляторе, все три критерия (ϕ , Крамера, Чупрова) принимают одно и то же значение.

Выводы

Как свидетельствуют представленные результаты, троллингу в социальных сетях подвержено большое количество детей, в среднем, около 36 % учащихся, начиная с 5-го класса и старше, подвергаются троллингу несколько раз в год.

Подверженность троллингу в соцсетях у девочек снижается в 6-м, 7-м и 8-м классах, в то время как у мальчиков, учащихся в 6-х, 7-х и 8-х классах, подверженность троллингу наиболее высокая. С другой стороны, у девочек 5-х и 10-х классов подверженность троллингу существенно выше, чем в 6-х, 7-х и 8-х классах, а у мальчиков, наоборот — она ниже.

Подверженность троллингу в некоторой мере коррелирует и имеет связь со ссорами детей с родителями.

Дети, состоящие «в группах смерти», сообщают родителям о суицидальных мыслях менее, чем в половине случаев, что, несомненно, является фактором, повышающим суицидальный риск. Родители, дети которых состоят в «группах смерти», более чем в половине случаев не знают, куда можно обратиться с этой проблемой и что можно предпринять, и испытывают широкий спектр эмоций (чаще — страх, отчаяние и гнев). С другой стороны, знание родителей, куда обратиться, и сообщение родителю о суицидальном намерении ребенком оказались взаимосвязанными явлениями и, вероятно, имеют ту же природу, что и феномен снижения суицидального риска у лиц, получающих карточки с контактной информацией о том, куда они могут обратиться за помощью (этот феномен был подтвержден в исследованиях по суицидальному риску, инициированных ВОЗ). Таким образом, знание, куда обратиться, может являться фактором, способствующим своевременному распознаванию родителями суицидального риска у ребенка и, соответственно, первичной профилактике этого риска.

Сообщение родителям о суицидальном намерении ребенком в большинстве случаев сопровождается попытками ограничить общение ребенка в сети. Однако эта мера только в 16 % случаев находила поддержку у ребенка, в других случаях дети протестовали, находили способы продолжать общение и т.п.

Существенную помощь родителям оказывают общеобразовательные учреждения (более 64 % респондентов это указали).

Наиболее часто, в порядке убывания частоты, родители детей, заявлявших о суицидальных идеях, были склонны обращаться за психологической и психиатрической помощью, в полицию, в общеобразовательные учреждения, к близким и родственникам (в соотношении частот 2,3:1:1:1)

При том, что дети, обследованные в данной выборке, были отобраны разными специалистами как потенциально связанные с «группами смерти», родители указали на такую связь только в 38 % случаев. Указали на влияние этих «групп смерти» на суицидальное поведение ребенка 43% респондентов. В ответе на вопрос: «Насколько сильным Вам видится влияние «групп смерти»? — около 80 % родителей указали на наличие влияния этих групп на своего ребенка, и эта связь оказалась статистически достоверной. Таким образом, налицо противоречие между суждениями родителей о роли «групп смерти» и их информированностью о связи ребенка с ними. Не исключено, что такое противоречие связано с попыткой психологически защитить себя и возможным чувством вины. Данный феномен нам представляется весьма важным и требует дополнительного изучения, как, впрочем, и тема кибербезопасности детей.

Литература

Акулич 2012 — *Акулич М.М.* Троллинг в социальных сетях: возникновение и развитие // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2012. № 3. С. 30-37.

Баблюян 2016 — *Баблюян Н.В.* Троллинг и его влияние на социальный интеллект рос-

сийской молодежи // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2016. № 3. С. 79-83.

Внебрачных 2012 — *Внебрачных Р.А.* Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах // Вестник Удмуртского университета. Философия. Социология. Психология. Педагогика. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2012. Вып. 1. С. 48-51.

Глушкова 2016 — *Глушкова О.В.* Троллинг как следствие виртуального общения // Научно-технический прогресс: актуальные и перспективные направления будущего сборник материалов II Международной научно-практической конференции. В 2 т. 2016. С. 27-28.

Гмызина 2017 — *Гмызина Э.В.* Сетевой троллинг как коммуникативная стратегия: культурологический ракурс // Научное и образовательное пространство: перспективы развития Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции. 2017. С. 40-43.

Дементьев, Дубровина 2015 — *Дементьев О.М., Дубровина М.М.* Интернет-троллинг — шалость, правонарушение или преступление? // Science Time. 2015. № 10 (22). С. 80-86.

Любов, Антохин, Палаева 2016 — *Любов Е.Б., Антохин Е.Ю., Палаева Р.И.* Комментарий. Двудикая паутина: Вертер vs Папагено // Суицидология. 2016. Т. 7. № 4 (25). С. 41-51.

Немыка, Ушаков 2012 — *Немыка А.А., Ушаков А.А.* Дискурсивное пространство текста: троллинг как элемент некооперативной речевой стратегии современной интернет-коммуникации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2012. № 4. С. 68-71.

Новокшионов 2013 — *Новокшионов Д.Е.* Троллинг: стратегия дискредитации & дискредитация стратегий // Медиалингвистика. 2013. Т. 2. С. 224-227.

Сапоровская и др. 2017 — *Сапоровская М.В. и др.* Психометрический анализ группы смерти «синий кит» социальной сети «вконтакте» как деструктивного он-лайн квест-ресурса / М.В. Сапоровская, А.А. Максименко, А.Ю. Тимонин, Г.В. Опарин // Аллея науки. 2017. Т. 2. № 11. С. 124-129.

Строителей 2013 — *Строителей Н.М.* Троллинг, как разновидность провокационного речевого поведения (на материалах англоязычных игс-чатов) // Ученые заметки ТОГУ. 2013. Т. 4. № 4. С. 663-668.

Тетюев, Шаповалова 2016 — *Тетюев И.А., Шаповалова Т.А.* Девиантное поведение в интернет: троллинг как форма социальной критики // Избранные доклады 62-й университетской научно-технической конференции студентов и молодых ученых Томский государственный архитектурно-строительный университет. 2016. С. 1179-1186.

Golbeck 2014 — *Golbeck J.* Internet Trolls Are Narcissists, Psychopaths, and Sadists [Электронный ресурс.] — Режим доступа: URL: <https://www.psychologytoday.com/blog/your-online-secrets/201409/internet-trolls-are-narcissists-psychopaths-and-sadists> (дата обращения 08.11.2017).

Maltby et al. 2016 — *Maltby J. et al.* Implicit Theories of Online Trolling: Evidence that Attention-Seeking Conceptions are Associated with Increased Psychological Resilience / J. Maltby, L. Day, R.M. Hatcher, S. Tazzyman, H.D. Flowe, E.J. Palmer, C.A. Frosch, M. O'Reilly, C. Jones, C. Buckley, M. Knieps, K. Cutts // British Journal of Psychology. 2016. Vol. 107. Issue 3. P. 448-466.

References

- Akulich 2012 — *Akulich M.M.* Trolling v social'nyh setjah: vznikovenie i razvitie // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Sociologija. 2012. № 3. S. 30-37.
- Bablojan 2016 — *Bablojan N.V.* Trolling i ego vlijanie na social'nyj intellekt rossijskoj molodezhi // Jekonomicheskie i gumanitarnye issledovanija regionov. 2016. № 3. S. 79-83.
- Vnebrachnyh 2012 — *Vnebrachnyh R.A.* Trolling kak forma social'noj agressii v virtual'nyh soobshhestvah // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Psihologija. Pedagogika. Izhevsk: Udmurtskij gosudarstvennyj universitet, 2012. Vyp. 1. S. 48-51.
- Glushkova 2016 — *Glushkova O.V.* Trolling kak sledstvie virtual'nogo obshhenija // Nauchno-tehnicheskij progress: aktual'nye i perspektivnye napravlenija budushhego sbornik materialov II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. V 2 t. 2016. S. 27-28.
- Gmyzina 2017 — *Gmyzina Je.V.* Setevoj trolling kak komunikativnaja strategija: kul'turologicheskij rakurs // Nauchnoe i obrazovatel'noe prostranstvo: perspektivy razvitija Sbornik materialov VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 2017. S. 40-43.
- Dement'ev, Dubrovina 2015 — *Dement'ev O.M., Dubrovina M.M.* Internet-trolling — shalost', pravonarushenie ili prestuplenie? // Science Time. 2015. № 10 (22). S. 80-86.
- Ljubov, Antohin, Palaeva 2016 — *Ljubov E.B., Antohin E.Ju., Palaeva R.I.* Kommentarij. Dvulikaja pautina: Verter vs Papageno // Suicidologija. 2016. T. 7. № 4 (25). S. 41-51.
- Nemyka, Ushakov 2012 — *Nemyka A.A., Ushakov A.A.* Diskursivnoe prostranstvo teksta: trolling kak jelement nekooperativnoj rechevoj strategii sovremennoj internet-kommunikacii // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Voprosy obrazovanija: jazyki i special'nost'. 2012. № 4. S. 68-71.
- Novokshonov 2013 — *Novokshonov D.E.* Trolling: strategija diskreditacii & diskreditacija strategij // Medialingvistika. 2013. T. 2. S. 224-227.
- Saporovskaja i dr. 2017 — *Saporovskaja M.V. i dr.* Psihometricheskij analiz gruppy smerti «sinij kit» social'noj seti «vkontakte» kak destruktivnogo on-lajn kvest-resursa / M.V. Saporovskaja, A.A. Maksimenko, A.Ju. Timonin, G.V. Oparin // Alleja nauki. 2017. T. 2. № 11. S. 124-129.
- Stroitelev 2013 — *Stroitelev N.M.* Trolling, kak raznovidnost' provokacionnogo rechevogo povedenija (na materialah anglojazychnyh irc-chatov) // Uchenye zametki TOGU. 2013. T. 4. № 4. S. 663-668.
- Tetjuev, Shapovalova 2016 — *Tetjuev I.A., Shapovalova T.A.* Deviantnoe povedenie v internet: trolling kak forma social'noj kritiki // Izbrannye doklady 62-j universitetskoj nauchno-tehnicheskij konferencii studentov i molodyh uchenyh Tomskij gosudarstvennyj arhitekturno-stroitel'nyj universitet. 2016. S. 1179-1186.
- Golbeck 2014 — *Golbeck J.* Internet Trolls Are Narcissists, Psychopaths, and Sadists [Jelektronnyj resurs.] — Rezhim dostupa: URL: <https://www.psychologytoday.com/blog/your-online-crets/201409/internet-trolls-are-narcissists-psychopaths-and-sadists> (data obra-shhenija 08.11.2017).
- Maltby et al. 2016 — *Maltby J. et al.* Implicit Theories of Online Trolling: Evidence that Attention-Seeking Conceptions are Associated with Increased Psychological Resilience / J. Maltby, L. Day, R.M. Hatcher, S. Tazzyman, H.D. Flowe, E.J. Palmer, C.A. Frosch, M. O'Reilly, C. Jones, C. Buckley, M. Knieps, K. Cutts // British Journal of Psychology. 2016. Vol. 107. Issue 3. P. 448-466.

Дарья Калиновская¹

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТЕРРОР В ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ И ВОЗМОЖНОСТЬ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ТАКИХ КОНФЛИКТОВ В ПРОЦЕДУРЕ МЕДИАЦИИ

Аннотация. В статье дано понятие моббинга в трудовых отношениях. Раскрыты виды моббинга и, с учетом особенностей регулирования трудовых отношений в Российской Федерации, даны предложения о возможности урегулирования таких конфликтов в процедуре медиации.

Ключевые слова: трудовые отношения; моббинг; медиация; конфликт.

Daria Kalinovskaya

PSYCHOLOGICAL TERROR IN LABOUR RELATIONS AND POSSIBILITY OF RESOLVING SUCH CONFLICTS THROUGH MEDIATION

Abstract. The article contributes to the concept of mobbing in labour relations. It offers typology of mobbing and takes into account the peculiarities of regulation of labour relations in the Russian Federation; suggestions are made concerning the possibility of resolving such conflicts in mediation.

Key words: labour relations; mobbing; mediation; conflict.

За последние несколько лет в России возросло количество случаев психологического террора сотрудников на рабочем месте (моббинг), проявление которого происходит в различных формах.

Моббинг на рабочем месте давно изучен в Европе. Впервые исследование данного явления было проведено в 1980 г. немецко-шведским ученым Хайнцем Лей-

---

¹ © Д.С. Калиновская, 2017.

маном², который заимствовал данное понятие из этологии — науки о поведении животных. Исследователи описали, как животные объединялись в группы и целенаправленно «уничтожали» одну или несколько более слабых особей, следовательно, это явление очень хорошо описывало ситуацию для обозначения психологического террора на рабочем месте. Психологический террор или моббинг в трудовой деятельности включает в себя враждебное и агрессивное отношение, которое направлено на одного или нескольких лиц, в основном на одного человека, который из-за преследования на рабочем месте становится в позицию беспомощного и незащищенного на протяжении всего моббинг-процесса [Поликанова, Вражнова 2011: 78].

Предпосылки возникновения моббинг-процесса являются различными. К ним могут относиться как личная неприязнь к новому работнику, так и видимую перспективность сотрудника, поэтому источник моббинга всячески пытается защитить свое положение на рабочем месте.

«Моббинг» происходит от английского «mob» — толпа, «to mob» — притеснять, преследовать, грубить, нападать, придирааться, хамить [Алтухова 1998: 63]. Моббинг — общий термин, описывающий несколько вариантов психологического притеснения на рабочем месте. Различают вертикальный моббинг — когда коллектив ополчается против начальника или же руководитель оказывает психологическое насилие над подчиненным («боссинг» — от английского boss). Горизонтальный моббинг предполагает психологическое притеснение коллективом одного из работников («стаффинг»). Именно этот вид моббинга в наибольшей мере отражает содержание самого термина, произошедшего от английского mob — толпа. Существует еще один схожий термин — «буллинг», который означает психологическое давление «один на один». Смешанный моббинг — это одновременное притеснение и по вертикали, и по горизонтали.

Моббинг-действия могут быть представлены в виде коммуникативных нападений, активных и пассивных. Это может быть постоянное прерывание, крики и ругательства, критика работы и личной жизни, устные и письменные угрозы, либо отказ от контакта и постоянное избегание человека и др.

Часто моббинг проявляется в виде угрозы социальному авторитету. Стратегии здесь разнообразны: над человеком смеются, его дискриминируют на основании личных, политических, этнических, половых или физических признаков. Его принуждают выполнять работу, которая унижает чувство собственного достоинства, либо же работу оценивают несправедливо и оскорбительно. К данному виду также относится притеснение на рабочем месте, нарушение работодателем трудового законодательства в части непредоставления дополнительного оплачиваемого и неоплачиваемого отпуска, несоблюдения условий и создания инфраструктуры для работы, непредоставления возможности саморазвития и продвижения по карьер-

---

² В память о Х. Леймане (1932—1999) его коллеги создали и поддерживают сайт «Энциклопедия моббинга» на нескольких языках (<https://web.archive.org/web/20061004041403/http://leymann.se/>). Его главным работам посвящен мемориальный сайт о нем (<http://www.mobbingportal.com/leymannmain.html>). — *Примеч. ред.*

ной лестнице, невыдачи премий и поощрения, недонесения существенной информации для работника и т.д.

Продолжительный моббинг-процесс вреден для психического и физического состояния человека, также объекты моббинга испытывают прямые посягательства на здоровье. Особенно высок риск моббинга для людей, которые уже страдают от вреда, причиненного здоровью, например, физически или умственно неполноценных; немощных и/или старых людей и т.п.

Несмотря на то, что в Европе данный феномен стал объектом и изучения, и борьбы с ним уже более 20 лет назад, в современной России моббинг как социальное зло малоизвестен, поскольку граждане, подвергшиеся моральному преследованию, стараются не афишировать то, что произошло с ними на их рабочем месте, а организации скрывают случаи моббинга, опасаясь дискредитации.

Термин «моббинг» законодателю неизвестен, так как в противном случае он должен был бы найти адекватное отражение в Трудовом кодексе Российской Федерации и в других федеральных законах, которые в той или иной степени регламентируют трудовые отношения, но в данное время защита от моббинга лишь приравнивается к взысканию моральной компенсации. Внедрение нового правового института требует широкой гласности — как с целью повышения правовой грамотности населения, так и при создании норм и способов защиты лицам, пострадавшим от моббинга на рабочем месте.

В настоящее время в связи с отсутствием правовой защиты и стремительно развивающимся моббинг-процессом в России необходимо предоставлять возможность защищать свои права и законные интересы лицам, подвергшимся психологическому террору с угрозой подрыва социального авторитета. Доказывание наличия морального вреда является длительным и малоэффективным процессом, не всегда приводя к должному результату. При сложившейся экономической ситуации с отсутствием рабочих мест и стремительным ростом цен за оплату коммунальных услуг, продуктов питания и товаров первой необходимости, не все имеют возможность уйти с работы, где коллектив терроризирует работника. Учитывая вышесказанное, важно сохранить и работу, и восстановить отношения в коллективе.

Из вышесказанного следует в Российской Федерации практически полностью отсутствуют и антимоббинговое законодательство, и специализированные общественные институты защиты от моббинга, каких-либо специальных мер правовой защиты от психологического насилия на работе не предусмотрено, а практическая потребность в правовом освоении проблемы моббинга только начинает осознаваться.

Стоит отметить, что необходимость проработки правовых механизмов защиты от моббинга осознается отечественными юристами. Некоторые авторы рассматривают проблему моббинга с позиции обеспечения права работника на защиту чести и достоинства во время трудовой деятельности. В рамках этого направления разрабатываются правовые модели принципа запрета злоупотребления правом и возмещения морального вреда, причиненного работнику. Другие ученые рассматривают проблематику моббинга в рамках новой международной концепции охраны труда, определяющей обеспечение оптимального психологического кли-

мата на рабочих местах как одну из важнейших составляющих системы профессиональной безопасности. В последнее время наметилось еще одно широкое и перспективное направление исследований — изучение моббинга в различных его проявлениях (вертикальный, горизонтальный и смешанный моббинг) в системе государственной гражданской службы [Соловьев 2008: 116].

Несмотря на фактическое отсутствие урегулирования подобных конфликтов, в настоящее время доступен лишь один эффективный метод, который поможет сэкономить сторонам и денежные средства, и время. Такую возможность предоставляет нам процедура медиации.

Правовые споры, которые могут быть урегулированы в процедуре медиации, предусмотрены Федеральным законом от 27.07.2010 №193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». В законе нет запрета на проведение процедуры медиации моббинг-конфликтов, ведь данные споры возникли из трудовых отношений, следовательно, категория данных дел абсолютна медиабельна. Учитывая возросшее количество подобных конфликтов и отсутствие возможности защиты работников, пострадавших от моббинг-действий, необходимо при подготовке медиаторов включать этот аспект в процесс обучения.

Литература

Алтухова 1998 — *Алтухова Г.А.* Моббинг как этическая проблема // Библиотекосведение. 1998. № 2. С. 63-70.

Поликанова, Вражнова 2011 — *Поликанова О.Ю., Вражнова М.Н.* Исследование моббинг-процессов в системе межличностных конфликтов среди работников организации // Молодой ученый. 2011. №4. Т.3. С. 78-83.

Соловьев 2008 — *Соловьев А.В.* Моббинг: психологический террор на рабочем месте // Справочник кадровика. 2008. № 9.

References

Altuhova 1998 — *Altuhova G.A.* Mobbing kak jeticheskaja problema // Bibliotekovedenie. 1998. № 2. S. 63-70.

Polikanova, Vrazhnova 2011 — *Polikanova O.Ju., Vrazhnova M.N.* Issledovanie mobbing-processov v sisteme mezhlichnostnyh konfliktov sredi rabotnikov organizacii // Molodoj uchenyj. 2011. №4. T.3. S. 78-83.

Solov'ev 2008 — *Solov'ev A.V.* Mobbing: psihologicheskij terror na rabochem meste // Spravochnik kadrovika. 2008. № 9.

Андрей Пентин¹

ВОССТАНОВИТЕЛЬНАЯ КУЛЬТУРА В ШКОЛЕ. ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИСКУССИИ

Аннотация. Статья посвящена проблеме дефицита эффективных способов выстраивания отношений в школьном сообществе, воспитания ответственности и разрешения конфликтов. В ней обсуждаются ключевые положения и принципы восстановительной культуры и основания для ее внедрения в образовательные учреждения.

Ключевые слова: инновационные воспитательные технологии; восстановительная культура в школе; нарративный подход; восстановительный подход.

Andrey Pentin

RESTORATIVE CULTURE IN SCHOOL. CONTINUATION OF THE DISCUSSION

Annotation. The article is devoted to the problem of the lack of effective ways of building relationships in the school community, educating responsibility and resolving conflicts. It discusses key provisions and principles of restorative culture and the grounds for its implementation in educational institutions.

Keywords: innovative educational technologies; restorative culture in school; narrative approach; restorative approach.

Введение

Настоящая статья написана с опорой на непереведенную на русский язык книгу Дж. Уинслейда и М. Уильямса «Safe and peaceful schools: addressing conflict and eliminating violence» и посвящена проблеме дефицита эффективных способов выстраивания отношений в школьном сообществе, воспитания ответственности и разрешения конфликтов [Winslade, Williams 2012]. Апеллируя ко всему школьному сообществу — к администрации, к психологам и социальным работникам, к преподавательскому составу, родительскому сообществу и, наконец, к учащимся,

---

¹ © А.А. Пентин, 2017.

мы обсудим ключевые положения и принципы восстановительной культуры и основания для ее внедрения в образовательные учреждения.

В первой части статьи мы поделимся своим видением проблемы, во второй — опишем концепцию восстановительной культуры как одного из эффективных подходов к работе с конфликтными ситуациями и отношениями в сообществах.

1. Конфликты и насилие в образовательных учреждениях.

Конфликты — это нормально

Конфликт — естественное, неизбежное явление. Он является результатом взаимодействия различий людей — их культурного бэкграунда, личностных стилей, мировоззрений и точек зрения, целей, надежд и амбиций. Всегда будут ситуации, в которых будет возможно их столкновение. И в школьном сообществе они случаются не реже, чем где-либо еще. В школьном сообществе часто присутствует тенденция обесценивать значимость конфликтов и представлять школу как среду, где конфликтов не существует. Однако, на наш взгляд, более конструктивный подход школы состоит в том, чтобы декларировать в качестве цели создание среды, где конфликты разрешаются эффективно — таким образом, при котором к различиям между людьми проявляется уважение, культурные особенности ценятся, голоса отдельных учащихся и педагогов услышаны и все они привлечены к обсуждению — так, чтобы учебный процесс мог продолжаться.

Переживание конфликта часто оказывается болезненным. Это связано с недостаточной эффективностью, конструктивностью найденного способа обращения с этой ситуацией. Много энергии, которая могла бы пригодиться для учебного процесса, уходит на мысли о конфликте. Иногда конфликт порождает агрессию, и тогда степень болезненности переживаний сильно возрастает.

Конструктивное обращение с конфликтами часто оказывается очень сложным. Мы обычно учимся делать это в семье и в школе стихийно. Редко есть какая-то комплексная система обучения выстраивания отношений и разрешения разногласий. В частности, учащиеся далеко не всегда учатся обращаться с конфликтом. Иногда педагоги им рассказывают об этом и дают советы, но, чаще всего, без примеров и без возможности попрактиковать соответствующие навыки.

В школах и колледжах случаются конфликты самого разного толка, в том числе и конфликты между педагогами или у педагогов с администрацией. С нашей точки зрения, в современном мультикультурном мире необходимо воспринимать эти явления как норму и быть готовыми с ними работать. Такая работа включает в себя организацию процесса, в котором люди имеют возможность выразить свою точку зрения, повлиять друг на друга, выслушать и услышать, достигнуть решений, которые будут учитывать разные позиции, нежели лоббировать чью-то одну. Эффективное руководство в школе не требует способности всегда знать наилучшие решения — скорее, требуется внимание к организации таких процессов конструктивного отношения к разногласиям и возникающим конфликтам.

Цель нашей работы — разработать модель целостного подхода, представляющего собой комплекс технологий, направленных на работу с отношениями, различного рода конфликтами в школьном сообществе.

В статье мы намерены:

- обосновать необходимость свежего взгляда на проблему школьного насилия и конфликтов;
- продолжить знакомство с контекстом восстановительной культуры через призму нарративного подхода к социальной работе [Брейтуэйт 2002];
- описать основные связанные с этим контекстом идеи;
- попытаться сформулировать определение понятия восстановительной культуры.

Мы бы хотели обозначить основные положения, на которые мы опираемся в нашей работе, философскую позицию, которую мы здесь занимаем. Не все с нами согласятся. Одной из сложностей работы с конфликтами и борьбы с насилием является частое расхождение в убеждениях специалистов, работающих в этой сфере. Мы хотели бы просто предложить вам обдумать, рассмотреть возможность опробовать некоторые из этих идей в качестве работоспособных. Так у них будет шанс оказаться чем-то свежим, а не только «чем-то в другой форме, что мы уже пробовали».

Насилие — это проблема

То, что конфликт должен быть принят как норма и в приоритете должно быть обучение навыкам разрешения конфликтов, совершенно не значит, что мы можем принимать насилие как неизбежность. Насилие в школе — это проблема.

Определение насилия чаще всего подразумевает применение силы. Интерпретация сфокусирована на высчитывании степени проявленной агрессии. Какая-то степень агрессии может считаться терпимой или приемлемой в определенном контексте. Но действие признается насильственным только в том случае, если была проявлена большая степень физической силы, в особенности, если в результате кому-то нанесен физический вред.

На наш взгляд, более полезным является определение насилия как процесса, направленного на то, что собственно становится предметом насилия. С этой точки зрения, иногда насилием оказываются действия, направленные на ущемление прав человека, в особенности на его право действовать самостоятельно, защищать себя, выражать свои мысли.

Альтернатива «силовой» интерпретации основана на понимании того, что стало предметом насильственных действий, чему нанесен вред. Такое понимание ведет к более глубокому признанию значимости насилия. Оно включает в себя внимание к социальному положению и то, как это положение влияет на проявления власти в отношениях. В этом толковании насилия процесс доминирования оказывается важнее, чем степень проявленной агрессии. Помимо физического вреда, оно включает в себя запугивание, угрозы, эмоциональное давление. Многие из этого достаточно беззвучно и может быть легко не замечено преподавателями. Но оно наносит вред, и часто это оказывает куда большее влияние на жертв, чем физический вред. Смс-травля или буллинг в социальных сетях — примеры такого насилия без перехода границ «допустимой» агрессии. Так же, как и поведение, когда отдельно взятый человек, будь то ученик или преподаватель, стоит в двух сантиметрах от своего визави и кричит на него, намеренно вызывая страх, но не

дотрагиваясь до него, может также называться покушением на человеческое достоинство, т.е. насилием над личностью.

Насилие, как мы его понимаем, представляет собой практику власти, нарушающую отношения между людьми. Впрочем, нам следует помнить, что далеко не все практики власти являются насилием. Власть, в терминах Фуко, часто является самым обычной характеристикой отношений между людьми, в контексте которых один из них пытается влиять на другого [Foucault 2000]. Для того, чтобы такие отношения приобрели характер насилия, они должны содержать элемент или попытку доминирования одного над другим против его воли.

Эффективный учебный процесс возможен только в контексте эмоционального спокойствия и комфорта, но не в атмосфере доминирования стресса, злости и страха. Опасность — как и в самом насилии, так и его угрозе, страхе насилия, свидетельствах насилия, совершенного над другими. Все это плачевно сказывается на способности нормально обучать и учиться.

Проблема наказания и политика абсолютной нетерпимости

Важно сказать несколько слов об общепринятых подходах. Основным моментом подходов в большинстве образовательных учреждениях является политика абсолютной нетерпимости (далее АН) к проявлениям насилия. Такая политика предполагает определенный комплекс строгих мер карательного характера, принимаемых вне зависимости от степени серьезности поведения, меняющихся обстоятельств и контекста ситуации.

Когда учащийся совершает серьезное дисциплинарное нарушение, обычно, особенно при политике АН, нарушитель порядка должен быть изолирован из среды, в которой возникла проблемная ситуация и затем полностью исключен из школы, основываясь на предположении, что климат взаимоотношений между учащимися в школе улучшится и будущие нарушители порядка будут предостережены. Виновные определены; они исключаются из школы; по отношению к ним — но не к самому насилию — выражена «абсолютная нетерпимость».

В основе такой политики лежит эссенциалистское положение, заключающееся в том, что проявления насилия являются неотъемлемыми характеристиками человеческой природы, сущности конкретных людей и что школьное сообщество не должно проявлять по отношению к ним какую-либо толерантность. В результате получается, что человек, проявивший насилие, сам подвергается символическому насилию со стороны школьного руководства и исключается из школы.

Ни жертве, ни нарушителю не предлагается осмыслить, что привело к проблемной ситуации. Никому из них не предлагается как-то отнестись к расщелине в отношениях, образовавшейся в результате проблемной ситуации. Вред, нанесенный людям и их имуществу, не возмещен, по крайней мере, не стараниями нарушителя порядка. В итоге формируется разделенное сообщество, в котором большинство учится испытывать страх и защищать себя от меньшинства.

Таким образом, этот подход не работает, если цель, которую мы преследуем — это снижение уровня насилия в школе и повышение у учащихся уровня чувства

безопасности. Наоборот, «абсолютная нетерпимость» значительно повышает уровень деструктивного поведения, ухудшает успеваемость, ведет к усугублению склонности к насилию исключенных детей. Школы с высоким уровнем отчисления также не показывают высоких учебных результатов, даже учитывая социоэкономические различия.

Более того, политика АН не достигает и такой цели, как запугивание молодых людей и тем самым возврат их в социально-желаемое русло поведения. Молодые люди часто проявляют насилие в связи с незрелостью или в результате неумения продумывать определенные последствия. Постановка на учет и возможное лишение свободы игнорирует измерение развития, что обязательно должно учитываться при работе с «правонарушениями» несовершеннолетних.

2. Восстановительная культура

В 60-х гг. XX в. в разных частях света стало развиваться влиятельное движение под именем восстановительное правосудие. Оно включает в себя ряд инновационных практик разрешения конфликтов, которые зарождались в сфере правосудия для несовершеннолетних, уголовного правосудия, политики сообществ, практики социальной работы и школах. Впоследствии именно в школах практика применения восстановительных технологий все чаще стала обозначаться как «восстановительная культура».

Ведущей фигурой в артикуляции идеи, стоящей за практикой, является Ховард Зер [Зер 2002]. Отличающей чертой восстановительного подхода от того, что он называет «карательным правосудием», является акцент на понимании правонарушения через призму отношений. Карательное правосудие стремится восстановить авторитет государства (или школьной администрации) после того, как его скомпрометировало правонарушение. Общепринятый подход заключается в исполнении наказания. На контрасте восстановительное правосудие приглашает нас взглянуть на правонарушение как на нарушение против людей. Оно наносит им вред. Оно разрушает отношения. Оно наносит ущерб сообществу. Следовательно, вопрос правонарушения не может быть адекватно решен без совершения попытки восстановить вред, нанесенный отношениям и сообществу. Правоохранительная система редко предлагает потерпевшим что-либо большее, чем возможность увидеть, как наказывают правонарушителя. Жертвы чаще всего не получают ни компенсации того, что они потеряли (что часто невозможно), ни эмоционального признания их унижения, ни достоверной гарантии их актуальных страхов вновь оказаться жертвой преступления. Вместо этого у них остается горький привкус, когда их обидчики признаются в суде невиновными и не проявляют никакого сожаления за содеянное. Школы не сильно отличаются. Когда наказанные обидчики оказываются снова в классе лицом к лицу со своей жертвой, у жертвы возникает реальный страх и ожидание возмездия за то, что по их вине те были подвергнуты наказанию.

Использование практик восстановительного правосудия за рамками самой системы правосудия часто условно обозначается термином восстановительный под-

ход, а также более общим понятием восстановительная культура, которое возникло и развивается на стыке восстановительного подхода к разрешению конфликтов и нарративного подхода к социальной работе и работе с сообществами. Ниже мы попытаемся раскрыть содержание понятия восстановительной культуры, а затем и дать ему рабочее определение. Подзаголовки сформулированы через призму влияния на формирование понятия восстановительная культура восстановительного подхода к разрешению конфликтов и нарративного подхода к социальной работе.

3. Основные составляющие восстановительной культуры

3.1. Приглашение к ответственности – восстановление авторства

Восстановительный подход во главу угла ставит возмещение вреда, нанесенного правонарушением. Голосу жертвы придается важнейшее значение, а обидчику предлагается возможность исправить причиненный ущерб. При этом аспект восстановления должен быть ясно отделен от акцента на реабилитации. Отличие в том, что правонарушитель приглашается к ответственности, то есть ему предлагается занять активную позицию ответа за содеянное перед тем, кого он обидел, вместо того, чтобы просто работать над саморазвитием и пытаться изменить себя. Никаких исключений не делается и никаких привилегий не оказывается в зависимости от тяжести жизненных условий, каким-либо образом оправдывающих и объясняющих содеянное. Организация объединенных наций определяет восстановительное правосудие следующим образом:

Восстановительное правосудие сводится к ответу на преступление, направленному на возмещение вреда, причиненного жертве, силами обидчика как ответственного за свои действия человека, а также часто при поддержке сообщества в разрешении данного конфликта.

3.2. Формирование сообщества поддержки – восстановление связей

Данный принцип заключается в идее, что любая проблема окружена сообществом людей, равнодушных к тому, что происходит, или как-то заинтересованных в ситуации. Задача восстановительной культуры – собрать вместе членов этого сообщества и вплести какой-либо процесс разрешения конфликта в ткань этого сообщества. Это инклюзивный процесс, он не изолирует и не отделяет правонарушителя от остальной части сообщества (в отличие от исключения из школы). Очень серьезно ставится вопрос: «Что же должно произойти с правонарушителем, чтобы он мог остаться в сообществе вместе с людьми, которым он причинил вред?» Нарушителю представляется шанс быть заново интегрированным в школьное сообщество на основе его попыток восстановить последствия проблемной ситуации.

Школьное сообщество, занимающее такую позицию, не должно входить в заблуждение, быть мягким и игнорирующим степень серьезности нарушения. Наоборот, такая позиция куда больше призывает нарушителя порядка к проявлению ответственности в качестве условия членства в сообществе, нежели политика АН. Мы утверждаем, что школы, использующие такой подход, более социально ответ-

ственны, чем те, которые просто исключают нарушителей порядка и легко передают проблемы другим институтам. Отличие лежит между эффективностью, ответственностью и выхолащенной моральной правотой.

Ситуации, когда человека ловят при совершении какого-либо проступка, часто сопутствует переживание чувства стыда. Реинтеграция нарушителя порядка обратно в школьное сообщество требует восстановительного процесса, в том числе, для того, чтобы как-то обойтись с этим переживанием [Москвичев 2010]. Оно вряд ли может быть полностью пережито, но восстановительный процесс может быть сконструирован достаточно тонко для того, чтобы была предотвращена деградация личности, вероятная в связи с исключением. В то же время восстановительные практики сфокусированы на возврате нарушителям порядка статуса полноправных членов сообщества при условиях, что это будет отвечать потребностям жертв.

3.3. Многоголосие — восстановление участия

Традиционное правосудие и школьная дисциплинарная система обычно помещают нарушителя порядка в процесс изоляции под зорким взглядом суда или школьной администрации. Процесс движется в направлении от осуждения к моральной вине. От нарушителя порядка требуется продемонстрировать признание вины и авторитета власти, если он не хочет навлечь на себя гнев, направленный непосредственно на него одного. Восстановительные практики, наоборот, не заинтересованы лишь в голосах осуждения и вины. В обсуждение нарочито вовлекается большее количество голосов. Вместо изоляции нарушитель влетает в сеть тех, кто для него значим и может его поддержать в принятии ответственности. В процессе возмещения вреда, нанесенного правонарушением, ответственность разделяется между членами этой сети. В то же время основную ответственность несет правонарушитель. Вопрос ответственности очень серьезен, но здесь он располагается в контексте отношений, в отличие от карательного подхода. Вследствие увеличения количества голосов восстановительная культура способствует генерации идей о возможных способах возмещения вреда. В результате план по решению проблемы может быть составлен аккуратно в соответствии с нуждами и интересами всех заинтересованных участников.

3.4. Возмещение вреда — восстановление отношений

Через призму восстановительной культуры правонарушение видится как разрыв в отношениях, а не как свидетельство моральной или умственной недостаточности правонарушителя (подразумевающих реакцию в виде наказания или лечения). Это значимый сдвиг в мышлении в сравнении с традиционным правосудием. Фокус смещается на определение вреда, нанесенного человеку в отношениях, и на развитие ситуации, заключающееся в попытке ее исправить. Правонарушение рассматривается скорее с межличностной, чем с внутриличностной перспективы. Совершивший правонарушение обидчик, вполне возможно, и сам пострадал от содеянного. Ховард Зер считает, что правонарушение предполагает поиск обязательств, которые принимает на себя обидчик, чтобы восстановить нанесенный

ущерб, а не определение и выявление дефицита в личностном «устройстве» правонарушителя.

Иногда бывает очень сложно или даже невозможно восстановить весь вред, нанесенный ситуацией. В таком случае имеет смысл символическое возмещение ущерба. Для жертв важен этот аспект. Часто жертвы находят утешение в извинениях и заверениях, что в будущем ничего подобного ни с кем не произойдет. Исцеление отношений, которое нельзя посчитать или измерить, нередко происходит подобным нематериальным образом. Говоря по-простому, основополагающее послание восстановительной культуры — «ИСПРАВЬ ЭТО!»

3.5. Разделение проблемы и человека: «Человек — не проблема; проблема — не человек. Проблема и человек — разные вещи»

Важнейшей характеристикой логики мышления в рамках восстановительной культуры является принцип разделения проблемы и человека, корнями уходящий в такое философское направление как социальный конструктивизм, который связывают с именем известнейшего отечественного психолога Л.С. Выготского, и его ответвление — социальный конструкционизм.

Человеческое мышление рождается с помощью языка, развивается с помощью языка и выражается в речи. Мышление и речь взаимно поддерживают друг друга и в каком-то смысле неразрывно связаны. Таким образом использование языков — практика, которая влияет на жизни и отношения людей.

Эффективность работы качественно возрастает, если используется инклюзивный и уважительный язык. Мы утверждаем, что следует избегать языка обобщений ввиду его неуважительной природы: он использует слова и выражения, которые направлены на попытку обобщить природу человека в форме одного емкого и короткого описания. При этом обычно акцент ставится на один какой-то конкретный аспект поведения человека, а все остальные описания выстраиваются в соответствии с ним так, как будто альтернативных описаний не существует. Например, если кто-то наносит кому-то удар, его за тем обозначают как «жестокую/агрессивную» по своей природе. Другие примеры иллюстрируют клеймение учащихся с помощью таких ярлыков как «поведенческие проблемы», «закрытый», «являющийся фактором риска», «учебно несостоятельный» или «из дисфункциональной семьи». Проблема не в том, что кто-то «жесток» или имеет «поведенческие проблемы» — ни одно описание не может исчерпать все противоречия и исключения в поведении людей. Универсальные слова, такие, как «всегда» и «никогда», часто используются в языке обобщения. Когда для выстраивания целостного образа человека используется описание узко взятого сегмента его опыта, альтернативная история остается незаметной. А когда язык обобщения используется людьми с авторитетом (учителя, консультанты, завучи и директора), он имеет очень сильное влияние, так как учащимся очень сложно противостоять их влиянию. Даже в случае несогласия с обобщающими описаниями их эффекты часто интернализируются, т.е. присваиваются учащимися, и они начинают мыслить себя в соответствующем обесценивающем ключе, так как были описаны подобным образом теми, у кого

власть и влияние. Язык обобщения оставляет возможность изменений и иного видения устройства вещей в слепой зоне для всех участников взаимодействия.

Нарративная практика направлена на противодействие интернализирующим эффектам языка обобщения средствами практики языка экстернализации. В контексте восстановительной культуры это означает, что не люди (учащиеся, педагоги или родители) обозначаются как проблемные, а действия и поведенческие проявления описываются как проблемы. Мышление и язык экстернализации предполагают выражение глубочайшего уважения к человеку, во избежание присваивания ему вины и для создания условий для сдвижки в сторону принятия им ответственности. Вообще темы «вины» и «ответственности» определяют одну из важнейших дихотомий в сравнении языка обобщения и языка экстернализации в дискурсе восстановительной культуры. В этом контексте нам представляется полезным поразмыслить об ответственности как характеристике мышления, являющимся высшей психической функцией с точки зрения культурно-исторической теории Л.С. Выготского [Выготский 1983]. Его идеи в значительной степени перекликаются и обосновывают нарративную практику. Идеи Л.С. Выготского и его представление о социальной ситуации развития находят также свое отражение в цитируемом нами в названии раздела афоризме Майкла Уайта (1989), резюмирующем перспективу экстернализации: «Человек — не проблема; проблема — не человек. Проблема и человек — разные вещи». Смысл в том, что с нарушителями порядка будут обходиться с уважением, а их действия и поступки будут отделены от какого-либо предположения об их «болезненной» или «недоброкачественной» природе. Вместо этого к ним будут относиться как к компетентным экспертам, способным думать и брать на себя ответственность за свое собственное поведение. С учетом контекста развития, взрослые обязаны давать возможность пока только взрослеющим детям взрослеть, создавая условия для развития, исходя из другой важнейшей концепции Л.С. Выготского — идеи о зоне ближайшего развития [Выготский 1982].

Через призму описанного Уинслейдом и Уильямсом опыта применения и распространения восстановительной культуры ее основными ценностными аспектами, на наш взгляд, являются ценность принятия активной ответственности участниками взаимодействия, понимания между ними и их взаимоподдерживающего сотрудничества в процессе взаимодействия. Для того, чтобы сформулировать рабочее определение понятия восстановительной культуры, мы обратимся к идеям одного из выдающихся мыслителей, занимающихся проработкой понятия культуры, — Г.П. Щедровицкого [Щедровицкий 1980]. Опираясь на его позицию, мы определяем восстановительную культуру как деятельность по восстановлению и реализации системы ценностей взаимопонимания, сотрудничества и поддержки, принятия активной ответственности.

Распространение восстановительной культуры в школьном сообществе возможно за счет реализации таких технологий как школьные службы примирения, медиация, круги сообщества и другие.

Для того, чтобы всерьез создавать свободный от насилия климат и условия для

конструктивного разрешения конфликтов, школе необходима система, представляющая собой комплекс стратегических технологий, в основе использования которых лежит взвешенное принятие решения относительно конкретной ситуации. Ни отдельно взятая политика АН, ни школьная служба примирения, ни работа школьного психолога, ни антибуллинговая кампания, ни тренинги по коммуникативной компетентности не являются панацеей или средствами одной интервенции. Мы утверждаем, что в арсенале школьного сообщества должен быть целый ряд технологий, каждая из которых оптимально подходит той или иной ситуации и является элементом системы.

4. Школа как модель общества

Приводя аргументы в пользу работы с конфликтами в восстановительном ключе, мы хотим передать членам школьного сообщества авторство в формировании своей жизненной истории. Для того, чтобы способствовать развитию гражданского общества, необходимо моделировать соответствующие институты уже в школьной среде. Ведь именно здесь воспитываются и созревают граждане, обладающие или не обладающие важнейшими социальными компетенциями. Одним из самых значительных достижений XX века стало принятие «Всеобщей декларации прав человека», включающей в себя право голоса, которое подразумевает участие в отношениях власти таким образом, чтобы никто не был субъектом абсолютного доминирования, а кто-то — полного угнетения, без возможности быть услышанным.

Школьная администрация и педагоги наделены ролью лидеров, исходя из которой они должны принимать решения и быть подотчетными за них. Мы не предлагаем перестраивать эту ситуацию в сторону вседозволенности. Тем не менее, есть много вещей в жизни учащихся в школе, по которым они могут высказываться. Не предлагать им такой возможности чревато ускоренным формированием граждан-изгоев, которые впоследствии проявляют себя в деструктивных социальных ситуациях и преступлениях. Современное демократическое общество требует от своих граждан грамотности, умения манипулировать числами, понимания научного метода, осмысленного отношения к текущему социальному и историческому контексту. И ведь никто не оспаривает учет этих требований в процессе формирования содержания программы курса. Однако, школа — это место, где детям следует учиться выстраивать отношения с другими, управлять своими личными желаниями и предпочтениями в соответствии с общими целями, разрешать разногласия в инклюзивном ключе.

У детей автоматически не появляется знание о том, как себя проявлять в социальных взаимодействиях подобного толка. Им приходится учиться этим навыкам, будучи непосредственно вовлеченными в ситуацию. Таким образом школа должна обуславливать и поддерживать развитие тех практик и способов выстраивания отношений, которые будут составлять суть гражданского общества.

Преимущества возрастающего качества жизни учащихся хорошо известны. Оно оказывает прямое влияние на академическую успеваемость ввиду более активного участия в уроках, лучшего поведения и большего чувства общности и совместно-

сти классного сообщества. Чем выше качество жизни учащихся, тем выше их уровень компетентности, а это очень хорошо влияет на экономические цели, такие, как продуктивность, социальная инклюзия и наращивание социального капитала.

Таким образом, улучшение качества жизни и решение проблемы школьного насилия — не второстепенные задачи, а главные образовательные цели общества.

Демократия в этом смысле всегда, в какой-то степени, недостижима, всегда является обещанием будущего, к которому мы стремимся. Но это не делает эту идею менее важной. Она включает в себя необходимость постоянно оставаться в диалоге с людьми вместо закрытия диалога в угоду монологичному мышлению. На контрасте, диалогическое мышление бесконечно креативно, постоянно продуцирует новые формы отличий благодаря открытости к разным точкам зрения.

Заключение

В этой статье мы описали некоторые рабочие положения нашей работы, обсудив основополагающие дискурсы, влияющие на то, как мы мыслим о конфликте и насилии, и показали, почему карательный подход и политика АН неэффективны.

Наше видение заключается в том, что конфликт — это нормально, он является следствием проявления различий людей. Но насилие не должно быть принято за норму. Необходима эффективная работа по его предотвращению и восстановлению причиненного вреда. Мы считаем, что для прекращения и предотвращения школьного насилия следует в рамках восстановительного подхода реализовывать целостный комплекс технологий, каждая из которых может быть выбрана в ответ на конкретную ситуацию. Это позволит улучшить психологический климат в школе, повысить уровень конструктивности взаимоотношений и способов разрешения конфликтов, сделать выше качество жизни учащихся и педагогов и сделать более эффективным учебный процесс. Активная преобразующая позиция, воспитываемая в учащихся через реализацию восстановительной культуры, ведет к формированию активной гражданской позиции и ответственному, осознанному, конструктивному, экологичному отношению человека к своей среде не только на уровне конкретного учреждения и частных отношений, но и на более высоких уровнях — сообщества, общества, страны.

Литература

Выготский 1982 — *Выготский Л.С.* Мышление и речь // Выготский Л.С. Собрание сочинений : в шести томах. Т. 2. М.: Педагогика, 1982. — С. 5-361.

Выготский 1983 — *Выготский Л.С.* История развития высших психических функций // Выготский Л.С. Собрание сочинений : в шести томах. Т. 3. М.: Педагогика, 1983. — С. 5-328.

Выготский 1935 (1991) — *Выготский Л.С.* Динамика умственного развития школьника в связи с обучением // Выготский Л. С. Умственное развитие детей в процессе обучения. М.; Л.: ГИЗ, 1935. С. 33-52. Стеногр. докл. на засед. каф. дефектологии. Пед. ин-т им. Бубнова. Декабрь 1933 г.; То же // Выготский Л. С. Педагогическая психология. М.: Педагогика, 1991. С. 391—410.

Зер 2002 — *Зер Х.* Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и

наказание, М.: Судебно-правовая реформа, 2002. — 328 с.

Брейтуэт 2002 — *Брейтуэт Дж.* Преступление, стыд и воссоединение. М.: Судебно-правовая реформа, 2002. — 310 с.

Москвичев 2010 — *Москвичев В.В.* Нарративная терапия: реализация практики уважения // Психологическая наука и образование PSYEDU.ru 2010. №5. [Электронный ресурс.] — Режим доступа: URL: <http://psyedu.ru/> (дата обращения: 18.10.2013).

Щедровицкий 1980 — *Щедровицкий Г.П.* Курс лекций по педагогике. М.: МОГИФК, 1980. — 400 с.

Foucault 2000 — *Foucault M.* Power: essential works of Foucault, 1954-1984. New York: New Press, 2000.

Winslade, Williams 2012 — *Winslade J.M., Williams M.* Safe and Peaceful schools: addressing conflict and eliminating violence. Thousand Oaks-London-New Delhi-Singapore: Corwin Press, 2012. — 194 p.

References

Vygotskij 1982 — *Vygotskij L.S.* Myshlenie i rech' // Vygotskij L.S. Sobranie sochinenij : v shesti tomah. T. 2. М.: Pedagogika, 1982. — S. 5-361.

Vygotskij 1983 — *Vygotskij L.S.* Istorija razvitija vysshih psihicheskikh funkcij // Vygotskij L.S. Sobranie sochinenij : v shesti tomah. T. 3. М.: Pedagogika, 1983. — S. 5-328.

Vygotskij 1935 (1991) — *Vygotskij L.S.* Dinamika umstvennogo razvitija shkol'nika v svjazi s obucheniem // Vygotskij L. S. Umstvennoe razvitie detej v processe obucheniya. М.; L.: GIZ, 1935. S. 33-52. Stenogr. dokl. na zased. kaf. defektologii. Ped. in-t im. Bubnova. Dekabr' 1933 g.; To zhe // Vygotskij L. S. Pedagogicheskaja psihologija. М.: Pedagogika, 1991. S. 391—410.

Zer 2002 — *Zer H.* Vosstanovitel'noe pravosudie: novyj vzgljad na prestuplenie i nakazanie, М.: Судебно-правовая реформа, 2002. — 328 с.

Брейтуэт 2002 — *Брейтуэт Дж.* Преступление, стыд и воссоединение. М.: Судебно-правовая реформа, 2002. — 310 с.

Москвичев 2010 — *Москвичев В.В.* Нарративная терапия: реализация практики уважения // Психологическая наука и образование PSYEDU.ru 2010. №5. [Электронный ресурс.] — Режим доступа: URL: <http://psyedu.ru/> (дата обращения: 18.10.2013).

Щедровицкий 1980 — *Щедровицкий Г.П.* Курс лекций по педагогике. М.: МОГИФК, 1980. — 400 с.

Foucault 2000 — *Foucault M.* Power: essential works of Foucault, 1954-1984. New York: New Press, 2000.

Winslade, Williams 2012 — *Winslade J.M., Williams M.* Safe and Peaceful schools: addressing conflict and eliminating violence. Thousand Oaks-London-New Delhi-Singapore: Corwin Press, 2012. — 194 p.

МЕДИАЦИЯ В РОССИИ

Наталья Романова¹

ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ III МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ПЕРСПЕКТИВЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ МЕДИАЦИИ В РЕГИОНАХ» (7 ДЕКАБРЯ 2017 ГОДА, Г. САРАТОВ)

Аннотация. Обзор посвящен анализу материалов докладов и видеомостов участников III Международной научно-практической конференции «Перспективы становления и развития медиации в регионах», проведенной на базе Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г.Чернышевского 7 декабря 2017 г. В работе мероприятия приняли участие ученые, специалисты-практики разных специальностей, занимающиеся проблемами медиации, представители судебной власти, государственных органов, руководители ряда региональных общественных организаций, религиозные деятели, студенты саратовских вузов.

Ключевые слова: медиативная практика; бизнес-медиация; семейная медиация; школьная медиация; онлайн медиация; судебная и досудебная медиация.

Natalia Romanova

REVIEW OF THE MATERIALS OF THE III INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE “PROSPECTS FOR THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF MEDIATION IN THE REGIONS” (DECEMBER 7, 2017, SARATOV)

Abstract. The review is devoted to the analysis of the materials of the reports and videoconferences of the participants of the III International Scientific and Practical Conference “Prospects for the formation and development of mediation in the regions”, conducted on the basis of

---

¹ © Н.М. Романова, 2017.

the National Research Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky on December 7, 2017. The event was attended by scientists, specialists in various specialties dealing with problems of mediation, representatives of the judiciary, state bodies, heads of a number of regional public organizations, religious figures, students of Saratov universities.

Key words: mediation practice; business-mediation; family mediation; school mediation; online mediation; judicial and pre-trial mediation.

Медиация — новый социальный институт, нацеленный на разрешение конфликтов и споров между людьми. Медиация позволяет отдельным лицам, группам и организациям наиболее простым, комфортным и удобным способом реализовать свои интересы, потребности и цели.

При этом внедрение медиации в жизнь общества сопряжено с неравномерностью, различной скоростью и динамикой ее распространения в социальные практики. Если в столичном регионе и крупных городах-миллионниках продвижение медиации происходит относительно активно, то в региональных центрах этот социальный институт еще не сформирован. Процесс его внедрения в жизнь регионального сообщества отличается меньшими темпами. В связи с этим научный и практический интерес представляет анализ продвижения, перспектив и стратегий развития медиации в региональном аспекте. Теоретический анализ и обобщение эмпирического опыта необходимо для активизации этой технологии альтернативного урегулирования споров, распространения информации о ней как эффективном методе разрешения конфликтов, формирования доверия к новому социальному институту, определению его места в иерархии систем, направленных на разрешение социальных конфликтов.

Традиционно Международная научно-практическая конференция «Перспективы становления и развития медиации в регионах» состоялась на базе Саратовского государственного университета имени Н.Г.Чернышевского. Ее организаторы — факультет психологии (кафедра общей и социальной психологии; кафедра юридической психологии семьи и детства на базе аппарата Уполномоченного по правам ребенка в Саратовской области, лаборатория юридической психологии) и юридический факультет (кафедра гражданского права и процесса; юридическая клиника). В работе конференции приняли участие российские медиаторы, юристы, психологи, социологи и педагоги из разных регионов Российской Федерации, а также представители судебной и законодательной власти, государственных органов, руководители ряда общественных организаций.

Пленарное заседание открыл заместитель председателя Кировского районного суда г. Саратова В.Е. Бондаренко. Он сделал доклад «Влияние процессуального риска при рассмотрении трудовых и семейных споров на переговорный процесс с участием медиатора». В.Е. Бондаренко подробно рассмотрел работу института судебной медиации, раскрыл функции и способы применения досудебной и судебной медиации на анализе материалов из судебной практики. Особо он остановился на практическом опыте применения медиации в Кировском районном суде г.Саратова, раскрыв возможности и перспективы использования этого метода и

критерии медиабельности трудовых и семейных споров. Выступление В.Е. Бондаренко вызвало живую дискуссию. Вопросы участников конференции высветили проблемные моменты, связанные с проведением медиативных процедур. Аудиторию интересовали ответы на вопросы о проведении досудебной и судебной медиации для разрешения семейных споров; экспертной оценке судебных решений в семейных конфликтах; возможностях применения медиации к урегулированию индивидуальных трудовых споров; применении процедуры медиации на стадии исполнительного производства. Докладчик уделил особое внимание проблемам, которые нуждаются в дальнейшем правовом регулировании.

Продолжила пленарное заседание референт аппарата Уполномоченного по правам ребенка в Саратовской области Е.В. Пестикова. Она передала приветствие участникам конференции от Уполномоченного по правам ребенка в Саратовской области Т.Н.Загородней. В своем докладе «Развитие медиации в Саратовском регионе» она осветила основные проблемы становления медиации — нового для Саратовской области социального института. Е.В. Пестикова указала на необходимость учета особой специфики при работе с детьми и урегулировании семейных споров, субъектами которых выступают дети. Она подчеркнула, что в силу новизны данной социальной структуры, институт медиации пока с недоверием воспринимается населением.

Доцент кафедры общей и социальной психологии СГУ Н.М. Романова в докладе «Опыты практического применения процедуры медиации» осветила существующие в литературе критерии медиабельности конфликта и спора и представила результаты анализа собственной практики проведения медиации. Она раскрыла основные социально-психологические аспекты медиабельности данной процедуры и трудности, с которыми могут столкнуться как судья, так и практикующий медиатор. Н.М. Романова выделила дополнительные к существующим параметрам критерии медиабельности конфликта и спора. Эти критерии основаны на анализе соотношения формального согласия и скрытого несогласия одной или обеих сторон, участвующих в процессе.

Заведующая кафедрой гражданского права и процесса СГУ, доцент Е.Н. Тогузаева в докладе «Особенности организации медиации по семейным спорам (зарубежный опыт)» осветила особенности организации и функционирования служб медиации по семейным спорам в России и в зарубежных странах, остановившись подробно на тех государствах, где институт медиации по семейным конфликтам успешно работает.

Тогузаева Е.Н. отметила, что при эффективной организации примирительных процедур государство включено либо в процесс организации медиативных служб, либо в процесс финансирования деятельности медиаторов, либо действует обязательность досудебного обращения к медиатору по спорам о воспитании детей, их проживании, общении с родителями, разводам и спорам об алиментах. Приведен положительный опыт правового регулирования института семейной медиации в зарубежных странах, а также положительные отзывы о сомедиации (комедиации).

Доцент кафедры гражданского права и процесса СГУ М.Н.Зарубина раскрыла

процессуальный статус медиативной оговорки. Она проанализировала правовую характеристику, формы, типы и содержание медиативной оговорки, а также гарантии исполнения медиативного соглашения и повышения его статуса. Докладчик рассказала о тех аспектах медиативного соглашения, при которых, в зависимости от юридико-значимой ситуации, спор будет передан на урегулирование медиаторам.

Далее в рамках пленарного заседания была проведена видеоконференция «Саратов-Санкт-Петербург» с ведущими российскими специалистами в области медиации из г. Санкт-Петербурга. В формате видео-моста в конференции принимали участие генеральный директор некоммерческого партнерства «Лига Медиаторов», председатель Комитета по правовым вопросам общественной организации «Деловая Россия» С.В. Осутин и исполнительный директор некоммерческого партнерства «Лига Медиаторов», супервизор проекта «Миру быть! Петербург — столица мира!» А.А. Путиловский.

В докладе С.В. Осутина «Межрегиональная бизнес-медиация» был проведен анализ практики его работы в сфере медиации с предпринимателями г. Санкт-Петербурга и других регионов. Докладчик остановился на проблемных аспектах при проведении межрегиональной бизнес-медиации, осветил возможности и условия распространения медиации в коммерческих спорах. Он подчеркнул, что онлайн-медиация полезна в тех случаях, когда отдельные лица или организации удалены друг от друга территориально. С.В. Осутин рассказал о практике медиативной работы с предпринимателями, реализуемой специалистами НП «Лига Медиаторов» путем использования интернет-технологий, технических средств видеосвязи (скайп).

А.А. Путиловский выступил с сообщением на тему «Система стажировок и супервизорская поддержка медиаторов». Докладчик подробно остановился на проблемах обучения медиаторов, особенностях проведения стажировок и супервизии для медиаторов, а также критериях достижения статуса супервизора.

После завершения пленарного заседания была проведена работа двух научных секций. В первой секции «Гуманитарные науки – медиативной практике» были представлены доклады, посвященные связи отдельных направлений гуманитарных наук с медиацией. В работе второй секции освещались вопросы юридико-правовых аспектов медиации.

В начале работы первой секции состоялся сеанс видеосвязи «Саратов-Новосибирск». В ходе видео-моста директор некоммерческого партнерства «Сибирский Центр медиации» М.А. Авдыев выступил с докладом «Международные конкурсы по медиации: востребован онлайн формат». Он рассказал о выработке у практикующих медиаторов навыков урегулирования споров, наработке необходимых компетенций и методов внесудебного разрешения споров. Он сообщил о разработках в области использования онлайн медиации и перспективах ее развития в России. Докладчик связал перспективы развития медиации с возможностью использования онлайн формата для решения высоко конфликтных споров, в том числе семейных.

Далее на секции «Гуманитарные науки — медиативной практике» были представлены выступления семейных психологов — доцента Н.В. Власовой и психолога-консультанта О.Н. Журавлевой. Они показали место и роль семейного психолога при проведении медиации по семейным спорам. Доцент кафедры психологии личности СГУ Власова Н.В. представила свой доклад «Феномен “завершенного развода”: концепт и модель терапевтической работы с семьей». Ее выступление было посвящено некоторым аспектам концептуального подхода к феномену «хорошего развода» и перспективам использования процедуры медиации для достижения позитивных результатов. Она подчеркнула, что в современном мире изменились представления о разводе. Для достижения «хорошего развода» важным является сопровождение распавшейся семьи психологом. Это помогает бывшим родственникам осознать, что завершение супружеских отношений может сочетаться с успешным выполнением родительских ролей.

Директор Центра семейной терапии г. Саратова Журавлева О.Н. в докладе «Профессиональное сопровождение супружеского развода: взгляд семейного психолога» рассказала об особенностях профессионального сопровождения развода. Докладчик отметила, что феномен развода — это процесс, который отличается продолжительностью, в этот процесс втянут ребенок и все члены семьи. При этом она подчеркнула особое отношение нашего общества к разводу и связала возможности медиации с преодолением неконструктивного отношения к нему граждан. Такой подход, по мнению докладчика, может внести вклад в улучшение психологического здоровья нашего общества.

Ряд докладов был посвящен анализу возможностей медиации для разрешения этнорелигиозных конфликтов и вопросов, связанных с межэтническими и межконфессиональными отношениями. Затем выступили студенты, занимающиеся теоретическими и прикладными аспектами примирительных процедур. Студенты факультета психологии рассказали о своем вкладе в развитие региональной медиации. Речь идет о масштабном проекте по внедрению медиации в школьную среду. В частности, магистранты факультета психологии подвели итоги работы и рассказали о мероприятиях, проводимых в настоящее время в рамках реализуемого совместного проекта факультета психологии и Аппарата Уполномоченного по правам ребенка в Саратовской области «Школьные службы примирения». Этот проект продолжается в течение всего текущего года. Магистранты М.А. Кузнецова, Г.Д. Чураева, Д.В. Шкаева обобщили результаты проведения социально-психологического тренинга по формированию эмоциональной компетентности учащихся на базе кадетской школы-интерната № 1 имени Б.Н. Еремина г. Саратова. Студенты 4-го курса факультета психологии СГУ А.В. Колесниченко, Ю.А. Дырнаева и Е.В. Алексеева раскрыли содержание проведенных ими тренинговых занятий, посвященных психологическим аспектам процедуры медиации и путям решения конфликтов в среде военнослужащих-новобранцев.

В рамках заседания секции, посвященной вопросам юридико-правовых аспектов медиации, был освещен ряд проблемных вопросов. Они связаны с особенностями правового регулирования медиации как в российском, так и в зарубежном

законодательстве. Живую дискуссию вызвал доклад председателя Саратовской региональной общественной организации «Правовая защита» Г.А. Макаренко на тему «Некоторые аспекты внедрения медиации в деятельность Общественной наблюдательной комиссии в учреждениях ФСИН». Ему были заданы вопросы о целесообразности внедрения медиации в деятельность ОНК, о специфике работы медиатора в подобных учреждениях. Кроме того, участники также обсуждали вопрос о том, кто может выполнять функцию медиатора в учреждениях ФСИН.

Большой интерес вызвал доклад доцента кафедры конституционного и муниципального права юр. ф-та СГУ Е.А. Абаевой «Оказание членами Общественной наблюдательной комиссии медиативной помощи лицам, находящимся в местах принудительного содержания, при осуществлении общественного контроля (на примере Саратовской области)».

Значимыми для присутствующих стали выступления, связанные с медиативными процедурами по семейным спорам. Например, студенты 3-го курса СГЮА (г.Саратов) К.М. Никитина и Л.Р. Асанова, представили свой проект «Медиация как способ защиты прав и интересов супругов при расторжении брака». Часть презентаций была посвящена этико-психологическим и практико-ориентированным аспектам проведения примирительных процедур (д.ю.н., заведующий кафедрой арбитражного процесса СГЮА С.Ф. Афанасьев, к.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса СГУ И.М. Конобеевская, студент 4-го курса юридического ф-та СГУ Н. Коцебов, магистрант 1-го года обучения юридического ф-та СГУ, К. Магомедов, студент 3-го курса РАНХ и ГС В.Р. Есенбекова).

Несколько докладов выступающих были посвящены проблемам заключения медиативного соглашения при разделе имущества супругов. Докладчиками был обозначен механизм заключения медиативного соглашения, правового регулирования последствий несоблюдения такого соглашения. Кроме того, на секции поднималась тема нормативного регулирования требований (возрастной и образовательный ценз), предъявляемых медиаторам в современном российском законодательстве. Отдельный блок докладов был посвящен институту примирения в арбитражном судопроизводстве в условиях современной судебной реформы и медиации в сфере жилищно-правовых отношений. Последние считаются одними из наиболее сложных, и, как правило, влекут за собой вопросы не только в сфере жилья, но и семейных, трудовых и других правоотношений.

Подводя итоги, следует отметить, что III Международная научно-практическая конференция «Перспективы становления и развития медиации в регионах» в очередной раз стала опорной базой и площадкой для диалога власти, профессионального сообщества и институтов гражданского общества. Участники мероприятия сформулировали предложения и определили направления сотрудничества по продвижению и развитию данного социального института в социальную жизнь регионального сообщества. По итогам конференции будет выпущен сборник научных трудов. Материалы данного форума медиативного сообщества являются репрезентативным срезом проблематики развития медиации в региональном контексте и позволяют в полной мере оценить проблемы, стоящие перед нашими коллегами в самых разных уголках России.

Самир Гараев¹

МЕДИАЦИЯ В РОССИИ: ЛЕГАЛИЗАЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. Данная статья посвящена вопросам мирного разрешения споров и урегулирования конфликтов во внесудебном порядке, в процедуре медиации с участием независимого лица - медиатора, в целях реализации Концепции развития судебной системы России на 2013—2020 годы, которая направлена на повышение уровня охраны прав и законных интересов граждан и юридических лиц, а также на содействие развитию партнерских деловых отношений и формирование этики делового оборота, гармонизации социальных отношений в обществе.

Ключевые слова: медиация; примирение сторон; разрешение спора; медиатор.

Samir Garaev

MEDIATION IN RUSSIA. LEGALIZATION AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Abstract. This article is devoted to the problems of peaceful settlement of differences and dispute resolution in extrajudicial procedure, in mediation with participation of an independent person - a mediator, in order to implement Concept of development the judicial system of Russia for 2013—2020. It is directed to increasing of the level of protection of rights and legitimate interests of citizens and legal entities, promotion of development of partner business relations and formation of business ethics, harmonization of social relations in society.

Key words: mediation; reconciliation of parties; dispute resolution; mediator.

Мирные или дружественные способы разрешения конфликтов и споров пока не получили в России широкого признания и распространения. В то же время в развитых странах такие способы урегулирования конфликтов становятся приоритетными по целому ряду дел. В первую очередь это касается трудовых и семейных споров, дел о защите прав потребителей, споров между соседями по поводу границ

---

¹ © С.Н. Гараев, 2017.

земельных участков или совместной эксплуатации общей собственности, а также требований о возмещении вреда, причиненного некачественными медицинскими услугами².

Одним из основных способов мирного урегулирования споров становится медиация и в коммерческой практике, в том числе в международной торговле. В последнее время все больше компаний за рубежом предпочитают решать разногласия на ранней стадии, не доводя дело до конфликта, в результате которого стороны будут вынуждены обращаться в третейский или государственный суд.

Во всем мире признаются такие достоинства мирных способов урегулирования спора, как экономичность, гибкость, быстрота, максимальная степень конфиденциальности, более индивидуальный подход к конкретному разногласию, а также высокий профессиональный уровень разрешения спора. Разумеется, все эти неоспоримые достоинства начинают работать только в здоровой и развитой среде, в том числе в коммерческой, где уклонение от выполнения принятых на себя обязательств не является нормой поведения.

В российской юридической доктрине деление способов разрешения споров на мирные и конфликтные пока не устоялось. Согласно самой распространенной классификации, которую можно встретить в литературе, выделяются судебные и внесудебные способы разрешения спора. Последние иногда отождествляются с досудебным порядком урегулирования разногласий. Данная классификация предопределяется содержанием действующих в Российской Федерации Арбитражного процессуального и Гражданского процессуального кодексов. Тем не менее, следует отметить, что институт мирного разрешения споров вовсе не чужд российскому праву.

Возможности прибегнуть к этой процедуре содержится в российских ГПК и АПК³. Например, ст. 148 ГПК РФ⁴ предусматривает в качестве одной из задач подготовки дела к судебному разбирательству — примирение сторон. Между тем, ничто не препятствует, а институт процессуальной аналогии, закрепленный в ст. 1 ГПК РФ, способствует сторонам более широко толковать понятие примирения сторон и включать сюда, в том числе и отдельные элементы мирного разрешения споров, как это сделано, например, в ст. 150 ГПК РФ⁵. Согласно данному кодексу, помимо стандартных отсылок к третейскому суду, судья в процессе подготовки к судебному разбирательству разъясняет сторонам также право обратиться

---

² Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [Электронный ресурс.] — Режим доступа: <https://rg.ru/2010/07/30/mediacia-dok.html>

³ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (ст. 158 «Отложение судебного разбирательства») [Электронный ресурс.] — Режим доступа: <https://legalacts.ru/kodeks/APK-RF/>; (ст. 138. «Примирение сторон») [Электронный ресурс.] — Режим доступа: <https://legalacts.ru/kodeks/APK-RF/>.

⁴ Гражданский процессуальный кодекс РФ (ст. 148 «Задачи подготовки дела к судебному разбирательству») [Электронный ресурс.] — Режим доступа: <http://gpkodeksrf.ru/>.

⁵ Гражданский процессуальный кодекс РФ (ст. 150 «Действия судьи при подготовке дела к судебному разбирательству») [Электронный ресурс.] — Режим доступа: <http://gpkodeksrf.ru/>.

за содействием к посреднику-медиатору. Признание ценности примирительных процедур, выраженное в разъяснениях ВАС РФ⁶, полагаем, будет иметь большое значение для практики.

Стоит также иметь в виду, что по некоторым категориям споров примирение традиционно рассматривается как основной способ урегулирования. В частности, для решения споров между участниками биржевой торговли предусмотрено примирение при содействии биржевой арбитражной комиссии (п. 2 ст. 30 закона РФ «О товарных биржах и биржевой торговле»)⁷. Активное использование мирных способов разрешения споров также предполагается в трудовых отношениях. Трудовой кодекс РФ достаточно подробно регулирует использование примирительных процедур для разрешения коллективных трудовых споров, определяя как понятие таких процедур (ст. 398 ТК РФ)⁸, так и их содержание (ст. 401-406 ТК РФ)⁹. Кодексом об административных правонарушениях РФ установлена ответственность за уклонение работодателя от участия в примирительных процедурах (ст. 5.32 КоАП РФ)¹⁰.

Тем не менее, на сегодняшний день мирные способы разрешения споров в условиях российской действительности не играют значимой роли. Репутационные риски пока еще крайне редко принимаются во внимание отечественными предпринимателями, и споры с долгосрочными партнерами решаются путем переговоров, а в случае их безуспешности — в суде. Между тем, это уже далеко не так в развитых странах, где информационная составляющая предпринимательской среды является сама по себе очень значимой и способна оказывать существенное влияние на положение и стоимость бизнеса, особенно если речь идет о крупных компаниях. Для таких компаний любая информация о конфликте с кем-либо из долгосрочных партнеров может повлечь за собой сразу несколько негативных последствий, например, потерю потенциальных контрагентов или снижение котировок акций. Интенсивность экономического оборота сегодня такова, что последствия могут быть одинаково отрицательными для обеих компаний. Поэтому естественно, что гораздо более предпочтительным в этом случае будет максимально быстрое и ква-

---

⁶ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 50 от 18 июля 2014 г. [Электронный ресурс.] — Режим доступа: http://www.arbitr.ru/as/pract/post_plenum/110097.html.

⁷ Федеральный закон РФ от 23.07.2013 «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О товарных биржах и биржевой торговле»» (п. 2 ст. 30 «О товарных биржах и биржевой торговле») [Электронный ресурс.] — Режим доступа: <https://rg.ru/2013/07/26/birzhi-dok.htm.l>

⁸ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2017) (статья 398. «Основные понятия») [Электронный ресурс.] — Режим доступа: <https://legalacts.ru/kodeks/TK-RF/>.

⁹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2017) (ст. 401-406) [Электронный ресурс.] — Режим доступа: <https://legalacts.ru/kodeks/TK-RF/>.

¹⁰ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.08.2017) (Ст. 5.32. «Уклонение от получения требований работников и от участия в примирительных процедурах») [Электронный ресурс.] — Режим доступа: <https://legalacts.ru/kodeks/KOAP-RF/>.

лифицированное разрешение возникших разногласий с помощью опытного посредника (медиатора). Этим критериям как раз отвечают многие способы мирного разрешения споров.

Немаловажным фактором, обуславливающим приоритет дружественных способов разрешения споров, являются также принципы деловой этики. Нередко обязанность прибегнуть к мирной процедуре разрешения споров диктуется этическими стандартами, выработанными в той или иной сфере. Ряд международных организаций включают в качестве обязательной стадии мирное урегулирование спора перед обращением в арбитраж.

Безусловно, в России ситуация во многом отличается. Причин тому несколько. Основными являются общий низкий уровень правовой культуры и недостаточная информированность о существующих методах альтернативного разрешения споров в процедуре медиации. Хотя определенные действия по распространению и проведению в жизнь идеи использования примирительных процедур для урегулирования конфликтов уже предпринимаются. На институциональном уровне следует отметить, прежде всего, создание в 2006 г. Объединенной службы медиации (посредничества) при Российском союзе промышленников и предпринимателей. Целью службы является разрешение корпоративных и иных споров в порядке посредничества.

С 1 января 2011 г. вступил в силу Федеральный Закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» № 193-ФЗ¹¹. Этот закон предусматривает использование медиации в гражданских, семейных, коммерческих, трудовых и иных спорах, устанавливает организационные основы проведения медиации и гарантии участникам данной процедуры, а также содержит описание порядка ее осуществления.

Потребность во внедрении в российскую практику примирительных процедур на данный момент продиктована, прежде всего, необходимостью снизить нагрузку на суды, которая сейчас в некоторых регионах превышает норму в несколько раз. Учитывая, что в последнее время среди хозяйствующих субъектов резко возросла популярность арбитражных судов как места решения конфликтов, а усилия, предпринимаемые в рамках судебной системы для того, чтобы решить проблему перегруженности судов, пока не привели к значительным позитивным изменениям, получается, что мирное урегулирование споров является привлекательной альтернативой, поскольку не предполагает вообще никакого участия со стороны судебной системы. Это в целом отмечено и в Федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2013-2020 годы, утвержденной Постановлением Правительства РФ от 20 декабря 2012 г.¹²

---

¹¹ Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 № 193-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс.] — Режим доступа: <https://rg.ru/2010/07/30/mediacia-dok.html>

¹² Постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 1406 «О федеральной целевой программе “Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы”». [Электронный ресурс.] — Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102162740&rdk=9>.

Безусловно, такой процесс как выработка взаимоприемлемого и взаимодовлетворяющего решения и отражающий интересы всех сторон спора имеет хорошие перспективы внедрения и закрепления в России. Напомню, что особенностями и одновременно преимуществами медиации являются такие качества, как неформализованный, конфиденциальный процесс, в котором стороны участвуют на равных, сохраняя полный контроль, как за самим процессом принятия решений, так и за их содержательной стороной.

В странах англосаксонского права формирование нового, негосударственного института разрешения споров с помощью привлечения нейтральной стороны — медиатора началось во второй половине XX столетия, а в Европе — с 80-х годов. Сегодня медиация наряду с арбитражем — весьма распространенный способ урегулирования споров во многих странах Европы, а также в Австралии, Канаде и США, что значительно снижает нагрузку на суды этих стран¹³. Для России это — пока инновационный институт. Закон о медиации внедряется в общественно-социальную и юридическую среду регионов России. Но применение медиативных технологий и практик, их юридического значения не всегда воспринимается правоприменителями как возможный результат разрешения конфликтов и споров во внесудебном порядке.

Сегодня часто можно встретить скептические высказывания о перспективах этого института, в основном опирающиеся на якобы неготовность нашего менталитета к мирному и одновременно ответственному разрешению спорных ситуаций. Отчасти с этим можно согласиться: за годы «советской власти» нас приучили, что можно пожаловаться и передать спор на рассмотрение в райком, в профком, в суд и т.п., сняв с себя ответственность за принятие решения. Мы привыкли не договариваться, а спорить, часто забывая в пылу спора даже о своих собственных интересах. Однако мир меняется, и от того, насколько восприимчивы мы к этим изменениям, будет зависеть уровень нашего социального интеллекта, профессиональной компетентности, а значит, и качество нашей жизни.

Поскольку один из основных принципов этой процедуры — конфиденциальность, в СМИ очень редко попадают новости, связанные непосредственно с самой процедурой и их участниками. Но статистика довольно многообещающая: около 70-80 % споров, переданных на медиацию, в итоге разрешаются. Самые известные случаи использования медиации — это, как правило, многосторонние споры. Нередко СМИ сообщают, как то или иное государство или международная организация выступают посредником в разрешении крупного конфликта. Эти примеры наглядно демонстрируют, что принципы, на которых строится медиация — это не совершенно новое явление, а естественное развитие человеческих и коммерческих отношений. Просто теперь этот способ урегулирования получил собственное название.

Созданное в 2013 г. Министерством образования и науки Российской Федерации

---

¹³ Шамликашвили Ц. Медиатор вместо судьи: Эффективный подход к разрешению споров для современного менеджера // Российская Бизнес-газета. №756 (23) от 29 июня 2010 г. [Электронный ресурс.] — Режим доступа: <https://refdb.ru/look/2091567-p3.html>.

федеральное государственное бюджетное учреждение «Федеральный институт медиации»¹⁴ является единственным в России национальным исследовательским центром по изучению медиации и других способов альтернативного разрешения споров (АРС). Его миссия заключается в содействии формированию эффективной государственной политики в области медиации по ее широкомасштабной интеграции в различные сферы деятельности, включая правовую, а также интеграции механизмов и методов медиации и АРС как действенного социального института и инструмента гражданского общества во все значимые структуры социума Российской Федерации.

Естественно, медиация — не панацея, и иногда просто необходимо судебное решение. Но во многих случаях можно договориться. В решении третьего лица всегда навязывается чужая воля, как бы это ни было оформлено — судебным, третейским или арбитражным решением. И одна из сторон при вынесении такого рода решения будет в проигрыше, а другая — необязательно в выигрыше. Медиация в России — достаточно новый способ урегулирования споров, является современным инструментом для преодоления противоречий между властными структурами и гражданами, позволяет экономить время, финансы и что самое главное, эмоциональные ресурсы и она имеет хорошие перспективы, создавая условия поиска неординарных, жизнеспособных, мирных и устойчивых решений, с учетом особенности менталитетов, многообразия и богатства культурно-традиционных ценностей нашей Великой Страны.

Литература

Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 29.07.2017). [Электронный ресурс.] — Режим доступа: <https://legalacts.ru/kodeks/APK-RF/>.

Гражданский процессуальный кодекс РФ. [Электронный ресурс.] — Режим доступа: <http://gpkodeksrf.ru/>.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.08.2017). [Электронный ресурс.] — Режим доступа: <https://legalacts.ru/kodeks/КОАП-RF/>.

Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ №50 от 18 июля 2014 г. [Электронный ресурс.] — Режим доступа: http://www.arbitr.ru/as/pract/post_plenum/110097.html.

Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2017). [Электронный ресурс.] — Режим доступа: <https://legalacts.ru/kodeks/TK-RF/>.

Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [Электронный ресурс.] — Режим доступа: <https://rg.ru/2010/07/30/mediacia-dok.html>.

Федеральный закон от 23 июля 2013 г. № 249-ФЗ «О внесении изменений в Закон Рос-

---

¹⁴ Официальный сайт Федерального института медиации — <http://fedim.ru/>.

сийской Федерации «О товарных биржах и биржевой торговле» и отдельные законодательные акты Российской Федерации». [Электронный ресурс.] — Режим доступа: <https://rg.ru/2013/07/26/birzhi-dok.html>.

Шамликашвили Ц. Медиатор вместо судьи: Эффективный подход к разрешению споров для современного менеджера // Российская Бизнес-газета. №756 (23) от 29 июня 2010 г. [Электронный ресурс.] — Режим доступа: <https://refdb.ru/look/2091567-p3.html>.

References

Arbitrazhnyj processual'nyj kodeks RF ot 24.07.2002 № 95-FZ (red. ot 29.07.2017). [Jelektronnyj resurs.] — Rezhim dostupa: <https://legalacts.ru/kodeks/APK-RF/>.

Grazhdanskij processual'nyj kodeks RF. [Jelektronnyj resurs.] — Rezhim dostupa: <http://gpkodeksrf.ru/>.

Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarushenijah ot 30.12.2001 № 195-FZ (red. ot 29.07.2017) (s izm. i dop., vstup. v silu s 10.08.2017). [Jelektronnyj resurs.] — Rezhim dostupa: <https://legalacts.ru/kodeks/KOAP-RF/>.

Postanovlenie Plenuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF №50 ot 18 ijulja 2014 g. [Jelektronnyj resurs.] — Rezhim dostupa: http://www.arbitr.ru/as/pract/post_plenum/110097.html.

Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii ot 30.12.2001 № 197-FZ (red. ot 29.07.2017) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.10.2017). [Jelektronnyj resurs.] — Rezhim dostupa: <https://legalacts.ru/kodeks/TK-RF/>.

Federal'nyj zakon ot 27.07.2010 № 193-FZ (red. ot 23.07.2013) «Ob al'ternativnoj procedure uregulirovanija sporov s uchastiem posrednika (procedure mediacii)» [Jelektronnyj resurs.] — Rezhim dostupa: <https://rg.ru/2010/07/30/mediacia-dok.html>.

Federal'nyj zakon ot 23 ijulja 2013 g. № 249-FZ «O vnesenii izmenenij v Zakon Rossijskoj Federacii «O tovarnyh birzhah i birzhevoj trgovle» i odel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii». [Jelektronnyj resurs.] — Rezhim dostupa: <https://rg.ru/2013/07/26/birzhi-dok.html>.

Shamlikashvili C. Mediator vmesto sud'i: Jeffektivnyj podhod k razresheniju sporov dlja sovremennogo menedzhera // Rossijskaja Biznes-gazeta. №756 (23) ot 29 ijunja 2010 g. [Jelektronnyj resurs.] — Rezhim dostupa: <https://refdb.ru/look/2091567-p3.html>.

МЕДИАЦИЯ И ПРАВО

Анатолий Березий¹

ДОСУДЕБНЫЙ ПОРЯДОК УРЕГУЛИРОВАНИЯ ПО СПОРАМ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ — СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. Автор раскрывает правовую природу досудебного порядка урегулирования спора, мирового соглашения как досудебного примирения с учетом позиций ВАС РФ и ВС РФ, а также судебной практики при разрешении экономических споров.

Ключевые слова: досудебное урегулирование; внесудебное урегулирование; мировое соглашение; конфликт; медиация.

Anatoly Bereziy

PRE-TRIAL ORDER OF SETTLEMENT IN DISPUTES IN THE ECONOMIC SPHERE — CURRENT STATE AND PROSPECTS

Annotation. The author reveals the legal nature of the pre-trial order of settlement of the dispute, the settlement agreement as a pre-trial reconciliation, taking into account the positions of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation, as well as judicial practice in resolving economic disputes.

Key words: pre-trial settlement; out-of-court settlement; an amicable settlement; conflict; mediation.

---

¹ © А.Е. Березий, 2017.

В постановлении IX Всероссийского съезда судей от 08.12.2016 г. «Об основных итогах функционирования судебной системы Российской Федерации» отмечено, что при изменении процессуального законодательства необходимо выработать конструктивные подходы к расширению институтов досудебного и внесудебного урегулирования споров.

В пояснительной записке ВС РФ к проекту Федерального закона «О внесении изменений в АПК РФ» (№ 47-ФЗ от 02.03.2016) отмечается, что претензионный порядок или иной досудебный порядок, имеющий своей целью урегулирование спора, является действенным средством повышения качества работы судебной системы, требует минимальных организационных затрат, способствует становлению и развитию партнёрских деловых отношений, способствует формированию обычаев и этики делового оборота и снижению конфликтности в обществе в целом.

В кратчайший срок продолжить курс на продвижение досудебного примирения по аналогии с АПК РФ и возможности применения медиации призвал Председатель ВС РФ В.М. Лебедев в своем выступлении на совещании председателей региональных ККС 26.05.2017 г.

Согласно ч. 5 ст. 4 АПК РФ, спор, возникающий из гражданских правоотношений, может быть передан на разрешение арбитражного суда после принятия сторонами мер по досудебному урегулированию по истечении 30 календарных дней со дня направления претензии (требования), если иные срок и (или) порядок не установлены законом либо договором. Категории споров, не подпадающие под действие этой статьи, перечислены там же.

В случае, если спор возник вследствие нарушения лицом, участвующим в деле, претензионного или иного досудебного порядка урегулирования спора, предусмотренного законом или договором, арбитражный суд относит на это лицо судебные расходы независимо от результатов рассмотрения дела (ч. 1 ст. 111 АПК РФ).

Таким образом, в настоящее время в России имеются достаточные возможности (правовые и организационные) для активного применения досудебного урегулирования споров экономического характера, прежде всего, в претензионном порядке, есть нормативные базы, есть опыт и традиции.

Иной досудебный порядок урегулирования частноправового спора, установленный договором в настоящее время в российской правовой системе, урегулирован недостаточно.

Вместе с тем, российская правовая система не ограничивает свободу сторон коммерческого спора в совместном выборе способа досудебного урегулирования спора. Стороны также вправе исключить свой спор из ведения государственного арбитража и передать его в третейский суд (ч. 6 ст. 4 АПК РФ). Ничто не препятствует им договориться о предварительной попытке урегулировать свой спор и до обращения в суд, заключив соответствующее соглашение. Такое соглашение и процедура его выполнения станут первым уровнем урегулирования спора.

На этой стадии стороны спора (конфликта) путем переговоров самостоятельно либо с участием третьего нейтрального лица предпринимают необходимые меры, путем взаимных уступок, к урегулированию разногласий, взаимных требований, исключив тем самым необходимость судебного вмешательства. Такой порядок ве-

дет к более быстрому и взаимовыгодному разрешению возникших разногласий и споров (названный подход нашел подтверждение в деле А49-7569/2016 Экономической коллегии Верховного Суда Российской Федерации).

Возникает вопрос: какие последствия влечет за собой нарушение сторонами (стороной) обязательства урегулировать спор до суда? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо проанализировать такое соглашение с точки зрения его правовой природы. Не вызывает сомнения, что такое соглашение имеет признаки гражданско-правового договора, предметом которого является создание условий для досудебного урегулирования спора. Соглашением может быть предусмотрена неустойка на случай его нарушения (ст. 330 ГК РФ).

Поскольку стороны свободны принимать решение относительно исхода своего спора, соглашение не может предусматривать каких-либо обязательств договориться, однако может предусмотреть порядок оформления результатов неудавшейся попытки урегулирования спора, например, в виде протокола за подписями участников, либо в случае достижения консенсуса, в виде мирового соглашения.

Как уже упоминалось выше, способами досудебного урегулирования споров могут быть переговоры как непосредственно между сторонами, так и с участием посредника (согласительная процедура). Между этими процедурами имеются существенные различия. После возникновения спора стороны, в большинстве случаев, пытаются урегулировать его путем переговоров без привлечения третьих лиц. Если таким образом не удастся урегулировать спор, то стороны довольно часто прибегают к привлечению третьего нейтрального лица, в том числе, медиатора, то есть к согласительной процедуре. В этом и заключается различие названных досудебных процедур.

Рассмотрим досудебное соглашение, в том числе соглашение о согласительной процедуре, а также соглашение о проведении согласительной процедуры с точки зрения российского гражданского права. Презюмируется, что стороны используют свои обязательства добросовестно (п. 3 ст. 1 ГК РФ), односторонний отказ от исполнения обязательств не допускается (п. 1 абз. 1 п. 2 ст. 310 ГК РФ), а сторона, нарушившая свои обязательства, обязана по требованию добросовестной стороны возместить ей убытки (ст. 15 ГК РФ). Полагаем, что лучшие, с практической точки зрения, перспективы для добросовестной стороны представляет предусмотренная ст. 308.3 ГК РФ возможность в судебном порядке потребовать исполнения обязательств в натуре и взыскания штрафа. Под исполнением обязательств в натуре в данном случае подразумевается обязывание недобросовестной стороны к попытке урегулирования спора, а штраф, назначенный судом, может оказаться не только санкцией, но и стимулом для участия в согласительной процедуре, о проведении которой договорились стороны.

И, наконец, в целях обеспечения права на доступ к суду предусмотрена возможность приостановления течения срока исковой давности (ч. 3 ст. 202 ГК РФ).

Специфика досудебного соглашения об урегулировании спора состоит в том, что нарушение его условий влечет за собой не только гражданско-правовые последствия, но и процессуально-правовые. Суд признает силу такого обязательства.

Как уже упоминалось выше, в соответствии с ч. 5 ст. 4 АПК РФ спор, возникший из гражданских правоотношений, может быть передан на разрешение арбитражного суда после принятия сторонами мер по досудебному урегулированию спора в сроки и порядке, установленным законом или договором. А в соответствии с ч. 1 ст. 111 АПК РФ, если спор возник вследствие нарушения лицом, участвующим в деле, претензионного или иного досудебного порядка урегулирования спора, предусмотренного федеральным законом или договором, арбитражный суд относит на это лицо судебные расходы независимо от результатов рассмотрения дела

Согласно п. 5 ч. 1 ст. 129 АПК РФ арбитражный суд возвращает исковое заявление если истцом не соблюден претензионный или иной досудебный порядок, если он является обязательным в силу закона.

Это не что иное, как ограничение свободы возбуждать судебное разбирательство. Не означает ли это ограничение права на доступ к суду? Полагаем, что нет. Оно приемлемо, поскольку оно служит целям достижения процессуальной экономии и повышению эффективности осуществления правосудия (например, снижения нагрузки на суд).

Как упоминалось выше, досудебное урегулирование спора может завершиться протоколом в случае неудавшейся попытки урегулировать спор, либо в случае достижения консенсуса — мировым соглашением. Первое свидетельствует о соблюдении порядка досудебного урегулирования спора, второе — об урегулировании спора на согласованных условиях.

Многие ученые и практики высказывают мнение о том, что привлекательность досудебного урегулирования спора возрастает, если мировое соглашение, достигнутое в ходе такой процедуры, будет исполняться в максимально ускоренном режиме. Это верно, и действующее российское законодательство этому не препятствует. Кроме того, мировое соглашение, достигнутое как в результате переговоров без посредника, так и в результате согласительных процедур, носят договорный характер, а, следовательно, приводятся в исполнение так же, как и выполнение любого другого гражданско-правового договора, в том числе в облегченном порядке.

О том, что мировое соглашение является сделкой и, следовательно, подлежит применению нормы гражданского права о договорах, в том числе к нему применимо правило о свободе договора, отражено в п. 9 Постановления Пленума ВАС РФ от 18.07.2014 № 50. Данный подход вытекает из практики ВАС РФ. В частности, в Постановлении Президиума ВАС РФ от 07.06.2012 № 247/12 указано, что к мировому соглашению применима также практика о толковании договора. Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ в развитие заложенного в п. 9 названного постановления Пленума подхода применила к мировому соглашению положения ст. 178 ГК РФ, посвященные недействительности сделки (определение ВС РФ от 14.09.2015; 309-ЭС15-3840). Существует и целый ряд постановлений Президиума ВАС РФ, из которых вытекает, что заключение внесудебных мировых соглашений в принципе допустимо (Постановление Президиума ВАС РФ от 10.04.2007 № 3008/06), а также постановлений кассационных инстанций (Постановления ФАС МО: от 20.12.2007 № КГ-А40/13158.07, от 18.11.2008 № КГ-А40/4547.08; По-

становление ФАС СЗО от 11.12.2006 № А56-15170/2005; Постановление ФАС СЗО от 11.07.2005 № А58-160/03-Ф02-3016/05.С2 и др.).

Значение мирового соглашения в гражданско-правовом обороте России и особенно в зарубежных странах (ЕС и США) исключительно велико. Количество таких соглашений не подлежит исчислению в силу их конфиденциальности, однако известно, что во всех зарубежных странах лишь небольшой процент частноправовых споров (3-5 %) достигает стадии судебного разбирательства. Остальные споры урегулируются консенсуально во внесудебном порядке, из них 80-90% оформляется мировым соглашением, что позволяет достичь предупреждения судебных разбирательств и эффективности урегулирования спора на взаимоприемлемых условиях без обращения в суд.

Закрепление мирового соглашения в ГК РФ будет способствовать признанию и применению внесудебного мирового соглашения как участниками делового оборота, так и судами. Это, в свою очередь, будет способствовать досудебному урегулированию споров, обеспечит стабилизацию делового оборота и разгрузку судов.

Следует согласиться с Д.Л. Давыденко, что регулирование внесудебного мирового соглашения в России лишь общими нормами ГК РФ о договорах совершенно недостаточно. С одной стороны, оно отталкивает участников частноправового оборота от урегулирования споров: к достигнутому ими мировому соглашению будут применяться лишь общие нормы права, в результате чего главная цель сторон — устранение неопределенности в их правоотношениях — не будет достигнута, поскольку они не будут знать ни точные правовые последствия заключения такого договора, ни исход спора, который может возникнуть из такого мирового соглашения. Кроме того, остаются неточности по поводу пределов свободы сторон в урегулировании споров, вопросы, связанные с течением срока исковой давности, юридические последствия заключения, несоблюдения внесудебного мирового соглашения и его исполнимости [Давыденко 2005: 6].

Соотношение медиации и медиативного соглашения с досудебным урегулированием гражданско-правовых споров

В настоящее время стороны, в целях урегулирования разногласий, споров в сфере гражданско-правовых отношений все чаще стали прибегать к услугам медиатора. Такая возможность им предоставлена Федеральным законом «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее — Закон о медиации). По результатам проведения медиации стороны заключают медиативное соглашение. Какова правовая природа медиативного соглашения? Может ли оно относиться к досудебному урегулированию спора в контексте проблем, рассматриваемых в настоящей публикации?

В силу части ч.4 ст.12 Закона о медиации медиативное соглашение по возникшему из гражданских правоотношений спору, достигнутому сторонами в результате процедуры медиации, проведенной без передачи спора на рассмотрение суда, представляет собой гражданско-правовую сделку, направленную на установление, изменение или прекращение прав и обязанностей сторон, и к ней могут применяться правила гражданского законодательства. Защита прав, нарушенных в

результате неисполнения или ненадлежащего исполнения такого медиативного соглашения, осуществляется способами, предусмотренными гражданским законодательством.

В настоящее время в силу гражданского процессуального законодательства медиация не относится к досудебному урегулированию спора. Проблемы возникают, когда процедура медиации закрепляется как обязательная досудебная процедура в договорах (контрактах). Может ли урегулирование спора с участием медиатора в таком случае выступать в качестве обязательной досудебной процедуры? Полагаем, что да. Как уже упоминалось выше, в соответствии с ч. 5 ст. 4 АПК РФ спор, возникающий из гражданских правоотношений, может быть передан на разрешение арбитражного суда после принятия сторонами мер по досудебному урегулированию, если иной порядок не установлен законом либо договором. Следовательно, если стороны в договоре предусмотрели обязательное, до обращения в суд, урегулирование разногласий с участием медиатора, то они лишаются права на обращение в суд с наступлением неблагоприятных процессуально-правовых последствий.

В соответствии с п. 1 ст. 4 Закона о медиации, если стороны заключили соглашение о применении процедуры медиации и в течение оговоренного срока обязались не обращаться в суд для разрешения спора, суд признает силу этого обязательства до тех пор, пока условия данного обязательства не будут выполнены. С указанной нормой корреспондирует и п.3 ст.202 ГК РФ, в соответствии с которой, если стороны прибегли к предусмотренной законом процедуре разрешения спора во внесудебном порядке, в том числе процедуре медиации, течение срока исковой давности приостанавливается на срок, установленный законом для проведения такой процедуры, а при отсутствии такого срока — на 6 месяцев со дня начала соответствующей процедуры.

Общепризнано, что претензионный порядок, предусмотренный как законом, так и договором, в гражданско-правовых отношениях является обязательным досудебным урегулированием спора, с несоблюдением которого наступают неблагоприятные процессуально-правовые последствия. В силу АПК РФ и ГПК РФ, а также иного законодательства, в частности, транспортного, соблюдение претензионного порядка является обязательным. Именно на этой стадии стороны очень часто прибегают к услугам медиатора. Понятно, что в случае достижения сторонами медиативного соглашения оно в силу ч. 4 ст. 12 Закона о медиации представляет собой гражданско-правовую сделку с известными правовыми последствиями. В случае недостижения медиативного соглашения процедура медиации станет попыткой сторон на стадии обязательного претензионного порядка урегулировать спор. А как быть со сроками, предусмотренными ч. 5 ст. 4 АПК РФ? Процедура медиации может не уложиться в сроки, установленные названной нормой. Вправе ли стороны в таких случаях, заключая соглашение о проведении процедуры медиации, устанавливая иные, более длительные сроки, и как это отразится на праве доступа к правосудию?

Вышеизложенное позволяет прийти к следующим выводам.

Медиативное соглашение, достигнутое сторонами без передачи граждан-

ско-правового спора на рассмотрение суда, представляет собой гражданско-правовую сделку, и к ней могут применяться правила гражданского законодательства.

Проведение медиации до обращения в суд является процедурой разрешения спора во внесудебном порядке, то есть является альтернативным способом разрешения споров.

Проведение медиации до обращения в суд в силу прямого указания в Законе о медиации (п. 3 ст. 7) не является обязательной процедурой, если иное не предусмотрено законом, либо договором, заключенном в письменном виде.

Проведение процедуры медиации на стадии претензионного порядка урегулирования спора повышает эффективность претензионного порядка и является существенным фактором продвижения медиации.

Заслуживает поддержки законопроект «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с необходимостью совершенствования медиативной практики» подготовленный ФБГУ «Федеральный институт медиации» и одобренный Общественным методическим советом при ФБГУ 31.01.2017 г. В соответствии с предлагаемым законопроектом процедура медиации может быть установлена в качестве досудебного порядка урегулирования споров, вводится термин «досудебная процедура медиации», а также определяется ее правовая природа и соотношение этой процедуры с принципом и гарантиями конфиденциальности.

От широкого внедрения внесудебных и досудебных процедур, основанных на принципах автономии воли сторон, право сторон на оперативную защиту своих прав в суде не пострадает, так как оно гарантируется нормами и принципами процессуального законодательства.

Литература

Давыденко Д.Л. Мировое соглашение вне суда и его урегулирование гражданским правом / Д.Л. Давыденко // Хозяйство и право. Приложение к № 2. М., 2005.

О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с необходимостью совершенствования медиативной практики / проект Федерального закона. [Электронный ресурс.] — Режим доступа: http://fedim.ru/wp-content/uploads/2016/12/Zakonoproekt_mediatsiya_v3.pdf.

Постановление Пленума ВАС РФ от 18.07.2014 № 50.

Постановление Президиума ВАС РФ от 07.06.2012 № 247/12.

Постановление ФАС МО от 20.12.2007 № КГ-А40/13158.07.

Постановление ФАС МО от 18.11.2008 № КГ-А40/4547.08.

Постановление ФАС СЗО от 11.07.2005 № А58-160/03-Ф02-3016/05.С2.

Постановление ФАС СЗО от 11.12.2006 № А56-15170/2005.

Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». (Принят Государ-

ственной Думой 7 июля 2010 года. Одобрен Советом Федерации 14 июля 2010 года.) // Российская газета. Федеральный выпуск № 5247 (168) от 30 июля 2010 г. [Электронный ресурс.] — Режим доступа: <https://rg.ru/2010/07/30/mediacia-dok.html>.

References

Davydenko D.L. Mirovye soglasenie vne suda i ego uregulirovanie grazhdanskim pravom / D.L. Davydenko // Hozjajstvo i pravo. Prilozhenie k № 2. M., 2005.

O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v svjazi s neobhodimost'ju sovershenstvovanija mediativnoj praktiki / proekt Federal'nogo zakona. [Jelektronnyj resurs.] — Rezhim dostupa: http://fedim.ru/wp-content/uploads/2016/12/Zakonoproekt_mediatsiya_v3.pdf.

Postanovlenie Plenuma VAS RF ot 18.07.2014 № 50.

Postanovlenie Prezidiuma VAS RF ot 07.06.2012 № 247/12.

Postanovlenie FAS MO ot 20.12.2007 № KG-A40/13158.07.

Postanovlenie FAS MO ot 18.11.2008 № KG-A40/4547.08.

Postanovlenie FAS SZO ot 11.07.2005 № A58-160/03-F02-3016/05.S2.

Postanovlenie FAS SZO ot 11.12.2006 № A56-15170/2005.

Federal'nyj zakon ot 27 ijulja 2010 g. № 193-FZ «Ob al'ternativnoj procedure uregulirovanija sporov s uchastiem posrednika (procedure mediacii)». (Prinjat Gosudarstvennoj Dumoj 7 ijulja 2010 goda. Odobren Sovetom Federacii 14 ijulja 2010 goda.) // Rossijskaja gazeta. Federal'nyj vypusk № 5247 (168) ot 30 ijulja 2010 g. [Jelektronnyj resurs.] — Rezhim dostupa: <https://rg.ru/2010/07/30/mediacia-dok.html>.

ПРОДВИЖЕНИЕ МЕДИАЦИИ В КОНФЛИКТАХ ПО ПОВОДУ ПРАВА

Аннотация. В статье рассматриваются проблема продвижения медиации в конфликтах по поводу права, требующих иного подхода, чем тот, который базируется на парадигме согласования интересов сторон конфликтного взаимодействия. Доказывается, что использование процедуры медиации применительно к конфликтам по поводу права требует от третьего лица работы с конфликтом на основе компенсационной парадигмы. Компенсация за нанесение морального ущерба одной стороной другой стороне за действие или бездействие, приведшее к конфликту по поводу прав, не противоречит пониманию сущности медиации как содействия субъектам конфликтного взаимодействия в поиске, выработке и принятии ими добровольного решения, приводящего к преодолению конфликта.

Ключевые слова: медиация; конфликтное взаимодействие; спор; конфликт; конфликт интересов (экономический); конфликт права (юридический); парадигма согласования интересов; парадигма компенсации.

Anatoliy Solovyev

PROMOTION OF MEDIATION IN CONFLICTS OVER THE LAW

Abstract. The article discusses the problem of promoting mediation in conflicts over the law that require a different approach than that based on the paradigm of reconciling the interests of the conflicting parties. It is proved that the use of the mediation procedure in relation to conflicts over the law requires a third person to work with the conflict on the basis of a compensation paradigm. Compensation for moral damage inflicted by one party to another party for an act or omission that led to a conflict over rights does not contradict the understanding of the essence of mediation as an aid to the subjects of conflict interaction in the search for, development and acceptance of a voluntary solution leading to conflict overcoming.

Keywords: mediation; conflict interaction; dispute; conflict; conflict of interest (economic); conflict of law (legal); paradigm of reconciling interests; compensation paradigm.

---

¹ © А.В. Соловьев, 2017.

Есть несколько поводов, обуславливающих необходимость обращения к заявленной нами теме. Во-первых, в рамках продвижения медиации предлагается рассматривать ее в качестве альтернативно-восстановительной модели правосудия [Арпентьева 2017: 61], что очень проблематично, как и проблематична точка зрения, согласно которой медиация заключается в восстановлении нарушенных прав личности и восстановлении правообразного отношения лиц, выступающих сторонами конфликта, к своим правам и обязанностям [Арпентьева 2017: 52-53]. Во-вторых, актуальным является вопрос, какая парадигма урегулирования конфликта должна лежать в основе медиации в случаях, когда медиатору или посреднику² необходимо работать с конфликтом по поводу права. В-третьих, существует точка зрения, согласно которой «в медиативном процессе при разрешении проблемы обе стороны стремятся к взаимной договоренности по вопросу, в котором, как правило, сталкиваются интересы (выделено мной — А.С.); к достойному выдерживанию конфронтации, неизбежно возникающей из-за противоречивости позиций» [Скибицкий, Скибицкая, Фадейкина 2017]. Возможно, авторы этой точки зрения в своей практике сталкивались только с конфликтами интересов, но общественная жизнь многообразна и в ней имеют место и конфликты по поводу права.

Медиация как альтернативная процедура рассмотрения сущности конфликта в досудебном порядке приобрела особую популярность в научном сообществе после придания ей легитимности Федеральным законом от 14 июля 2010 г. «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» № 193-ФЗ. В стране действует Федеральный институт медиации, а в вузах преподаются дисциплины по медиации в разных сферах общественной жизни. Но при этом, на наш взгляд, остается открытым вопрос о результативности медиации в конфликтах по поводу права (юридических). Вопрос актуален по той причине, что в конфликтах по поводу права одна сторона полагает, что она выступает в качестве потерпевшей, т.е. чьи права нарушены или ущемлены. А из этого следует, что медиатору по объективным причинам приходится анализировать и обсуждать не интересы сторон конфликтного взаимодействия, а искать способы преодоления конфликта, который объективно не может быть завершен посредством применения социальных технологий, базирующихся на парадигме консенсуса (от лат. *consensus* — согласие).

Большинство авторов полагает, что медиация выступает в качестве альтернативного способа разрешения споров, но категория «спор» отлична от категории «конфликт»³. Следует не только разделять эти категории, но понимать, что конфликт является родовым понятием, а спор — подвидом конфликта. Конфликтологам известно, что социальные конфликты имеют достаточное количество видов и

---

² Автор полагает, что третье лицо, вмешивающееся в конфликт, может выполнять функции как медиатора, так и посредника. Подробное рассмотрение моделей стратегии и ролей см. [Глазл 2002: 404-446].

³ Предложенное Н.М. Руткевичем отграничение понятий «конфликт» и «спор» отечественных юристов, исследующих проблематику трудовых споров, по-прежнему не интересуют. Нами такое отграничение разделяется [Соловьев 2008: 104-106; 2014: 113-115].

подвидов [Глазл 2002: 51-90], и это обстоятельство обуславливает необходимость учитывать их природу и степень сложности работы⁴ с ними, а также собственное поведение лица, вмешивающегося в конфликт.

Альтернативные способы разрешения споров — это всего лишь способы работы медиатора или посредника с разными интересами сторон конфликтного взаимодействия. Залогом успеха применения этих способов является объективная практическая возможность согласования интересов сторон конфликтного взаимодействия при содействии медиатора или посредника в конфликтах интересов (экономических)⁵. Однако, на практике случается, что на преодоление (разрешение, урегулирование) конфликта на основе Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» претендуют стороны конфликта по поводу права (юридического).

В данном контексте отметим, что в связи с актуальностью реализации Федерального закона от 27 июля 2010 года № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» утвердилось мнение, согласно которому указанная процедура относится к неюрисдикционным механизмам защиты прав сторон трудовых отношений [Анисимов, 2012; Власенко, 2016; Головина, 2013], и это при том, что всеми признается - ни посредник, ни медиатор не имеют юридического статуса третейского судьи и, следовательно, каждый из них не наделен правом на вынесение решения по рассматриваемому трудовому спору, которое могло бы прекратить нарушение того или иного права работника (в первую очередь!), восстановить нарушенное право работника и привлечь к юридической ответственности соответствующее лицо. Иными словами, в случаях вмешательства в конфликт по поводу права посреднику или медиатору необходимо в рамках своих полномочий повлиять на конфликтное взаимодействие субъектов трудовых отношений таким образом, чтобы они самостоятельно нашли способ преодолеть этот конфликт в порядке досудебного разбирательства. Но осуществить указанное, воспользовавшись парадигмой медиации на основе согласования интересов сторон конфликтного взаимодействия невозможно по объективной причине, когда третье лицо сталкивается с конфликтом, который по своей природе является конфликтом по поводу права (юридическим).

Прежде чем раскрыть сущность подхода к медиации в конфликтах по поводу права (юридических), напомним о том, что отечественные юристы [Киселев 1999: 265; Лушников, Лушникова 2009: 979-980; Лютов 2007: 56; Сафонов 2013: 603-604; Сивачев 1972: 199; Толкунова 1996: 8-9; Хильчук 2016: 50-53] и некоторые конфликтологи уделяют внимание проблеме отграничения понятий «конфликт интересов (экономический)» и «конфликт права (юридический)» [Соловьев 1997; 2008; 2014; 2018]. Нельзя не отметить того факта, что и «конфликт интересов (экономический)», и «конфликт права (юридический)» на практике могут возникать

---

⁴ Подробнее о работе с конфликтом см. [Глазл 2002: 395].

⁵ Не путать с конфликтом интересов, определение которого предусмотрено ст. 10 Федерального закона «О противодействии коррупции». См. Федеральный закон «О противодействии коррупции» - Москва: Проспект, 2017. С. 18.

и протекать как в поле институализированных отношений, так и в поле неинституализированных отношений.

Международное бюро труда разработало «Руководство по совершенствованию системы урегулирования трудовых споров» (далее — Руководство)⁶. Из текста Руководства следует, что споры, т.е. конфликтное взаимодействие субъектов трудовых отношений на основе традиционного различия их интересов, подлежат разрешению на основе переговоров, диалоговых процедур, включая посредничество и медиацию. А конфликты, т.е. конфликтное взаимодействие субъектов трудовых отношений на основе реальных или мнимых нарушениях прав одного из этих субъектов, могут быть преодолены только благодаря третейскому, судебному разбирательству и проведению арбитражных процедур по типу «арбитраж права» («arbitration of rights»).

В конфликте по поводу интересов субъектов социальных отношений теоретически и практически есть поле пересечения противоположных интересов, что позволяет завершать их на основе консенсусной парадигмы. А когда имеет место конфликт по поводу права, то стороны конфликтного взаимодействия, как правило ведут между собой диалог о степени вины каждого из субъектов и их ответственности за произошедшее, которая должна быть соразмерна с этой виной.

Таким образом, первая разновидность конфликтного взаимодействия субъектов трудовых отношений поддается разрешению (термин законодателя) благодаря согласованию интересов сторон или достижения ими консенсуса по поводу решения проблемы, не имеющей никакой связи с правами и свободами контрагентов. Вторая разновидность конфликтного взаимодействия субъектов трудовых отношений требует осуществления судебных, арбитражных процедур, т.к. должна быть установлена степень вины одно из оппонентов, с одной стороны, а также должны быть предусмотрены меры принуждения контрагента, допустившего нарушение, ущемление прав оппонента, если первого необходимо будет побудить к выполнению решения суда или арбитража, с другой стороны.

В свое время Н.В. Сивачев писал о дискуссии в США по поводу двух типов арбитражного процесса по трудовым конфликтам разного характера — «конфликтам интересов» и «конфликтам прав». Обусловлено это было, в том числе и тем, что есть «согласительный арбитраж» («consensus arbitration») и «юридический арбитраж» («judicial arbitration») [Сивачев 1972: 238]. А И.Я. Киселев полагал, что коллективные трудовые конфликты чаще всего бывают конфликтами интересов (экономическими), а индивидуальные — конфликтами права (юридическими) [Киселев 1978: 116-117].

Существует мнение, согласно которому в конфликте интересов сам мотив конфликта может иметь юридическую природу [Дмитриев 1997], но эту точку зрения разделить трудно. Чтобы были понятны причины затруднения приведем указанное мнение в его первоизданном виде. Итак, «в конфликте интересов сам мотив

---

⁶ Появлению этого документа предшествовали соответствующие публикации Бюро МОТ. См., например, Collective Dispute Resolution through Conciliation, Mediation and Arbitration: European and ILO Perspectives, 2007.

конфликта может иметь юридическую природу. Например, споры о наследстве — это не только семейные или финансовые отношения, но и отношения правовые, связанные с пониманием закона и толкованием текста завещания» [Дмитриев 1997: 50].

Нет основания утверждать, что споры о наследстве лежат не в плоскости институализированных отношений. Но это вовсе не означает, что по своей природе споры о наследстве имеют юридическую природу. Природу конфликта определяют юридические факты поведения субъектов социальных отношений. Если, например, между субъектами семейных или гражданских отношений возникает спор по поводу их разных интересов в наследовании имущества и при этом ни одна из сторон взаимодействия не совершает поступка, ущемляющего права другой стороны, то такое конфликтное взаимодействие по своей природе следует понимать и принимать как конфликт интересов. А, вот, если одна из сторон тех же отношений предпринимает противоправное действие (совершает подлог, клеветает, угрожает контрагенту), направленное на ущемление права другой стороны, то в таком случае есть все основания для того, чтобы это конфликтное взаимодействие понимать и принимать как конфликт по поводу права.

Главное, что вытекает из объективного признания двух видов конфликтов — конфликта интересов и конфликта права — заключается в том, что при вмешательстве в конфликт по поводу права третье лицо (медиатор или посредник) практически не может ни добиться завершения конфликта на основе согласования интересов сторон конфликтного взаимодействия, ни восстановить нарушенные права стороны, позиционирующей себя в качестве потерпевшей от противоправных действий или бездействий контрагента.

Нам представляется, что нет необходимости добавлять к сказанному, что медиатор или посредник как лицо, не наделенное функцией третейского судьи, не может по объективным основаниям добиться того, о чем сказано выше. Означает ли это, что процедура медиации (посредничества) не работает и не может в принципе отвечать своим целям в ситуациях конфликта по поводу права?

Ответ на поставленный вопрос будет отрицательным, но при одном условии. Это условие — отказ от применения в процессе медиации социальных технологий, базирующихся на парадигме консенсуса, т.е. согласования интересов сторон конфликтного взаимодействия. Иными словами, нами утверждается, что медиация в конфликтах по поводу права должна осуществляться на основе парадигмы компенсации, которая может удовлетворять обе стороны, как сторону, позиционирующую себя в качестве потерпевшей (сторона-истец), так и сторону, выступающую в качестве ответчика в силу того, что именно ею было нарушено или ущемлено право контрагента.

Если использовать жесткое определение названной парадигмы, то речь идет о том, что в рамках процесса медиации, лицо, вмешивающееся в конфликт по поводу права, должно подвести субъектов конфликтного взаимодействия к добровольному решению о том, что сторона-ответчик готова откупиться за свое противоправное действие или бездействие, а сторона-истец готова эту компенсацию принять.

Ясно, что использование в медиации парадигмы компенсации ставит вопрос о моральной стороне поведения лица, вмешивающегося в конфликт по поводу права. Но разве наше общество уже не привыкло к конфликтам на российских дорогах, когда сторона, нарушившая правила дорожного движения, предлагает потерпевшей стороне «откупную» для досудебного урегулирования конфликта? Разве подобные сделки не встречаются в практике рассмотрения семейных конфликтов, когда бросивший и заведший новую семью мужчина, предлагает «откупную» своей бывшей жене?

В последнем случае досудебное урегулирование конфликта на основе парадигмы компенсации, как правило, устраивает обоих конфликтующих, поскольку в ходе судебного разбирательства могут всплыть факты, которые могут нанести моральный вред обоим субъектам взаимодействия или даже к возбуждению уголовного дела против одного из них. Такое завершение конфликта устраивает обе стороны и потому, что такой способ примирения не влечет за собой материальные затраты на судебные издержки.

Можно утверждать, что договоренность сторон конфликтного взаимодействия в системе отношений «потерпевший — ответчик» о завершении конфликта на условиях компенсации в согласованных сторонами размерах основана не на компенсации за противоправное поведение (действие или бездействие), а на компенсации нанесения ответчиком морального ущерба контрагенту.

По нашему мнению, урегулирование конфликта на основе парадигмы компенсации в медиативном процессе аналогична проблеме ответственности без вины, уделяемой со стороны юристов, специализирующихся на отрасли гражданского права [Дмитриева 1997: 32, 58]. По большому счету, субъекты конфликтного взаимодействия, находящиеся в системе отношений «потерпевший — ответчик», не собираются в судебном порядке определять степень вины ответчика (в ходе судебного разбирательства эти субъекты могут поменяться ролями!), а добровольно соглашаются завершить конфликт по поводу права посредством выплаты одной стороной и принятия другой стороной компенсации в согласованных сторонами размерах.

Остается добавить, что, на наш взгляд, досудебное урегулирование конфликта на основе парадигмы компенсации не входит в противоречие с пониманием сущности медиации как содействия третьим лицам субъектам конфликтного взаимодействия в поиске, выработке и принятии ими добровольного решения, позволяющего удовлетворить их притязания, с одной стороны, и отвечающего их интересам, с другой стороны. Успех дела будет зависеть только от уровня квалификации третьего лица, т.е. медиатора (посредника).

Работа медиатора или посредника с конфликтом права на основе парадигмы компенсации требует от третьего лица понимания морально-нравственной ответственности за продвижение им идеи окончания конфликта не на основе установления вины одной из сторон конфликта, на основе откупа за эту вину. По существу, третье лицо, вмешивающееся в конфликт по поводу права, должно понимать, что с точки зрения моральных принципов предложение сторонам конфликта завер-

шить его посредством заключения договора о компенсации вины — это не то же, что преодоление конфликта на основе справедливого наказания личности, допустившей противоправное действие (бездействие), повлекшее за собой нарушение или ущемление прав другой личности. Более того, перед медиатором (посредником), вмешивающимся в конфликт по поводу права, возникает морально-этическая дилемма осуществлять ли защиту прав потерпевшей стороны или ставить выше этого профессионально-корпоративный интерес оказания медиативных услуг.

На практике медиатор (посредник), вмешивающийся в конфликт по поводу права и предлагающий его субъектам (сторонам) завершить конфликтное взаимодействие путем заключения соглашения о компенсации за ответственность без вины, может столкнуться с негативной оценкой его поведения со стороны субъекта, выступающего в этом конфликте в качестве потерпевшего. Характер такой оценки может быть многовариантным, включая подозрение о вовлечении стороной ответчика медиатора (посредника) в конфликт корыстных интересов, т.е. конфликт, имеющий коррупционную основу [Соловьев 2014].

Представленное нами видение работы медиатора или посредника с конфликтом по поводу права имеет еще один морально-этический аспект. Он связан с использованием юристами понятия «законные интересы». В наши задачи не входит раскрывать сущность этого понятия и упоминать о дискуссии вокруг него. Ограничимся только изложением одного вопроса: можно ли относить к законным интересам интерес стороны, выступающей в конфликте по поводу права в качестве ответчика, о прекращении конфликта на основе компенсации за ответственность без вины?

Рассмотрение предмета нашего анализа было бы неполным, если бы не было учтено одно обстоятельство. Оно заключается в том, что в реальной общественной жизни существует реальный конфликт, который не может быть преодолен ни посредством медиации, основанной на парадигме консенсуса сторон конфликтного взаимодействия, ни посредством компенсационной парадигмы.

Речь идет о морально-правовом конфликте корыстных интересов [Соловьев 2014: 75-103], в основе которого лежит коррупционное деяние личности или группы лиц. По смыслу существующего юридического определения этого конфликта, личность или группа лиц являющиеся стороной реального конфликта, выступают в качестве нарушителей норм морали и поведения, предписанного при исполнении должностных (служебных) обязанностей.

А поскольку другой стороной этого конфликта выступает организация (хозяйствующий субъект, учреждение и пр.) и государство, то к нарушителям норм морали и поведения в рамках осуществления трудовой деятельности во всем ее многообразии должны применяться нормы ответственности, соразмерные коррупционному деянию и вине участников конфликта. Из этого следует, что конфликт интересов, определение которого содержится в ч. 1 ст. 10 Федерального закона «О противодействии коррупции», подлежит рассмотрению и урегулированию гражданским судом, но не в рамках процедуры медиации.

Литература

Анисимов 2012 — *Анисимов Л.Н.* Медиация при урегулировании трудовых споров: в процессе становления // *Кадровик. Трудовое право для кадровика.* 2012. № 9. С. 44-53.

Арпентьева 2017 — *Арпентьева М.* Медиация в контексте проблем альтернативного разрешения споров // *Вестник Федерального института медиации.* 2017. № 2. С. 49-64.

Власенко 2016 — *Власенко М.С.* Применение медиативных процедур в разрешении споров, возникающих из трудовых правоотношений // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Право.* 2016. № 1. С. 110–115.

Глазл 2002 — *Глазл Ф.* Конфликт-менеджмент. Настольная книга руководителя и консультанта / Пер. с нем. Калуга: Духовное наследие, 2002.

Головина 2013 — *Головина С.Ю.* Проблемы применения медиации при разрешении трудовых споров // *Российский юридический журнал.* 2013. [Электронный ресурс.] — Режим доступа: <http://xn----7sbbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/6799>. (Дата обращения: 29.08.2017.)

Дмитриев 1997 — *Дмитриев А.В.* Юридическая конфликтология и другие дисциплины // *Основы конфликтологии: Учебное пособие / А.В. Дмитриев, Ю.Г. Запрудский, В.П. Казимирчук, В.Н. Кудрявцев; под ред. В.Н. Кудрявцева. М.: Юрист, 1997.*

Дмитриева 1997 — *Дмитриева О.В.* Ответственность без вины в гражданском праве : учебное пособие. Воронеж. Изд-во ВВШ МВД РФ, 1997.

Киселев, 1978 — *Киселев И.Я.* Трудовые конфликты в капиталистическом обществе: социально-правовые аспекты. — М.: Наука, 1978.

Киселев, 1999 — *Киселев И.Я.* Сравнительное и международное трудовое право : учебник для вузов. М.: Дело, 1999.

Лушников, Лушникова, 2009 — *Лушников А.М., Лушникова М.В.* Курс трудового права : учебник. В 2-т. Т. 2. Коллективное трудовое право. Индивидуальное трудовое право. Процессуальное трудовое право. М.: Статут. 2009.

Лютков, 2007 — *Лютков Н.Л.* Коллективные трудовые споры: сравнительно-правовой анализ. М.: Велби; Проспект, 2007.

Руководство по совершенствованию системы урегулирования трудовых споров. Международная организация труда, 2013. [Электронный ресурс.] — Режим доступа: http://www.trudcontrol.ru/files/editor/files/trud_spor_new.pdf.

Руткевич, 2001 — *Руткевич Н.М.* Общество как система. Социологические очерки. СПб.: Алетейя, 2001.

Сафонов 2013 — *Сафонов В.А.* Трудовые споры // *Трудовое право России : учебник для бакалавров / под общ. ред. Е.Б. Хохлова, В.А. Сафонова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2013.*

Сивачев 1972 — *Сивачев Н.В.* Правовое регулирование трудовых отношений в США. М.: Юридическая литература, 1972.

Скибицкий, Скибицкая, Фадейкина 2017 — *Скибицкий Э.Г., Скибицкая И.Ю., Фадейкина Н.В.* Медиация и подготовка слушателей к ее проведению на основе профессиональных

стандартов // Сибирская финансовая школа (САФБД). 2017. № 3 [Электронный ресурс.] — Режим доступа: http://www.journal.safbd.ru/sites/default/files/articles/journal_sfs_safbd_2017-3.15.pdf.

Соловьев 1997 — *Соловьев А.В.* Практический комментарий Закона «О порядке разрешения коллективных трудовых споров». М.: Фонд правовая культура, 1997.

Соловьев 2008 — *Соловьев А.В.* Преодоление трудовых конфликтов коллективного характера : монография. В 2 ч. Ч. 1. Конфликтный потенциал социально-трудовой сферы. М.: РАПС, 2008.

Соловьев 2014 — *Соловьев А.В.* Конфликт корыстных интересов на государственной и муниципальной службе: природа и способы преодоления : учебное пособие / А.В. Соловьев / вступит. слово д-ра полит. наук, проф. Л.Н. Тимофеевой. М.: Новые печатные технологии, 2014.

Соловьев 2018 — *Соловьев А.В.* Конфликты на государственной службе: типология и управление: учебно-практическое пособие. 2-е изд. испр. и доп. М.: Проспект, 2018.

Толкунова 1996 — *Толкунова В.Н.* Трудовые споры и порядок их разрешения. М: Юристъ, 1996.

ФЗ № 273-ФЗ — Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». (Принят Государственной Думой 19 декабря 2008 г. Одобрен Советом Федерации 22 декабря 2008 г.) [Электронный ресурс.] — Режим доступа: <https://rg.ru/2008/12/30/korrupcia-fz-dok.html>

Хильчук 2016 — *Хильчук Е.Л.* Трудовые споры : учебное пособие для академического бакалавриата / Е.Л. Хильчук, И.П. Чикирева; Тюменский государственный университет. М.: Юрайт, 2016.

Collective Dispute Resolution through Conciliation, Mediation and Arbitration: European and ILO Perspectives // High-Level Tripartite Seminar on the Settlement of Labour Disputes through Mediation, Conciliation, ARBITRATION AND LABOUR COURTS Nicosia, Cyprus October 18th – 19th, 2007. - International Labour Office Geneva.

References

Anisimov 2012 — *Anisimov L.N.* Mediacija pri uregulirovanii trudovyh sporov: v processe stanovlenija // Kadrovik. Trudovoe pravo dlja kadrovika. 2012. № 9. S. 44-53.

Arpent'eva 2017 — *Arpent'eva M.* Mediacija v kontekste problem al'ternativnogo razreshenija sporov // Vestnik Federal'nogo instituta mediacii. 2017. № 2. S. 49-64.

Vlasenko 2016 — *Vlasenko M.S.* Primenenie mediativnyh procedur v razreshenii sporov, vznikajushhij iz trudovyh pravootnoshenij // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Pravo. 2016. № 1. S. 110–115.

Glazl 2002 — *Glazl F.* Konflikt-menedzhment. Nastol'naja kniga rukovoditelja i konsul'tanta / Per. s nem. Kaluga: Duhovnoe nasledie, 2002.

Golovina 2013 — *Golovina S.Ju.* Problemy primenenija mediacii pri razreshenii trudovyh sporov // Rossijskij juridicheskij zhurnal. 2013. [Jelektronnyj resurs.] — Rezhim dostupa: <http://xn----7sbbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/6799>. (Data obrashhenija: 29.08.2017.)

Dmitriev 1997 — *Dmitriev A.V.* Juridicheskaja konfliktologija i drugie discipliny // Osnovy konfliktologii: Uchebnoe posobie / A.V. Dmitriev, Ju.G. Zaprudskij, V.P. Kazimirchuk, V.N. Kudrjavcev; pod red. V.N. Kudrjavceva. M.: Jurist, 1997.

Dmitrieva 1997 — *Dmitrieva O.V.* Otvetstvennost' bez viny v grazhdanskom prave : uchebnoe posobie. Voronezh. Izd-vo VVSh MVD RF, 1997.

Kiselev, 1978 — *Kiselev I.Ja.* Trudovye konflikty v kapitalisticheskom obshhestve: social'no-pravovye aspekty. — M.: Nauka, 1978.

Kiselev, 1999 — *Kiselev I.Ja.* Sravnitel'noe i mezhdunarodnoe trudovoe pravo : uchebnik dlja vuzov. M.: Delo, 1999.

Lushnikov, Lushnikova, 2009 — *Lushnikov A.M., Lushnikova M.V.* Kurs trudovogo prava : uchebnik. V 2-t. T. 2. Kollektivnoe trudovoe pravo. Individual'noe trudovoe pravo. Processual'noe trudovoe pravo. M.: Statut, 2009.

Ljutov, 2007 — *Ljutov N.L.* Kollektivnye trudovye spory: sravnitel'no-pravovoj analiz. M.: Velbi, Prospekt, 2007.

Rukovodstvo po sovershenstvovaniju sistemy uregulirovanija trudovyh sporov. Mezhdunarodnaja organizacija truda, 2013. [Jelektronnyj resurs.] — Rezhim dostupa: http://www.trudcontrol.ru/files/editor/files/trud_spor_new.pdf.

Rutkevich, 2001 — *Rutkevich N.M.* Obshhestvo kak sistema. Sociologicheskie ocherki. SPb.: Aleteja, 2001.

Safonov 2013 — *Safonov V.A.* Trudovye spory // Trudovoe pravo Rossii : uchebnik dlja bakalavrov / pod obshh. red. E.B. Hohlova, V.A. Safonova. 5-e izd., pererab. i dop. M.: Jurajt, 2013.

Sivachev 1972 — *Sivachev N.V.* Pravovoe regulirovanie trudovyh otnoshenij v SShA. M.: Juridicheskaja literatura, 1972.

Skibickij, Skibickaja, Fadejkina 2017 — *Skibickij Je.G., Skibickaja I.Ju., Fadejkina N.V.* Mediacija i podgotovka slushatelej k ee provedeniju na osnove professional'nyh standartov // Sibirskaja finansovaja shkola (SAFBD). 2017. № 3 [Jelektronnyj resurs.] — Rezhim dostupa: http://www.journal.safbd.ru/sites/default/files/articles/journal_sfs_safbd_2017-3.15.pdf.

Solov'ev 1997 — *Solov'ev A.V.* Prakticheskij kommentarij Zakona «O porjadke razreshenija kolektivnyh trudovyh sporov». M.: Fond pravovaja kul'tura, 1997.

Solov'ev 2008 — *Solov'ev A.V.* Preodolenie trudovyh konfliktov kolektivnogo haraktera : monografija. V 2 ch. Ch. 1. Konfliktnyj potencial social'no-trudovoj sfery. M.: RAPS, 2008.

Solov'ev 2014 — *Solov'ev A.V.* Konflikt korystnyh interesov na gosudarstvennoj i municipal'noj sluzhbe: priroda i sposoby preodolenija : uchebnoe posobie / A.V. Solov'ev / vstupit. slovo d-ra polit. nauk, prof. L.N. Timofeevoj. M.: Novye pechatnye tehnologii, 2014.

Solov'ev 2018 — *Solov'ev A.V.* Konflikty na gosudarstvennoj sluzhbe: tipologija i upravlenie: uchebno-prakticheskoe posobie. 2-e izd. ispr. i dop. M.: Prospekt, 2018.

Tolkunova 1996 — *Tolkunova V.N.* Trudovye spory i porjadok ih razreshenija. M: Jurist, 1996.

FZ № 273-FZ — Federal'nyj zakon ot 25 dekabrja 2008 g. № 273-FZ «O protivodejstvii korrupcii». (Prinjat Gosudarstvennoj Dumoj 19 dekabrja 2008 g. Odobren Sovetom Federacii 22 dekabrja 2008 g.) [Jelektronnyj resurs.] — Rezhim dostupa: <https://rg.ru/2008/12/30/korrupcia-fz-dok.html>

Hil'chuk 2016 — *Hil'chuk E.L.* Trudovye spory : uchebnoe posobie dlja akademicheskogo bakalavriata / E.L. Hil'chuk, I.P. Chikireva; Tjumenskij gosudarstvennyj universitet. M.: Jurajt, 2016.

Collective Dispute Resolution through Conciliation, Mediation and Arbitration: European and ILO Perspectives // High-Level Tripartite Seminar on the Settlement of Labour Disputes through Mediation, Conciliation, ARBITRATION AND LABOUR COURTS Nicosia, Cyprus October 18th – 19th, 2007. - International Labour Office Geneva.

ПОДГОТОВКА МЕДИАТОРОВ

Сергей Харитонов
Марина Хазанова
Марина Быкова¹

ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА ТРЕНИНГА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ МЕДИАТОРОВ

Аннотация. В представленной работе приводятся результаты экспертной оценки качества методических рекомендаций «Тренинг психологической подготовки медиатора». Исследование проведено в группе экспертов (12 человек) в условиях смоделированного по тексту методических рекомендаций тренинга. Выяснялось отношение экспертов к материалам, представленным в методических рекомендациях, проводился контент-анализ данных и их статистическая обработка. Показано, что представленные методические рекомендации позволяют решить ряд актуальных проблем. В то же время необходима разработка средств посттренингового сопровождения.

Ключевые слова: медиация; тренинг; методические рекомендации; психологическая подготовка.

Sergei Kharitonov
Marina Khazanova
Marina Bykova

EXPERT EVALUATION OF THE PSYCHOLOGICAL TRAINING OF MEDIATORS

Abstract. Research paper presents the results of the expert quality assessment of the methodological recommendations on «Training, psychological training of a mediator». The study was conducted in the expert group (12 persons) under the conditions modeled in the text of the methodological recommendations of the training. The attitude of experts to the material presented in the recommendations has been studied, and content analysis of the data and its statistical processing have been made. It is demonstrated that the presented recommendations allow resolving some urgent problems. At the same time, it is necessary to develop tools post training support.

Keywords: mediation; training; guidelines; psychological preparation.

---

¹ © С.В. Харитонов, М.А. Хазанова, М.В. Быкова, 2017.

Введение

Проблема методической оснащенности любых специалистов и тренеров, ведущих подготовку медиаторов, в частности [Ивановская и др. 2013; Шамликашвили 2017], представляется достаточно актуальным приоритетом в практике становления медиации в России. Необходимый набор методических рекомендаций и руководств по практическому ведению тренингов, семинаров и обучающих занятий никогда не бывает полным в развивающихся отраслях знаний и умений. С другой стороны, представляется существенным не просто предложение методических рекомендаций, но и анализ их полезного потенциала, включая аспекты, выпавшие из поля внимания исследователей, но находящиеся в поле внимания практиков. В этой связи представляется целесообразным не только создание методических рекомендаций, но и их экспертная оценка, осуществляемая самими специалистами, проходящими обучение по данным рекомендациям.

Одна из таких работ посвящена психологической подготовке медиаторов. Психологический стресс [Шестакова, Беленкова 2008] в работе с людьми по большому счету всегда присутствует [Куличенко 2011], и это требует определенной подготовки от специалистов. С другой стороны, рекомендации по преодолению такого рода проблем должны носить научный характер [Гайзуллина 2008] и строиться на доказательной базе [Антоновский, Балакшина 2016].

Цель исследования

Провести оценку качества методических рекомендаций «Тренинг психологической подготовки медиатора», подготовленных в ФГБУ «Федеральный институт медиации».

Дизайн исследования

В настоящей работе по результатам экспертной оценки получены качественные и количественные данные об основных характеристиках разработанного в Федеральном институте медиации тренинга, направленного на психологическую подготовку медиаторов.

Экспертная оценка осуществлялась по материалам методических рекомендаций «Тренинг психологической подготовки медиатора». В качестве экспертов выступали тренеры-медиаторы, занимающиеся обучением медиаторов и регулярно проводящие это обучение, и имеющие опыт практической работы сроком от года и более. Всего в оценке приняло участие 12 экспертов, прошедших 36-часовой тренинг по применению оцениваемых методических рекомендаций на практике.

Экспертная оценка проводилась по двум анкетам, до и после тренинга, направленного на обучение тренеров-медиаторов применению ими навыков по психологической подготовке обучающихся медиации.

В первой анкете, выдаваемой экспертам для заполнения перед тренингом, использовались закрытые вопросы предполагающие только варианты ответов «да» или «нет». Эта анкета была посвящена исследованию восприятия тренерами-медиаторами актуальности проблемы и представлениям о психологических нагруз-

ках в работе медиатора и оценкам актуальности формирования навыков противодействия стрессу в профессии медиатор. В частности, задавались следующие вопросы:

- Испытывают ли практикующие медиаторы психологическую нагрузку?
- Практикующие медиаторы часто испытывают стресс?
- Ваши ученики, начинающие обучение медиации, в большинстве случаев имеют адекватные представления об уровне стресса, который присутствует в профессии медиатора?
- Ваши ученики, начинающие обучение медиации в большинстве случаев склонны недооценивать уровень стресса, с которым сталкиваются практикующие медиаторы?
- Ваши ученики, начинающие обучение медиации в большинстве случаев способны сами хорошо справляться со стрессом?
- Лично Вам, как тренеру, нужны ли навыки и умения, позволяющие обучать медиаторов справляться с психической нагрузкой?
- Нужно ли проводить работу, направленную на психологическую подготовку медиаторов?

Последний из вопросов анкеты предлагалось обосновать и дать письменные объяснения, почему дан именно такой ответ.

В дальнейшем полученные ответы были обработаны с помощью метода контент-анализа для идентификации облака частотности слов.

Вторая анкета выдавалась в конце проведения тренинга и содержала вопросы, предполагающие ответ в виде оценки баллами выраженности по 10-бальной шкале, где 0 баллов — признак не выражен, 10 баллов — максимальная выраженность. Эксперты дали ответы на следующие вопросы.

- 1). Потенциальная значимость материала для медиаторов, которых Вы обучаете.
- 2). Ваш собственный интерес к данной теме.
- 3). Возможность практического применения полученных знаний и умений в собственных тренингах.
- 4). Практическая польза от полученных знаний и умений для медиатора.
- 5). Возможности самостоятельных модификаций тренинга и включения его элементов в другие (свои) тренинги.
- 6). Возможное качество проработки навыков психологической устойчивости у Ваших слушателей на Ваших тренингах, с помощью полученных на данных занятиях знаний и умений.
- 7). Качество посттренингового сопровождения, которое Вы можете предложить своим слушателям с учетом полученных на данном тренинге знаний и умений:
  - сколь существенны психологические затраты для тренера вести такого рода обучение медиаторов;
  - ожидаемая полезность знаний и умений, которые Вы можете передать своим ученикам (вопроизводимость материала, который Вы получили).

8). Соответствие тренинга заявленным целям и полнота их достижения (в общем):
— насколько тренинг позволяет сформировать у медиаторов навык мониторинга собственных «проблемных реакций» (реакций психики, способных повлиять на отклонение от личностной нейтральности)?

— насколько тренинг позволяет сформировать умения коррекции своих проблемных реакций?

— в какой мере тренинг позволяет осуществить предварительную подготовку к автоматизации этих навыков и умений.

Ответы на данные вопросы в последующем обрабатывались методами описательной и непараметрической статистики.

Результаты исследования

По итогам анализа первой анкеты получены следующие результаты. На вопрос: «Испытывают ли практикующие медиаторы психологическую нагрузку?» — все 100 % опрошенных экспертов дали утвердительный ответ, выбрав вариант ответа: «Да».

На вопрос: «Практикующие медиаторы часто испытывают стресс?», — все 100 % респондентов дали утвердительный ответ, указав вариант: «Да».

На вопрос: «Ваши ученики, начинающие обучение медиации, в большинстве случаев имеют адекватные представления об уровне стресса, который присутствует в профессии медиатора?», — ни один из экспертов ни дал утвердительного ответа. Во всех случаях был выбран вариант ответа: «Нет».

На вопрос анкеты: «Ваши ученики, начинающие обучение медиации, в большинстве случаев склонны недооценивать уровень стресса, с которым сталкиваются практикующие медиаторы?», — в 37,5 % случаев указан утвердительный ответ «да», в 62,5 % случаев — отрицательный ответ «нет».

На вопрос: «Ваши ученики, начинающие обучение медиации, в большинстве случаев способны сами хорошо справляться со стрессом?», — в 12,5 % случаев указан вариант ответа «да», в 87,5 % случаев указан вариант ответа «нет».

На вопрос: «Лично Вам, как тренеру, нужны ли навыки и умения, позволяющие обучать медиаторов справляться с психической нагрузкой?», — утвердительно ответили все 100 % респондентов.

На вопрос: «Нужно ли проводить работу, направленную на психологическую подготовку медиаторов?», — также получены утвердительные ответы во всех 100 % случаев.

Обработка данных с помощью методов непараметрической статистики позволила определить, что существует связь между представлениями экспертов о том, что обучающиеся медиации слушатели в большинстве своем не имеют адекватного представления об уровне стресса присутствующего в профессии медиатора и склонностью недооценивать этот стресс. Статистические данные представлены на таблице 1.

Таблица 1

Критерии оценки значимости различий исходов в зависимости от воздействия фактора риска		
Наименование критерия	Значение критерия	Уровень значимости
Критерий Хи-квадрат с поправкой Йейтса	Infinity	p<0,01
<i>Минимальное значение ожидаемого явления — 0,00</i>		
Критерии оценки силы связи между фактором риска и исходом		
Наименование критерия	Значение критерия	Сила связи*
Критерий ϕ Критерий V Крамера Критерий K Чупрова**	NaN	очень сильная

* Интерпретация полученных значений статистических критериев согласно рекомендациям Rea & Parker.

** Для четырехпольной таблицы, используемой в данном случае, все три критерия (ϕ , Крамера, Чупрова) принимают одно и то же значение.

Оценка связи между представлениями медиаторов-экспертов о склонности учеников к недооценке стресса и их способностью самостоятельно справиться с ним представлена в таблице 2, откуда следует, что связь между этими двумя явлениями — очень относительная и недостоверная.

Таблица 2

Критерии оценки значимости различий исходов в зависимости от воздействия фактора риска		
Наименование критерия	Значение критерия	Уровень значимости
Критерий Хи-квадрат с поправкой Йейтса	0,076	p>0,05
Точный критерий Фишера (двусторонний)	1,00000	p>0,05
<i>Минимальное значение ожидаемого явления — 0,38</i>		
Критерии оценки силы связи между фактором риска и исходом		
Наименование критерия	Значение критерия	Сила связи*
Критерий ϕ Критерий V Крамера Критерий K Чупрова**	0,293	средняя

* Интерпретация полученных значений статистических критериев согласно рекомендациям Rea & Parker

** Для четырехпольной таблицы, используемой в данном случае, все три критерия (ϕ , Крамера, Чупрова) принимают одно и то же значение.

Связь между представлениями медиаторов-экспертов о склонности учеников к недооценке стресса с одной стороны и тем испытывают ли медиаторы стресс и психологическую нагрузку и нужны ли эксперту навыки, позволяющие обучать

других медиаторов справляться с психологической нагрузкой с другой стороны, оценена как очень сильная. Данные оказались одинаковыми по всем из перечисленных вопросов и представлены в таблице 3.

Таблица 3

Критерии оценки значимости различий исходов в зависимости от воздействия фактора риска		
Наименование критерия	Значение критерия	Уровень значимости
Критерий Хи-квадрат с поправкой Йейтса	Infinity	p<0,01
<i>Минимальное значение ожидаемого явления — 0,00</i>		
Критерии оценки силы связи между фактором риска и исходом		
Наименование критерия	Значение критерия	Сила связи*
Критерий ϕ Критерий V Крамера Критерий K Чупрова**	NaN	очень сильная

* Интерпретация полученных значений статистических критериев согласно рекомендациям Rea & Parker.

** Для четырехпольной таблицы, используемой в данном случае, все три критерия (ϕ , Крамера, Чупрова) принимают одно и то же значение.

Данные по ответу на открытый вопрос о том, нужно ли проводить психологическую подготовку медиаторов, были подвергнуты обработке с помощью контент-анализа. Общая статистика текста выглядит следующим образом: количество символов с пробелами — 984, количество символов без пробелов — 860, количество слов — 120, «тошнота» текста — 2,6, «Водянистость» текста — 4 %, качество текста по закону Ципфа — 57 %.

Облако частотности слов включало в себя помимо слов «работы» и «медиатора» являющихся коннотацией по отношению к искомым в нашем исследовании представлениям сочеталось со словами «навыки», «позволит» и «подготовка» (рис.1), что очевидно свидетельствует о практической актуальности такого рода тренингов с формированием практических навыков позволяющих достигать результатов.

Рисунок 1

Облако частотности слов

психологическая и навыки **работы медиатора** позволит подготовка ситуации

Количество повторений (словосочетаний из двух слов) оказалось наиболее высоким для следующих пар: «и навыки» — 3,33 %, «подготовка позволит» — 3,33 %, «психологическая подготовка» — 3,33 %.

Анализ ответов на вторую часть анкеты показал, что на большую часть вопросов эксперты приводили весьма высокие значения оценок. Данные с указанием средних баллов, набранных по каждому из вопросов представлены в таблице 4.

Таблица 4

Отношение экспертов к материалам методических рекомендаций

Вопрос	Средний балл по 10-бальной шкале
1. Потенциальная значимость материала для медиаторов, которых Вы обучаете	7,8
2. Ваш собственный интерес к данной теме	8,8
3. Возможность практического применения полученных знаний и умений в собственных тренингах	7,3
4. Практическая польза от полученных знаний и умений для медиатора	8,7
5. Возможности самостоятельных модификаций тренинга и включения его элементов в другие (свои) тренинги	7,0
6. Возможное качество проработки навыков психологической устойчивости у Ваших слушателей на Ваших тренингах, с помощью полученных на данных занятиях знаний и умений	6,1
7. Качество посттренингового сопровождения, которое Вы можете предложить своим слушателям с учетом полученных на данном тренинге знаний и умений	6,5
7.1. Сколь существенны психологические затраты для тренера вести такого рода обучение медиаторов	6,2
7.2. Ожидаемая полезность знаний и умений, которые Вы можете передать своим ученикам (вопроизводимость материала, который Вы получили)	7,0
8. Соответствие тренинга заявленным целям и полнота их достижения (в общем)	9,1
8.1. Насколько тренинг позволяет сформировать у медиаторов навык мониторинга собственных «проблемных реакций» — реакций психики способных повлиять на отклонение от личностной нейтральности?	8,1
8.2. Насколько тренинг позволяет сформировать умения коррекции своих проблемных реакций?	7,9
8.3. в какой мере тренинг позволяет осуществить предварительную подготовку к автоматизации этих навыков и умений	9,2

Выводы

Таким образом, полученные данные свидетельствуют, что профессия медиатора у экспертов, преподающих данную дисциплину, оценивается, как профессия с возможностью профессиональных стрессов и психологической нагрузкой. Экс-

перты склонны считать, что лица, обучающиеся медиации, не имеют адекватных представлений об уровне стресса, с которым им, возможно, придется столкнуться, как практикующим медиаторам. При этом, ресурсов самостоятельно справиться со стрессами обучающиеся в большинстве своем не имеют. В то же время эксперты демонстрируют высокий уровень потребности владения навыками и умениями, позволяющими обучать медиаторов справляться с психологической нагрузкой и считают, что необходимо проводить работу, направленную на психологическую подготовку медиаторов.

Предложенный тренинг медиаторы оценивают, как значимый и для себя, и для тех, кого они будут обучать. По их мнению, тренинг соответствует заявленным целям на уровне 91 % и позволяет сформировать навык мониторинга и коррекции собственных автоматических мыслей, порождающих дезадаптивные реакции. Возможность самостоятельного применения полученных навыков и их включения в структуру собственных тренингов в модифицированном виде достаточно высока — более 70 %. В то же время этот показатель свидетельствует о необходимости дополнительных усилий в разработке данного направления (психологическая подготовка медиаторов) в целом.

Обращает на себя внимание низкая оценка качества посттренингового сопровождения, что необходимо иметь в виду при дальнейшей разработке данной проблематики.

Обобщая полученные результаты, представляется возможным говорить, что тренинг «Психологическая подготовка медиаторов» получил достаточно высокие оценки по наиболее существенным аспектам практического применения и актуальности формируемых навыков и может быть рекомендован к широкому применению.

Литература

Антоновский, Балакшина 2016 — Антоновский А.В., Балакшина Е.В. Профессиональный стресс и его влияние на особенности общения педагогов дошкольного образовательного учреждения // XII Международная научно-практическая конференция «Психология лично- профессионального развития: современные вызовы и риски» / под ред. Л.М. Митиной. М.: Перо, 2016. [Электронное издание]. С. 91-94.

Гайзулина 2008 — Гайзулина А.С. Стресс: понятие, фазы, причины. Профилактика стрессов в деловом общении // Студент и аграрная наука. Материалы II Всероссийской студенческой конференции. Башкирский государственный аграрный университет, Совет молодых ученых Башкирского ГАУ. Уфа, 2008. С. 275.

Ивановская и др. 2013 — Ивановская Л.В. и др. Управление персоналом: теория и практика. Организация, нормирование и регламентация труда персонала : учебное пособие / Ивановская Л.В., Митрофанова Е.А., Свистунов В.М., Кибанов А.Я. М., 2013.

Куличенко 2011 — Куличенко Р.М. Синдром эмоционального «выгорания» как профессиональная проблема социального работника // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 12-2 (104). С. 547-550.

Шамликашвили 2017 — *Шамликашвили Ц.А.* Медиативный подход и его возможности в совершенствовании общественных отношений // Вестник Федерального института медиации. 2017. № 3. С. 10-25.

Шестакова, Беленкова 2008 — *Шестакова О.И., Беленкова О.А.* Проблема стресса в деловом общении // 59-я научно-техническая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых : Сборник тезисов докладов. 2008. С. 252.

References

Antonovskij, Balakshina 2016 — *Antonovskij A.V., Balakshina E.V.* Professional'nyj stress i ego vlijanie na osobennosti obshhenija pedagogov doshkol'nogo obrazovatel'nogo uchrezhdenija // XII Mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferencija «Psihologija lichnostno-professional'nogo razvitija: sovremennye vyzovy i riski» / Pod red. L.M. Mitinoj. M.: Pero, 2016. [Elektronnoe izdanie]. S. 91-94.

Gajzulina 2008 — *Gajzullina A.S.* Stress: ponjatie, fazy, prichiny. Profilaktika stressov v delovom obshhenii // Student i agrarnaja nauka. Materialy II Vserossijskoj studencheskoj konferencii. Bashkirskij gosudarstvennyj agrarnyj universitet, Sovet molodyh uchenyh Bashkirskogo GAU. 2008. S. 275.

Ivanovskaja i dr. 2013 — *Ivanovskaja L.V. i dr.* Upravlenie personalom: teorija i praktika. Organizacija, normirovanie i reglamentacija truda personala : uchebnoe posobie / Ivanovskaja L.V., Mitrofanova E.A., Svistunov V.M., Kibanov A.Ja. M., 2013.

Kulichenko 2011 — *Kulichenko R.M.* Sindrom jemocional'nogo «vygoranija» kak professional'naja problema social'nogo rabotnika // Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki. 2011. № 12-2 (104). S. 547-550.

Shamlikashvili 2017 — *Shamlikashvili Ts.A.* Mediativnyj podhod i ego vozmozhnosti v sovershenstvovanii obshhestvennyh otnoshenij // Vestnik Federal'nogo instituta mediacii. 2017. № 3. S. 10-25.

Shestakova, Belenkova 2008 — *Shestakova O.I., Belenkova O.A.* Problema stressa v delovom obshhenii // 59-ja nauchno-tehnicheskaja konferencija studentov, aspirantov i molodyh uchenyh : Sbornik tezisev dokladov. 2008. S. 252.

ИСТОРИЯ МЕДИАЦИИ

Алексей Иванов¹

ПРИМИРЕНИЕ НА КАВКАЗЕ В СРАВНЕНИИ С МЕДИАТИВНЫМ ПОДХОДОМ

Аннотация. Исследование направлено на изучение методов примирения при конфликте в традициях народов Северного Кавказа и Закавказья. В процессе исследования должны быть установлены основные формы поведения, ожидаемые от участников конфликта, и наиболее важные действия, предпринимаемые сторонами для прекращения активной фазы конфликта и дальнейшего достижения примирения.

Ключевые слова: конфликт; Северный Кавказ и Закавказье; модели поведения; медиация; примирение.

Aleksey Ivanov

CONCILIATION IN THE CAUCASUS IN COMPARISON WITH THE MEDIATIVE APPROACH

Abstract. The research is focused on methods and approaches of reconciliation in the North Caucasus and Transcaucasian cultures. In the course of investigations the main patterns of behavior and the major actions of parties to conflict should be detected, described and explained.

Keywords: dispute; North Caucasus; Transcaucasus; patterns of behavior; mediation; reconciliation.

---

1 © А.В. Иванов, 2017.

Введение

На протяжении последних двух столетий Кавказ остается одним из самых неспокойных регионов России. Здесь произошли вооруженные конфликты, один из которых — первая чеченская война — стал самым разрушительным на территории бывшего СССР. Многочисленные этнические, территориальные, религиозные конфликты напрямую связаны с вопросами интеграции республик Кавказа, отличающихся пестрым этноконфессиональным составом, в общее правовое и культурное пространство Российской Федерации. Разрушение хозяйственных связей, война, отсутствие гарантий прав личности и ограниченное количество возможностей для индивидуальной реализации — все это привело к значительным миграциям из региона. В настоящее время практически в каждом городе России существуют различные «диаспоры» (от греч. «рассеяние»), часто живущие по своим собственным правилам, порой радикально отличающимся от местных обычаев, что приводит к новым конфликтам.

Народы горных долин характеризуются высоким уровнем территориальности и агрессивности, и это утверждение относится не только к Кавказу. Швейцарцы, гасконцы или гуркхи играли роль не просто боеспособных армейских частей, но являлись личной гвардией пап и королей. Традиции таких обществ, сформировавшиеся в замкнутых экологических нишах с ресурсами, ограниченными самой природой, уважают силу и презирают слабость, здесь личная смелость и готовность к драке возводится в ранг добродетели, которую родители стараются всеми способами привить своим детям; человек, избегающий ссор, считает трусом и не может рассчитывать на уважение соотечественников. Как следствие, уровень конфликтности в таких обществах высок, и ссоры часто перерастают во вражду и даже в кровную месть; в то же время существуют и традиционные способы прекращения вражды и достижения мира.

Такие традиции востребованы и в настоящее время, когда так называемые «диаспоры», существующие в отрыве от основного этноса, часто оказываются в противостоянии с основным этносом, что, безусловно, оказывает влияние и на уровень внутренней организации, и на уровень агрессивности — как внутри диаспоры, где существуют строгие правила подчинения и взаимопомощи, так и за ее пределами, когда уровень агрессивности регулируется лишь способностью окружающего населения к противодействию. В число правил регулирования агрессии входят и традиционные методы примирения в случае конфликта между «своими». Несмотря на то, что традиционный институт кровной мести значительно утратил свои позиции на современном Кавказе, а мотив кровной мести при совершении убийства рассматривается законодательством РФ как отягчающее вину обстоятельство, практика кровной мести до сих пор имеет некоторое распространение на территории Северного Кавказа. В условиях, когда уровень агрессии в обществе, по мнению ряда авторитетных специалистов-социологов, по-прежнему остается довольно высоким, а массовые миграции наряду с высокими демографическими показателями оказываются ключевыми особенностями жизни российского Кавказа, представляется актуальным поиск эффективных стратегий регулирования конфликтов во всех сферах социальной жизни.

Урегулирование конфликтов на Кавказе: традиции и стратегии

Данная работа посвящена традиционным способам регулирования конфликтов, распространенных среди народов Кавказа. Мы попробуем сравнить эти методы с теми, которые специалисты по медиации используют для поиска консенсуса (или хотя бы компромисса) конфликтующими в той или иной сфере группами или просто участниками спора. Для этого мы рассмотрим правила, существующие на Кавказе, а затем постараемся провести адекватное сравнение.

У многих этнических групп, сохраняющих связь со своими традициями, и не только на Кавказе, есть набор практик, регламентирующих разрешение споров и конфликтов. В большинстве случаев эти практики являются частью обычного права и существует, как минимум, два способа реакции на социальный конфликт: его подавление и регулирование.

Первая стратегия заключается в постоянном «вытеснении» конфликта с помощью насилия и, как показывает практика, является малоэффективной: «в той мере, в какой социальные конфликты пытаются подавить, возрастает их потенциальная злокачественность, вместе с этим стремятся к еще более насильственному подавлению, пока, наконец, ни одна сила на свете не будет более в состоянии подавить энергию конфликта» [Дарендорф 1994: 145]. Подавление агрессивности часто просто приводит к ее накоплению, и подобный кумулятивный эффект череват неожиданностями, которые стоит учитывать. Таким образом, наилучшим решением выглядит второй способ.

Этот способ, или регулирование социальных конфликтов, является, вероятно, лучшим средством для уменьшения уровня насилия для всех видов конфликтов. Конфликты не исчезают и не обязательно становятся менее интенсивными, но в такой мере, в «которой их удается регулировать, они становятся контролируемы» [Дарендорф 1994: 146]. Именно такие способы будут интересовать нас в большей степени, и наиболее эффективными способами регулирования является традиционные, т.е. альтернативные (несудебные) способы, существующие в обычном праве народов Кавказа.

Материалы для исследования

В качестве источников обычного права необходимо рассматривать не только адаты, но также шариат и другие правовые уклады, оказывавшие влияние на правосознание северокавказских народов; зачастую на практике трудно жестко разграничить эти правовые уклады. Следует также подчеркнуть, что процедуры регулирования конфликтов, прописываемые обычным правом народов Кавказа, направлены на прекращение или предупреждение кровной мести прежде всего, поэтому эти формы должны быть рассмотрены неразрывно с самим институтом кровной мести.

Разумеется, в масштабах одной статьи невозможно рассмотреть все, относящееся к вопросу. Традиционные методы примирения, разумеется, не являются медиацией в том виде, как ее понимают специалисты, но некоторые из методов, выработавшихся за тысячелетия (Кавказ был заселен очень давно) практики, могут, наверное, быть использованы и сегодня.

За время проведения исследования был собран значительный материал, более обширный, чем предполагает формат журнальной статьи. В данной статье мы планируем ввести читателя в суть вопроса: в объект исследования, его методы, термины и прочее, что должно помочь ему даже в случае отсутствия специальной подготовки; впрочем, рассчитываем мы, конечно, скорее на подготовленного читателя, интересующегося процессом медиации.

К сожалению, провести полевое исследование на Кавказе, составленном из множества культур и республик, не представилось возможным. Было решено сосредоточить внимание на этнических общностях кавказцев, проживающие в российских мегаполисах (Москва и Санкт-Петербург). Интерес был не столько в изучении отдельных этнических групп и их традиций (они уже изучены в достаточной степени), сколько выявление их универсальных черт и механизмов их функционирования в разных социальных контекстах. Этим продиктован и выбор специфического объекта: мы будем говорить не о каждой этнической группе Северного Кавказа по отдельности, а об условной надэтнической общности «кавказцы». Но прежде, чем начать рассмотрение, необходимо обосновать, насколько вообще правомерно рассматривать «кавказцев» как особую общность в свете заявленной темы.

Этническая идентификация

По мнению норвежского антрополога Ф. Барта, известного авторитета в этой области, для исследователя существенны не столько все культурные различия и схожести «сами по себе», сколько только те из них, которые используются для конструирования этнической границы в каждом конкретном случае для противопоставления «другим». Этнические группы существуют именно благодаря целенаправленному производству и поддержанию этих границ, которые в разных условиях могут меняться. [Барт 2006: 17]. Ф. Барт возражает против подхода к изучению этнических групп как замкнутых сообществ, принципами формирования которых являются изоляция и неприятие «другого». Идентичность рассматривалась им как результат различения «своих» и «чужих», а условием поддержания целостности объявлялось игнорирование «другого» и избегание контактов с иными идентичностями. Для преодоления ограничений такого подхода он ввел термин «граница», призванный акцентировать внимание на взаимодействии и взаимообмене между этническими группами.

Важнейшим элементом концепции этнических групп по Барту является то, что он видит принадлежность к данной группе как признак, приписываемый и определяемый самими носителями культуры. Таким образом, идентичность обладает свойствами организовывать взаимодействие между людьми скорее в сфере динамического и изменчивого, чем статического и исторически устойчивого. Предметом рассмотрения при таком подходе являются процессы, способствующие появлению этнических групп и поддерживающие их сохранность, а акцент переносится с исследования внутреннего устройства и истории отдельных групп на выявление этнических границ и причин их устойчивости.

Под этнической группой понимается социальное образование, рассмотрение которого ситуационно ограничено в пространстве и времени, а экологические (географические, демографические) условия и социальное окружение являются

определяющими. Воспроизводство этнических групп происходит благодаря процессу поддержания границ, отделяющих их от других групп, которые рассматриваются в качестве «других» в силу отсутствия той или иной особенности. Именно такое представление об этничности представляется наиболее адекватным, и одни и те же люди могут обладать множественными идентичностями, мобилизуемыми или не мобилизуемыми в зависимости от возникающих межэтнических «ситуаций», и границы этнической самоидентификации способны изменяться. Поэтому надо говорить не о том, кем люди «объективно» являются, а о том, кем они сами себя осознают в каждой конкретной ситуации.

Все это применимо к «диаспорам» выходцев с Кавказа. Практика показывает, что общность «кавказцы» существует не только на уровне медийных клише («лица кавказской национальности») или на языке ненависти, но и сами представители этих народов Кавказа зачастую воспринимают себя как «кавказцев» и имеют определенные структуры, выступающие от лица соответствующего воображаемого сообщества. Забегая вперед, можно сказать, что многие респонденты в ходе опросов указывали этноним «кавказец» в качестве этнической самоидентификации, при этом делая оговорку, что мобилизуется эта «общекавказская» идентичность не всегда и не везде (более подробно это будет показано ниже). Стоит также сказать, что представление об общности не возникает «на пустом месте», для его появления нужны и объективные причины. Об этом пишет О. Дамения: «Такая идея, на мой взгляд, не оказалась там (на Кавказе) случайно. По всей вероятности, она является выражением каких-то реалий. Ибо не стали бы грузины или абхазы, или адыги, или вайнахи, или дагестанцы считать себя кавказцами только на основе географического фактора. Хотя он, несомненно, играет определенную роль. Единая природная среда обитания, в условиях которой происходило формирование кавказских народов ... эти природные условия предопределяли жизненные ресурсы, технологию жизнеобеспечения и весьма существенным образом влияли на формирование структурной организации социальной системы» [Дамения 2010: 108]. Народы Северного Кавказа имеют ряд социальных и культурных сходств, обычаев, как то: аталычество, куначество, кровная месть [Косвен 1961: 92-104]. Наиболее же существенно здесь то, что традиции народов Северного Кавказа – по крайней мере в том, что касается процедур регулирования конфликтов – имеют ряд сходных черт, сходную структуру и функции. Исходя из этого, представляется правомерным в контексте обсуждения конфликтов говорить о «кавказцах», а вернее о специфически «кавказских» способах регулирования конфликтов и предотвращения насилия.

Социальная структура кавказских обществ

Говоря о Северном Кавказе, необходимо рассмотреть вопрос социальной структуре кавказских обществ. Согласно К. Леви-Строссу, понятие социальной структуры относится не к реальной деятельности, но к моделям, построенным по подобию реальной деятельности, и «социальные отношения являются основным материалом для построения моделей, выявляющих саму социальную структуру» [Леви-Стросс 2008: 320]. Таким образом, анализ социальной структуры является

всего лишь методом, позволяющим увидеть отношения между людьми в том виде, в каком они предписаны культурными установками каждой конкретной группы (этнической или любой иной), но не всегда четко им соответствующими, проще говоря, социальная структура — это то, как должно было бы быть, если бы не сумма возможных обстоятельств, порой мешающих конкретному индивиду поступать именно так, как этого стоило бы ожидать. Это всего лишь идеальная модель.

Описывая структуры обществ на Северном Кавказе, С.М. Броневский выделял три основных типа социально-политической организации, присущих кавказским народам: монархический, аристократический и демократический. «К монархическому, или единоначальному, правлению принадлежат в Грузии Имеретия и Мингрелия, не упоминая о Грузии собственно так называемой, которая составляет российскую губернию. В Ширване: владения Шемахинское и Шахинское; в Дагестане: Тарковское, Каракайдакское и Табасаранское; в Араксени между Курою и Араксом: Карабаг, Еривань, Нахичевань; туда же включить должно в Лезгистане Казыкумыцкое владение, по временным обстоятельствам и личной власти нынешняго Сурхайхана, и турецкую Грузию, или Ахальцихской пашалык, управляемый пашами, от Порты почти независимыми. Но хан аварский, несмотря на титул ханский, исключается из сего разделения и подходит более под демократический федеративный разряд.

Аристократия, или правление многих, принято у аксаевских кумыков и у всех черкесов, за исключением некоторых колен; абхазы, осетинцы, кисты, ингуши, чеченцы. Дженготенцы управляются князьями и старшинами наследственно и частью старшинами по выбору. Следовательно, сюда причислить должно все те колена, где власть находится в руках князей или старшин наследственно, как-то, в Абхазии властвуют княжеские роды: мадовеи, шароша, келеш, беки; у черкесов закубанских: владения Темиргойское, Бесленейское, Мухотевское имеют своих князей, равно как Большая и Малая Кабарда, Аксай, Ендери, Костеки, Брагун и другия, о чем подробнее будет сказано при частных разделениях. Оба сии вида правления в Кавказе, то есть монархическое и аристократическое, еще правильнее можно назвать феодальным, потому что князья и ханы, не исключая царя имеретинскаго, все разделяют власть с своими вассалами, а разность состоит только в степенях власти и относительнаго их могущества; из чего ясно, что в Кавказе есть множество малых тиранов, но нет нигде явнаго самовластия. Между владельцем народом везде находится рыцарской стан, составляемый из поместных князей и дворян, кои упорно стоят за свои преимущества; то стесняют верховную власть в пределах умеренности, то предаются совершенному безначалию.

Демократическому, или народному, правлению подведомственны черкесския колена: натухажи, шапсуги, абазехи; абхазския вольныя общества, башилбайцы, живущие на вершинах Урупа, Туби, Убыхи, и другия в Большой Абхазии; сванеты, или суанеты; большая часть Осетии, сюда же принадлежат три колена, подвластные Грузии, хевсуры, пшавы, туши; большая часть кистов, чеченцы, называемые пчары-мычкиз (горные чеченцы); в Дагестане часть дженготенцев, акушинския общества и республика Кубечинская, Лезгинския федеративныя республики:

Анди, Зудахара, Сумурския общества, Алтипара Токуспара, Мишгент, Ахти, Рутул, Цахур, Тумурги, Тебель; Джарския общества: Белакан, Катехи, Джар, Тала, Мухала, Чиних; называемыя заречныя: Дидо, Унзо, Кабучь, Анцуг. К сему должно присовокупить и все владение Аварское, составленное из малых федеративных обществ под покровительством хана аварскаго, который там имеет собственные свои поместья и, по мере личных свойств, пользуется властью. Таким образом, Сурхай хан казыкумыцкий, котораго мы включили в монархической разряд, приобрел неограниченную доверенность в народе, хотя владение его состоит равномерно из федеративных обществ» [Броневский 2004: 40]. Из данной цитаты, написанной языком XIX в. и в стиле того времени, когда люди не жалели слов, можно заключить, что монархический и аристократический типы правления на Кавказе схожи. Пользуясь более современным языком, можно говорить о существовании на Кавказе эгалитарных и неэгалитарных обществ.

М.О. Косвен вводит термин «патронимия» для описания социальных отношений у народов Кавказа. Под патронимией Косвен понимал «форму общественного устройства, свойственную патриархально-родовому строю, представляющую собой группу семей, больших или малых, образовавшихся в результате разрастания и сегментации одной патриархальной семейной общины, сохраняющих в той или иной мере и форме хозяйственное, общественное и идеологическое единство и носящих общее патронимическое, то есть образованное от собственного имени главы разделившейся семьи, наименование» [Косвен 1961: 98]. Косвен указывает, что патронимия была обнаружена повсеместно у разных народов Кавказа: у лезгин, осетин, у кумыков, горских евреев, агулов, адыгов, нагайцев, абазин, лакцев, аварцев, кабардинцев и других народов Дагестана [Косвен 1961: 33]. У ряда кавказских народов, по его мнению, употребительны для обозначения патронимии широко распространенные иноязычные термины, обозначающие в соответствующих языках родственную группу вообще. Весьма широко распространено применение к патронимии иранского термина тохум или тухум, «семья» (у балкарцев, кумыков, аварцев, даргинцев, лезгин), у некоторых народов Кавказа в том же значении употребляется арабское тайфа, или тайпа, что означает «часть» (например, у ногайцев и аварцев), а также различные формы арабского слова жинс, или джине (у кумыков и некоторых групп лезгин), монгольского аул (авул, авал), имеющее основное значение родственной группы (ногайцы, кумыки, даргинцы, аварцы)» [Косвен 1961: 34].

Однако не все исследователи согласны отождествлять чеченские тейпы с понятием патронимии. Л. Ильясов, например, считает, что чеченский тейп — это классическая самоуправляемая территориальная община, состоящая из одного или нескольких сел и делегировавшая часть своих полномочий ассоциациям более высокого уровня. В период становления тейпа как социальной структуры в него входили и кровнородственные организации, самой крупной из которых была вар — род. С течением времени термин вар вышел у чеченцев из употребления, вероятно, в связи с тем, что более широкие социальные функции перешли к тейпу, а более узкие — к мелким кровнородственным организациям некъи. Ильясов

выделяет несколько способов образования подобных организаций: объединение территориальных общин (в том числе военных поселений, ремесленных общин); разрастание кровнородственных организаций с приданием им более широких социальных функций; становление тейпа на основе компактно расселившихся групп чужеземцев.

Таким образом, классический чеченский тейп можно определить как институт, выполняющий социально организующие функции на уровне территориальной общины, и делегирующий часть своих полномочий ассоциациям более высокого порядка. Территориальная община могла состоять из одного или нескольких селений, находящихся в пределах одной территории или ландшафтной зоны.

Тейп имеет целый ряд основополагающих признаков: единство территории, общая экономическая, правовая и идеологическая база (коллективная собственность на средства производства), совместный неоплачиваемый труд; имевший добровольный характер — белхи; равномерное распределение продуктов и территориальная общность. По Б.К. Далгату, «все, кто находится вне тайпа, — чужие, они не являются родственниками для лиц, которые входят в состав тайпа. Между двумя тайпами нет ничего общего, связующего, кроме общности языка, соседских отношений и племенной связи» [Далгат 1934: 26–63].

Правовой основой тейповой организации было традиционное право [Ильясов 2006: 184]. Чеченские тейпы объединялись в тухумы — тейповые союзы. В современной Чечне насчитывается девять тухумов, что отображено и на гербе Чеченской Республики. Тейповая организация также была свойственна ингушам. Но что касается тухума, то, по замечанию Б. Далгата, «слово “тухум” лучше было бы устранить вовсе как перешедшее к чеченцам от кумыков и неизвестное ингушам» [Чабиева 2011: 200]. Дагестанские тухумы не являлись политическими образованиями, они не имели институционализированных органов административного правления. Традиционными политическими единицами в Дагестане являлись не тухумы, а сельские общины (джамааты, от арабского «общество») и их союзы, или «вольные общества».

Представленный взгляд на тейп как на территориальную общину, однако, не является общепринятым, равно как и термин «патронимия» сегодня подвергается серьезной научной критике. Однако дискуссии о происхождении тейпа и тухума в данном исследовании можно вынести за скобки, и несмотря на расхождения в вопросе о генезисе форм социальной организации и на существование множества локальных вариантов, для нас существенны несколько фактов. Прежде всего, тейпы и аналогичные, общинные формы социальной организации распространены на Кавказе повсеместно. Они обладают определенным правовым статусом, является коллективным субъектом обычного права, обладает целым рядом социальных функций. Принадлежность к тейпу до сих пор играет большую роль на Северном Кавказе. Как пишет Т.С. Чабиева, обращаясь к ситуации в современной Ингушетии, «на современном этапе в политической жизни республики имеет место такое явление, как тейповая инициатива, когда тейп, его ведущие представители создают совет, на котором принимаются решения по наиболее назревшим в

обществе вопросам, и после обсуждения руководство республики и представители тейпа приступают к их реализации. 14 октября 2009 года руководство Ингушетии от тейповой инициативы перешло к официальному оформлению совета тейпов. В совет тейпов вошли представители всех родов, проживающих в республике» [Чабиева: 202]. В таких условиях вопрос о кровной мести между тейпами может перерасти в вопрос политический, что, конечно, вряд ли пойдет на пользу миру и стабильности в регионе.

В северокавказских общинах особое, почетное положение занимают старшие по возрасту. В вайнахских обществах совет старейшин тейпа выносил решения, обязательные для выполнения всеми членами общины. Почитание старших также является «общим знаменателем» для всех северокавказских народов. Уважение к старшим всегда рассматривалось здесь не просто как норма этики и этикета, а как важная составная часть обычного права [Бгажноков 2002: 15]. Советы старейшин существуют как при чеченских тейпах и тухумах, при дагестанских «вольных обществах». Для понимания механизма разрешения споров и конфликтов этот феномен представляется чрезвычайно важным. Обратимся к статье Б.Х. Бгажнокова «Старшинство в социальной организации адыгских народов» [там же]. Старший в адыгском обществе – всегда объект особо почтительного отношения. Старший обладает своего рода морально-правовым иммунитетом. Мотивом почитания старших всегда были, прежде всего, знания и опыт, которыми те обладали. На них возлагались функции по поддержанию устоявшегося социального порядка, предотвращения конфликтов. То есть наделение старших большими правами всегда имело и оборотную сторону – наложение многих обязанностей. Возрастные роли в адыгском обществе на протяжении долгого времени играли значительную роль, будучи при этом достаточно сложными для сведения их к банальному противопоставлению старших и младших по возрасту. Противопоставление «старший / младший» приобретало множество оттенков у адыгских народов, например, словенный оттенок: в XIX в. в Черкесии, и это зафиксировано в письменных источниках, князь считался «старшим» по отношению к крестьянам и удостоивался тех же почестей, которые должны были оказываться старшим по возрасту; крестьянин на коне, встретивший на своем пути князя, обязан был развернуться и сопровождать его до тех пор, пока князь его не отпустит. Сельские муллы считались «старшими» по отношению к своей пастве, гость всегда оказывался «старше» хозяева. Внутри семьи из двух двоюродных братьев старшим независимо от возраста считался тот, чей отец старше. Родственники со стороны матери могли считаться «старшими» по отношению к родственникам со стороны отца вне зависимости от возраста [Бгажноков 2002: 19].

Все это говорит о сложности и неоднозначности феномена старшинства. По сути, в случае адыгов мы должны говорить о разделении «физического» и «социального» старшинства. «Старший», призванный поддерживать порядок или, как в интересующих нас случаях, быть посредником в споре, не обязательно может являться старшим по возрасту. В то же время старший по возрасту может не пользоваться чрезмерным авторитетом из-за своих личных качеств: амбициозный, при-

дирчивый, зловредный старший, например, по понятиям адыгов, не заслуживает уважения. Он должен доказать своими суждениями и поступками, что заслуживает уважения.

Что касается истоков феномена старшинства, то геронтократию и сопутствующую ей традицию уважения к старшим, по мнению Бгажнокова, нельзя считать «исходной», изначальной для адыгских народов. Этот культурный комплекс ни в коем случае не является «изначальным» и для народов Дагестана, что доказывает и В.О. Бобровников в своих работах. У адыгов было время, когда старики не пользовались уважением, существовал обычай ритуального умерщвления особенно немощных стариков [Бгажноков 2002: 20]. Существовал он и у других народов по всему земному шару. Это отражено и в ряде легендарных сюжетов у народов Дагестана [Агларов 1988: 177]. В ряде горных районов Нагорного Дагестана только в 50-60-е гг. XX в. при сельсоветах стали создавать советы старейшин, в задачи которых входили помощь народным судам и сельсоветам в поддержании общественного порядка в колхозе или совхозе, урегулирование разногласий в случае столкновений между его членами, по возможности предупреждение случаев кровной мести. Именно это, по мнению В.О. Бобровникова, создало условия для движения за возрождение адатов и шариата в 1990-е гг. В Дагестане стали создаваться новые традиции, и именно в эти десятилетия складываются представления о «традиционализме» дагестанской деревни и об «изначально» присущей горцам Дагестана геронтократии, что на самом деле не подтверждается никакими достоверными фактами [Бобровников 2002: 201].

Правовой плюрализм

Под правовым плюрализмом понимается сосуществование в одном сообществе нескольких нормативно-правовых систем. Полевые исследования 80-90-х гг. доказали существования правового плюрализма как в странах с колониальным прошлым, так и в развитых западных странах, и В.О. Бобровников предлагает рассматривать правовой плюрализм как феномен универсальный. По мысли Бобровникова, он встречается повсеместно, но может быть как явным («сильным»), так и скрытым («слабым»).

Основными источниками обычного права на Северном Кавказе, как уже говорилось, являются адат и шариат. О благотворном влиянии ислама на нравы горцев писал еще М. Ковалевский. Шариат, к примеру, стремился ограничить кровную месть и институт ишкила (захват имущества обидчика с целью принудить его к удовлетворению материальных претензий обиженной стороны). Однако шариату не удалось полностью вытеснить адаты. Более того, ему пришлось адаптироваться к местным традициям. Причин особой «живучести» адатов несколько. Во-первых, адаты были относительно проще, так как для осуществления правосудия по шариату требовались специальные знания, например, знание арабского языка и мусульманского права [Манкиева 2006: 18]. Во-вторых, шариат определял слишком жестокие наказания за уголовные преступления (отсечение рук, побивание камнями, бросание в яму и т.д.), поэтому последние регулировались адатами [Агларов 1988: 155; Манкиева 2006: 18]. К источникам образования адатов можно отнести

соглашения между представителями одной сельской общины (иногда – между двумя или несколькими сельскими общинами) об установлении единообразной ответственности их жителей за нарушение интересов джамаата (общины) в целом или отдельных лиц. На протяжении многих лет эти правовые уклады (адат и шариат) сосуществовали, а отношение к ним со стороны официальной власти менялось; тем не менее и адат, и шариат оставались частями российской правовой действительности.

Как взаимодействовали эти уклады, мы рассмотрим на примере Нагорного Дагестана, однако все, что происходило в рассматриваемый период в Нагорном Дагестане, справедливо также и для других северокавказских территорий. В истории правовых систем Нагорного Дагестана в XX в. можно выделить несколько переломных этапов: революция и Гражданская война, период укрепления советской власти, 1950-60-е гг. Начало XX в. принесло на Кавказ изменения, в том числе и изменения правовой культуры. Местное обычное право, которое было узаконено в Дагестане до революции в рамках системы «косвенного» колониального управления, казалось большевикам орудием двойной — классовой и колониальной — эксплуатации, поэтому «подлинным народным обычным правом» северокавказских горцев был признан шариат. Большевики сделали ставку на шариат в противовес адату, чтобы привлечь на свою сторону духовенство, и эта тактика во многом себя оправдала, большевикам даже удалось привлечь на свою сторону некоторых накшбандийских шейхов. Придя к власти, большевики даже начали создавать шариатские суды, однако уже к 1919 г. значение слова «шариат» оказалось на практике выхолощено, шариатские суды де-факто использовались воюющими сторонами в Гражданской войне для политических расправ друг над другом. Положение шариатских судов в разных районах Северного Кавказа также было не равным: где-то они имели больше полномочий, где-то меньше.

В.О. Бобровников также говорит о преемственности между дореволюционными словесными и народными судами, с одной стороны, и советскими шариатскими судами — с другой. Например, состав сельского шариатского ссуда почти не отличался от словесного, а шариатские суды во многом продолжали руководствоваться нормами адата [Бобровников 2001: 80]. Сельские органы разбирали по шариату только бракоразводные дела, иски по которым не превышали 100 руб. (в ценах 1922 г.), и иски о наследовании и опекунов, не превышавшие 300 руб. Согласно адату, они рассматривали мелкие уголовные преступления против личности и собственности (обман, утайку денег, воровство), а также другие мелкие преступления. Одновременно с тем были запрещены нормы адата, прямо противоречащие советскому законодательству — например, кровная месть или захват имущества должника. В апреле 1920 г. в Дагестане было ограничено и применение уголовных норм шариата, влекущих за собой смерть или членовредительство (побивание камнями, отсекание рук вора). Также существовали (с июля 1920 г. — официально) альтернативные, «народные» суды, разбирающие иски немусульман или мусульман, не желающих по тем или иным причинам обращаться в шариатские суды. С 1923 г. в них передавались также дела по убийствам и кровной мести. Так-

же после 1925 г. началось создание «словесных» судов вдобавок к «народным». Они, как можно понять уже из названия, обходились без письменного делопроизводства. В этом В.О. Бобровников видит влияние обычно-правового процесса [Бобровников 2001: 83].

Советская власть, окрепнув, стала видеть в шариате угрозу и ограничивать его применение. Постепенно количество исков в шариатские суды стало падать, а в народные суды — расти. В первой половине 20-х гг. XX в. шариатские суды были сняты с государственного обеспечения, а к концу 1920-х гг. — ликвидированы на всей территории Северного Кавказа. Далее были отменены и словесные суды. Была проведена «коренизация» советских судов, чтобы увеличить доверие населения. Был взят курс на уничтожение правового плюрализма. Однако полностью искоренить элементы адата и шариата в правовой практике не удалось даже в сталинское время, и уже в 50-60-е гг. отношение советской власти к адатам снова изменилось, в СМИ началось различие «вредных» и «полезных» адатов. «Полезные» адаты (подразумевающие уважение к старшим и способы мирного урегулирования конфликтов между односельчанами) решено было поощрять, «поставив на службу социалистическому строительству».

Терминология

Теперь несколько слов о терминах, которые будут нами использоваться.

Конфликт. Под конфликтом в нашей работе мы понимаем такое отношение между субъектами социального взаимодействия, которое характеризуется их противоборством на основе противоположно направленных мотивов (потребностей, интересов, целей, идеалов, убеждений) и/или суждений [Емельянов 2009: 23]. Конфликт — это ситуация столкновения интересов, манифестирующую себя в социальном взаимодействии. Последняя часть определения представляется принципиально важной: необходимо различать конфликт и враждебное, или антагонистическое, отношение: социальный конфликт — это всегда социальное взаимодействие, тогда как отношение или чувство представляют собой только predisposition к действию, необязательно выливающуюся в конфликт [Козер 2000: 59]. Структура всякого конфликта включает в себя следующие элементы: стороны конфликта — субъекты социального взаимодействия, находящиеся в состоянии конфликта или же явно или неявно поддерживающие конфликтующих; предмет конфликта — то, из-за чего возникает конфликт; образ конфликтной ситуации — отображение предмета конфликта в сознании субъектов конфликтного взаимодействия; мотивы — внутренние побудительные силы, подталкивающие субъектов социального взаимодействия к конфликту (мотивы выступают в форме потребностей, интересов, целей, идеалов, убеждений), позиции конфликтующих сторон — то, о чем они заявляют друг другу в ходе конфликта или в переговорном процессе [Емельянов 2009: 25].

Медиация. 1 января 2011 г. вступило в силу законодательство, определяющее медиацию как один из альтернативных способов разрешения споров. В законе определено, что «процедура медиации — способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения».

Процедура медиации применяется к спорам, возникающим из гражданских правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также спорам, возникающим из трудовых правоотношений и семейных правоотношений. Процедура медиации не применяется к коллективным трудовым спорам, а также к иным спорам, в случае, если такие споры затрагивают или могут затронуть права и законные интересы третьих лиц, не участвующих в процедуре медиации, или публичные интересы [Шамликашвили 2013].

Агрессия. Этот термин трудно определить в нескольких словах, но тем не менее он нам важен. К. Лоренц полагал, что агрессия является инстинктом, направленным на сохранение вида [Лоренц 1994: 28], той энергией, которая заставляет животное двигаться (up-and-doing), если оно здорово. Агрессивность лежит в основе конфликта, и несмотря на то, что механизмы, запускают агрессивное поведение, могут быть сколько угодно разнообразны, но именно агрессия или агрессивность, присущая разным видам животных и различным человеческим культурам, часто препятствует завершению конфликта. Мы, разумеется, порицаем агрессию, но таковы ценности только небольшой, «цивилизованной» части населения планеты. В другой статье [Иванов 2014] мы подробно рассмотрели механизмы агрессии, и попытались продемонстрировать, что агрессия присуща практически всему живому, а в случаях человеческих сообществ определяется культурными установками. Благодаря нормам христианства и европейской философии, в целом гуманистической, мы обычно стыдимся выставлять себя излишне доминантными и редко рассматриваем агрессивность и силу как способ добиться чего-то желаемого, но такое положение существует не везде.

В традиционных обществах брутальность, мужественность и бесстрашие нередко являются теми ценностями, которые выстраиваются системой инициаций, возрастных классов, общих домов, тайных обществ, способами, существующими независимо друг от друга в самых различных обществах в самых различных частях света. Было установлено три способа регулирования агрессивности, и все три используются не только людьми, но и животными и даже птицами: переадресация агрессии у одиночных видов, и ритуализация и иерархия — у коллективных. Люди, очевидно, используют все три, но предлагают и четвертый, возможно стоит назвать его одним из элементов культуры. В указанной статье мы рассмотрели общества с самым низким уровнем агрессии, охотников и собирателей, кое-где еще сохранившиеся, далее мы намерены рассмотреть общества с самым, вероятно, высоким ее уровнем, те самые народы горных долин, к которым относятся и этнические общности Кавказа.

Заключение

Таким образом, рассмотрев объект и цель работы, можно сказать, что задачей работы является выявление традиционных форм регулирования конфликтов и их места в повседневной жизни «кавказцев» в прошлом и настоящем, как на самом Северном Кавказе, так и за его пределами среди выходцев из данного региона. Для достижения указанной цели необходимо решить определенное количество исследовательских задач.

Во-первых, выявить основные причины возникновения и сохранения конфликтов на Кавказе (исследователи конфликтов справедливо утверждают, что причины возникновения и причины сохранения конфликта могут быть различными), определить место этнических, демографических, экономических и иных факторов в формировании конфликтогенной среды.

Во-вторых, показать, к каким механизмам и стратегиям обращаются люди в процессе регулирования конфликтов, какова роль посредничества в этих стратегиях, какие правовые уклады (адат, шариат) используются, выявить общие и отличительные черты в способах регулирования конфликтов у различных этнических групп Кавказа.

В-третьих, необходимо выяснить, как они функционируют в диаспоре, как фактор зависимости от «своей» традиционной культуры влияет на отношение людей к конфликтам и способам их регулирования, прописываемым обычным правом. И последняя, и наиболее важная часть работы состоит в сопоставлении первых трех задач с методами, принятыми в процессе медиации.

Степень изученности традиционных форм варьируется от сообщества к сообществу: например, адаты народов Кавказа и те процедуры урегулирования споров, которые они прописывают, изучены в нашей стране значительно лучше, чем обычное право других этнических групп, например, тех же выходцев из среднеазиатских государств. Это, с одной стороны, затрудняет поиск теоретических источников, с другой — дает исследователю определенный простор для полевой работы и формулирования гипотез. Новизна нашего исследования состоит в том, что нам в принципе не удалось найти опубликованных работ, сравнивающих традиционные методы примирения с методами, принятыми в медиации; впрочем, и количество работ, посвященных процедуре медиации, явно недостаточно.

Мы планируем по возможности заполнить эту лауну и предоставить как специалистам, так и просто интересующимся, некоторую информацию по данному вопросу. Для этого мы осуществили анализ опубликованных письменных источников (дневники и записи путешественников, работы ученых-юристов, этнологов, кавказоведов, изучавших обычное право (адаты) кавказских народов), а также собрали полевой материал с помощью интервью, анкетирования (очно и через Интернет), и используя невключенное наблюдение. Весь этот материал и его анализ будет приведен в следующем номере.

Литература

Агларов 1988 — *Агларов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII — начале XIX в. (Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса). М.: Наука, 1988.

Барт 2006 — *Барт Ф.* Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий. М.: Новое изд-во, 2006.

Бгажноков 2002 — *Бгажноков Б.Х.* Старшинство в социальной организации адыгских народов // Этнографическое обозрение. 2002. № 4. — С. 14-24.

Бобровников 2002 — *Бобровников В.О.* Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М.: Вост. литература, 2002.

Далгат 1934 — *Далгат Б.* Родовой быт чеченцев и ингушей в прошлом // ИИНИИ. Владикавказ, Вып. II. 1934. — С. 26–63.

Дарендорф 1994 — *Дарендорф Р.* Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. — С. 142–147.

Емельянов 2009 — *Емельянов С.М.* Практикум по конфликтологии. 3-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер, 2009.

Иванов 2014 — *Иванов А.В.* Торможение агрессии в природе и в примитивных обществах // Новые гуманитарные исследования, 2014. [Электронный ресурс.] — Режим доступа: <http://www.nrgumis.ru/articles/240/>.

Ильясов 2006 — *Ильясов Л.* Чеченская республика и чеченцы: История и современность: Матер. Всерос. науч. конф. Москва, 19-20 апреля 2005. М.: Наука, 2006. — С. 176-185.

Козер 2000 — *Козер Л.* Функции социального конфликта / пер. с англ. О. А. Назаровой. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. — 208 с.

Косвен 1961 — *Косвен М.О.* Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М., 1961.

Леви-Стросс 2008 — *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М.: Академический проект, 2008.

Лоренц 1994 — *Лоренц К.* Агрессия, М.: Прогресс. 1994.

Манкиева 2006 — *Манкиева Х.М.* Генезис правовой культуры народов Северного Кавказа : автореферат диссертации /Х.М. Манкиева. Ростов н/Д : [б. и.], 2006.

Чабиева 2011 — *Чабиева Т.С.* Некоторые особенности соотношения понятий «тейп» и «вирд» в ингушском обществе // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2011. Т. 17. № 5–6. — С. 200–205.

Шамликашвили 2013 — *Шамликашвили Ц.А.* Основы медиации как процедуры урегулирования споров. М.: МЦУПК, 2013.

References

Aglarov 1988 — *Aglarov M.A.* Sel'skaja obshhina v Nagornom Dagestane v XVII — nachale XIX v. (Issledovanie vzaimootnoshenija form hozjajstva, social'nyh struktur i jetnosa). М.: Nauka, 1988.

Bart 2006 — *Bart F.* Jetnicheskie grupy i social'nye granicy: Social'naja organizacija kul'turnyh razlichij. М.: Novoe izd-vo, 2006.

Bgazhnokov 2002 — *Bgazhnokov B.H.* Starshinstvo v social'noj organizacii adygskih narodov // Jetnograficheskoe obozrenie. 2002. № 4. — S. 14-24.

Bobrovnikov 2002 — *Bobrovnikov V.O.* Musul'mane Severnogo Kavkaza: obyčaj, pravo, nasilie. Ocherki po istorii i jetnografii prava Nagornogo Dagestana. М.: Vost. literatura, 2002.

Dalgat 1934 — *Dalgat B.* Rodovoj byt chechencev i ingushej v proshlom // IINII. Vladikavkaz, Vyp. II. 1934. — S. 26–63.

Darendorf 1994 — *Darendorf R.* Jelementy teorii social'nogo konflikta // Sociologicheskie issledovanija. 1994. № 5. — S. 142–147.

Emel'janov 2009 — *Emel'janov S.M.* Praktikum po konfliktologii. 3-e izd., pererab. i dop. SPb.: Piter, 2009.

Ivanov 2014 — *Ivanov A.V.* Tormozhenie agressii v prirode i v primitivnyh obshhestvah // Novye gumanitarnye issledovanija, 2014. [Elektronnyj resurs.] — Rezhim dostupa: <http://www.nrgumis.ru/articles/240/>.

Il'jasov 2006 — *Il'jasov L.* Chechenskaja respublika i chechency: Istorija i sovremennost': Mater. Vseros. nauch. konf. Moskva, 19-20 aprelja 2005. M.: Nauka, 2006. — S. 176-185.

Kozer 2000 — *Kozer L.* Funkcii social'nogo konflikta / per. s anrl. O. A. Nazarovoj. M.: Ideja-Press, Dom intellektual'noj knigi, 2000. — 208 s.

Kosven 1961 — *Kosven M.O.* Jetnografija i istorija Kavkaza. Issledovanija i materialy. M., 1961.

Levi-Stross 2008 — *Levi-Stross K.* Strukturnaja antropologija. M.: Akademicheskij proekt, 2008.

Lorenc 1994 — *Lorenc K.* Agressija, M.: Progress. 1994.

Mankieva 2006 — *Mankieva H.M.* Genezis pravovoj kul'tury narodov Severnogo Kavkaza : avtoreferat dissertacii /H.M. Mankieva. Rostov n/D : [b. i.], 2006.

Chabieva 2011 — *Chabieva T.S.* Nekotorye osobennosti sootnoshenija ponjatij «tejp» i «vird» v ingushskom obshhestve // Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova. 2011. T. 17. № 5–6. — S. 200–205.

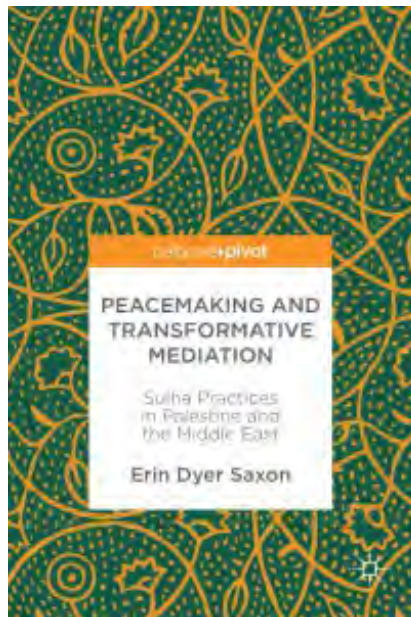
Shamlikashvili 2013 — *Shamlikashvili Tc.A.* Osnovy mediacii kak procedury uregulirovanija sporov. M.: MCUPK, 2013.

РЕЦЕНЗИИ

Erin Dyer Saxon.
PEACEMAKING AND TRANSFORMATIVE MEDIATION.
SULHA PRACTICES IN PALESTINE AND THE MIDDLE EAST.
Palgrave Macmillan, 2018. — 161 p.

Николай Гордийчук¹

Современную медиацию часто сравнивают с традиционными, общинными способами урегулирования конфликтов, существовавшими с незапамятных времен и по сути предшествовавшими формированию современной судебной-правовой системы. Вопрос о сходстве и различиях между современной медиацией и такими примирительными практиками как, например, сульха в арабском мире или маслат на Северном Кавказе, важен и с точки зрения развития медиативной практики в социокультурном контексте не-западных обществ. При этом возникает и немало

---

¹ © Н.В. Гордийчук, 2017.

недоразумений: люди, занимающиеся разного рода неформальным урегулированием споров, узнав о «новомодном» явлении — медиации, но не пройдя специального обучения и зачастую не понимая особенности этого метода, начинают называть себя медиаторами, создавая таким образом терминологическую путаницу. В свою очередь и некоторые медиаторы, стремясь наделить собственную практику авторитетом многовекового опыта, чуть ли не отождествляют современную медиацию с традиционными примирительными практиками, начиная рассуждать, к примеру, даже о медиации в древней Руси.

Несмотря на огромный корпус работ по юридической антропологии, посвященных традиционным способам разрешения конфликтов в различных частях света (среди аборигенов Австралии и Новой Зеландии, в Центральной Африке, в племенах американских индейцев и на Ближнем Востоке и т.д.), исследования, ставящие своей целью непосредственно сравнение современной медиации и традиционного разрешения споров, довольно редки. Именно такой работой является монография американской исследовательницы Эрин Дайер Сэксон «Миротворчество и трансформативная медиация. Практика *сульха* в Палестине и на Ближнем Востоке». Автор, сама будучи медиатором в трансформативном подходе, разработанном Дж. Фолджером и Б. Бушем, сравнивает его с традиционной арабской процедурой *сульха* на основе полевой работы, проведенной в Палестине. Сэксон формулирует задачу своего исследования следующим образом: «изучить то, в какой степени не-западные подходы к конфликту в условиях политически разделенного общества коррелируют с трансформативным подходом к конфликту и его реляционными идеологическими предпосылками» (с. 3).

Книга представляет собой переработанный вариант диссертации и обладает четкой прозрачной структурой, характерной для данного академического жанра. В первой главе задается предмет исследования, формулируются его основные проблемы и дается описание исследовательского метода. Сэксон задается тремя основными вопросами: 1) Может ли трансформативный подход стать эффективной теорией и практикой в палестинском контексте? 2) Что в подходах к разрешению конфликта в палестинском контексте хорошо сочетается с теорией и практикой трансформативной медиации? 3) Как элементы социальных интеракций, очевидные в палестинском опыте урегулирования, остаются не затронутыми в трансформативной модели? И какие особенности местной культуры выходят за рамки понимания западной системы референций? (с. 5)

Свое полевое исследование Сэксон проводила в Вифлееме, где она сделала серию полуструктурированных интервью с практиками традиционной арабской примирительной процедуры *сульха*. Важно напомнить, что священный для христиан город расположен на Западном берегу реки Иордан и находится под контролем Палестинской национальной администрации. При этом до 20% населения города составляют арабы-христиане (христианство исповедовали и несколько опрошенных участников исследования). В ходе интервью им задавались вопросы, направленные на прояснение того, как они понимают собственную деятельность и на какие идеологические предпосылки опираются:

- 1) Чего вы стремитесь достигнуть в медиации?
- 2) Можете ли вы описать пример «успеха»?
- 3) Можете ли вы описать пример «неудачи»?
- 4) Чего, по вашему мнению, люди добиваются и хотят получить а) во время конфликта? б) в ходе медиации? в) от вас? г) друг от друга?
- 5) Чего, по вашему мнению, люди не хотят и стремятся избежать?
- 6) Как вы определяете, были ли ваши действия в ходе разрешения спора компетентными?
- 7) Чего вы стараетесь избегать?
- 8) Как вы узнаете, не совершили ли вы ошибку в ходе медиации?
- 9) Как оккупация [палестинских территорий] влияет на вашу работу?

Во второй главе автор кратко знакомит читателей с теоретическими основами медиации, как она понимается в западных странах, и кратко рассказывает об истории развития медиации. Вслед за другими медиаторами и исследователями, ориентированными на трансформативный подход, она уделяет большое внимание проблеме идеологических оснований, на которые опирается в своей деятельности медиатор. В этой главе она подробно описывает и противопоставляет друг другу реляционную идеологию, на которой основана трансформативная медиация, и так называемую «органическую идеологию», ориентированную на ценности коллективизма, избегание конфликтов и поддержание благополучия в сообществе.

В третьей главе рассматривается влияние культурных различий на практики разрешения конфликтов – как в общетеоретическом ключе, так и в ближневосточном контексте. В целом дается описание традиционных примирительных процедур на Ближнем Востоке, проводится анализ роли ислама в них, рассказывается о функциях посредника в урегулировании, а также детально описана структура процедуры *сульха*. Эта примирительная процедура в традиционном арабском обществе долгое время играла важную роль как инструмент преодоления кровной мести. Процесс можно условно разделить на пять этапов. В общем виде он выглядит следующим образом. Сначала сторона-обидчик должна выразить свое раскаяние в совершенном и предложить пострадавшей стороне примирение. На втором этапе формируется группа посредников (*јаһа*). Посредники обсуждают с пострадавшей стороной период перемирия, в течение которого та откажется от попыток отомстить обидчикам (*hudne*). Иногда на этом этапе может браться денежный залог (*'atwe*) в качестве гарантии, что перемирие будет соблюдаться. После этого между двумя сторонами начинаются переговоры по поиску приемлемого решения (при этом они не встречаются друг с другом лично, общаясь исключительно через посредников). На завершающей стадии между враждующими сторонами происходит публичная и торжественная процедура примирения, знаменующая восстановление нормальных мирных отношений между ними. В присутствии многочисленных свидетелей подписывается соглашение, а в случае серьезных преступлений осуществляется выплата оговоренной суммы в качестве компенсации (с. 37).

Четвертая глава посвящена краткой истории применения *сульхи* в палестинском регионе со времен зарождения ислама и до современного периода, включая события первой (1987-1994) и второй интифады (2000-2005). Также в главе

рассказывается об истории центра медиации Wi'am в Вифлееме, на базе которого проводилось полевое исследование.

В следующей, пятой главе содержится пересказ девяти подробных интервью, взятых у палестинских миротворцев. Все они — мужчины зрелого или пожилого возраста, среди них есть люди разного социального происхождения (беженцы, юристы, политики, бизнесмены, учителя), мусульмане и христиане, многие из которых провели по несколько лет в израильской тюрьме. Конфликты, в разрешении которых они участвуют, касаются земельных и имущественных отношений, семейных разногласий (в первую очередь браки и разводы), а также уголовных преступлений, в том числе таких серьезных, как убийство.

В шестой главе предлагается теоретический анализ результатов полевого исследования, рассматриваются взгляды опрошенных участников на природу человека и конфликта, их ценности и представления о целях собственной деятельности. Обсуждается влияние социальных институтов на поведение участников конфликта, делаются выводы о том, как ситуация затяжного конфликта с Израилем на макроуровне влияет на характер протекания и разрешения межличностных конфликтов в палестинском обществе.

Седьмая глава посвящена сравнению посреднической практики в Вифлееме и трансформативной медиации, между которыми, конечно же, оказывается множество различий. Для посредников Wi'am важной ценностью является поддержание нравственных и религиозных ценностей своего сообщества, они оперируют такими понятиями как честь, стыд, достоинство и социальное положение. Сохранение собственной культурной и политической идентичности перед лицом внешней угрозы со стороны Израиля является для этих людей важным смыслом, которые они вкладывают в свою деятельность по разрешению споров. Любой конфликт рассматривается ими негативно, так как он способен подорвать единство внутри палестинского общества и ослабить его. В то же время доверие к посреднику при разрешении конфликта основано на том положении, которое он занимает в обществе. Посредник часто бывает знаком лично с участниками конфликтов и пользуется их доверием благодаря этому обстоятельству и своим личным качествам честности, добросердечия и мудрости. Он не обязан оставаться нейтральным, если видит несправедливость и считает, что она должна быть устранена. В этом случае, пользуясь своим авторитетом, палестинский медиатор будет убеждать провинившуюся сторону принять то решение, которое он считает правильным. В процессе *сульки* важную роль также играют ритуалы, выполняемые сторонами с целью примирения.

Формулируя результаты проведенного исследования в заключительной, восьмой главе, Сэксон констатирует, что «характеристики, присущие палестинской сульхе, в значительной степени противоречат практике трансформативной медиации» (с. 126). В представлениях и практиках палестинских медиаторов интересы коллектива важнее индивидуальных, значительную роль играют традиционные правила и порядки, конфликт считается неестественным и опасным явлением, а задача примирительной процедуры сводится к восстановлению социального по-

рядка. Ожидания от медиатора продиктованы патриархальными ценностями, и в практическом отношении он удерживает высокую степень контроля как над процедурным, так и над содержательным аспектом урегулирования спора (с. 126). Такое положение дел полностью противоречит ценностям трансформативного подхода, направленного на поддержание участников медиации в процессе их самоопределения, наделения их силой и способностью к взаимному признанию, а также недирективность как центральный принцип в работе медиатора. Тем не менее у трансформативной медиации, по мнению автора книги, в палестинском обществе есть потенциал для развития, но она не должна пытаться заменить институт *сульхи* или преобразовать его на основе собственных ценностей и моделей вмешательства, а дополнить его (с. 138).

Для российского сообщества медиаторов проведенное Сэксон исследование может быть весьма актуальным и полезным, учитывая возникший в последние несколько лет интерес к применению медиации как инструмента в работе с межэтническими конфликтами и как инструмент неформального правосудия в этнических сообществах. Попытку исследовать сходства и различия между традиционными примирительными практиками у кавказских народов и «медиативным подходом», разработанным Центром медиации и права, предпринимает Алексей Иванов в статье «Примирение на Кавказе в сравнении с медиативным подходом» (с. 83-98 в этом выпуске «Бюллетеня Федерального института медиации»). Также в 2017 г. был создан «Центр этномедиации», одной из целей которого является интеграция медиативных технологий в систему разрешения межэтнических конфликтов, адаптации трудовых мигрантов и в практики неформального разрешения споров у различных этнических групп, проживающих в России.

IN MEMORIAM

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА САМОЙЛОВИЧА АХИЕЗЕРА (1929—2007)¹

10 лет назад, 12 октября 2007 г. ушел из жизни выдающийся российский философ и культуролог Александр Самойлович Ахиезер. Творчество Ахиезера сегодня злободневно как никогда. Однако, несмотря на кажущуюся востребованность и подлинную актуальность его работ, пока они осмысляются (более или менее активно) только в узких кругах отечественных гуманитариев. В частности, в 2010 г. на платформе журнала «Философские науки» были проведены Ахиезеровские чтения²; в Москве

---

¹ © О.П. Вечерина, 2017.

Фото: http://rusliberal.ru/full/novostnoj_razdel_tccentralnij/pamyati_aleksandra_samuilovicha_ahiezera_1929-2007/

² Ахиезеровские чтения. Первая сессия // Философские науки. 2010. № 2. С. 5-79; Ахиезеров-

на базе Института социологии РАН в 2013 и 2015 гг. было проведено 2 круглых стола³, где обсуждались базовые социокультурные категории инверсии и медиации, введенные Ахиезером. Итогом этого осмысления стали два коллективных сборника: «В поисках теории российской цивилизации: памяти А.С. Ахиезера / [сост. Давыдов А.П.]» (М.: Новый хронограф, 2009. — 400 с.) и «Спор о медиации: Раскол в России и медиация как стратегия его преодоления» (М.: ЛЕНАНД, 2017. — 288 с.), дискуссионный сборник, выпущенный А.П. Давыдовым и В.М. Розиным:

Изданы основные труды А.С. Ахиезера, многие из них доступны в интернете; вышло несколько статей, посвященных осмыслению его наследия (см. избранную библиографию в конце публикации).

О подлинном масштабе его открытий точнее всех, по-видимому, сказал недавно ушедший от нас основоположник и классик современной российской социологии В.А. Ядов: «Я полагаю Александра фигурой в российской теоретической социологии, близкой к Питириму Сорокину. ... он предвосхитил идею Нобелевского лауреата по экономике Дугласа Норта, который в 1990 г. высказал мысль о наличии так называемых институциональных матриц⁴. Институциональные матрицы цивилизаций восточного типа веками сохраняются, как и явившиеся позже западные... Александр начал свой труд в 70-е годы, и, если бы его работу в советское время не застопорили, да еще перевели на английский, Дугласу Норту пришлось бы отсылать читателя к А. Ахиезеру. ... Итог его творчества остается крайне важным в решении проблемы: как мы сможем разорвать историческое циклическое движение?»⁵.

А.С. Ахиезер родился 29 сентября 1929 г. в Москве. Блестяще и разносторонне образованный человек, он всю свою жизнь учился. Сначала он получил высшее образование как экономист в Московском Государственном экономическом институте Госплана СССР. Затем он учился на вечернем отделении факультета по математическим методам планирования в Московском инженерно-экономическом институте, в аспирантуре НИИ Госплана СССР по специальности «народнохозяйственное планирование». В 1967 г. окончил еще одну аспирантуру по специальности «философия».

После окончания своей второй аспирантуры А.С. Ахиезер защитил кандидат-

---

ские чтения. Вторая сессия // Философские науки. 2010. № 3. С. 5-93.

³ Медиация как социокультурная категория. Институт социологии РАН. 22 февраля 2013 г. Круглый стол / Организаторы Круглого стола: Центр политологии и политической социологии, Центр социологии управления и социальных технологий Института социологии РАН совместно с Российским обществом социологов (РОС). Информационная поддержка – журнал «Философские науки». [Электронный ресурс.]

Пресс-релиз «Медиация как социокультурная категория. Институт социологии РАН. 14 апреля 2015 г. Круглый стол» — http://www.isras.ru/files/File/Seminar/Krugl_stol_14_04_2015_pr.pdf.

⁴ Термин «институциональная матрица» впервые употреблен в работах К. Поланьи (Канада) в 1977 г. и применен Д. Нортом (США) в 1990 г. Теория институциональных матриц создана известным российским социологом С.Г. Кирдиной-Чэндлер (*Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию. Изд. 3-е, перераб., расшир. и илл. М.–СПб.: Нестор-История, 2014. — 468 с.).

⁵ Ядов В.А. Александр Ахиезер — скромный мыслитель // В поисках теории российской цивилизации: памяти А.С. Ахиезера / [сост. Давыдов А.П.]. М.: Новый хронограф, 2009. С. 129-130.

скую диссертацию. В 1998 г. Александр Самойлович защитил докторскую диссертацию по философии. Все это время он работал в различных научных учреждениях, где им писались весьма интересные и всегда высоко профессиональные работы. Однако вся эта деятельность была периферийна по отношению к главному делу всей его жизни — книге, которую он начал писать еще в 1974 г., тайком от коллег и семьи, в свободное от «основной» работы время, урывками⁶. Эта книга — «Россия: критика исторического опыта»⁷. Книга впервые была опубликована в 1991 г. и не раз обсуждалась на специально организованных семинарах и круглых столах, в дискуссиях на страницах научных журналов, на международных научных конференциях. Вместе с тем научное сообщество отнеслось к ней подозрительно.

«В первой половине 1990-х гг. книга Ахиезера превращается в интеллектуальный бестселлер. Ее комментируют на страницах журналов, обсуждают на “круглых столах”, автора приглашают выступить с докладом в самых разнообразных сообществах. При всем этом, среда профессиональных историков неоднозначно отнеслась к “Критике исторического опыта”. Тому был целый ряд причин, которые заслуживают осмысления. Прежде всего сказывалась специфика советской реальности. Идеологически замордованная историческая наука, как черт от ладана, бежала от больших концептуальных моделей. Теоретические новации втискивались в рамки марксистского канона, право на теоретическое обобщение и выводы, создававшие нормативные образы прошлого, было прерогативой институтов АН СССР. Зрелые, давно сложившиеся ученые разрабатывали частные темы, отдавали свои силы вспомогательным историческим дисциплинам. Работа Ахиезера нарушала неписанные правила, вошедшие в плоть и кровь профессионального сообщества. Она вызывающим образом выпадала из советского канона и скандально нарушала субординацию», — так пишет о воздействии главного труда Ахиезера на российских интеллектуалов И.Г. Яковенко⁸.

Вот как рассказывала об *Opus Magnum* Ахиезера его жена и соратница С.Я. Матвеева в своем предисловии к третьему изданию работы: «Эта книга пришла к нам из мира неофициальной подпольной науки. Она долго шла к читателю..., судьба ее — часть общей судьбы независимой мысли в России и всего только одна из бесчисленных иллюстраций страха общества перед самопознанием, критикой собственных иллюзий, осмыслением своего исторического опыта.

Автор находится “внутри” ситуации, но и способен взглянуть на нее как бы “извне”. Его собственная жизнь отвечает многим условиям, которые должны были

---

⁶ О драматической судьбе рукописи А.С. Ахиезера, включая эпизод тайного сожжения одного из машинописных экземпляров вспоминает д. филос. Н. А.И. Пригожин в своем некрологе памяти ученого. См. *Пригожин А.И.* Феномен Ахиезера // *Общественные науки и современность*. 2009. № 5. С. 99-104.

⁷ *Ахиезер А. С.* Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). — Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. Т. 1. От прошлого к будущему. — 804 с.

Первое издание трёхтомника вышло в 1991 г. (М.: Философское общество СССР).

⁸ *Яковенко И.Г.* Александр Ахиезер: человек и мыслитель // *Общественные науки и современность*. 2009. № 5. С. 106-107.

быть, чтобы реализовать этот тип одновременно объясняющей и понимающей рефлексии. Столичный житель, сын интеллигентных родителей (отец окончил киевский университет как юрист, работал в Германии, затем в редакции “Правды”, владел одиннадцатью языками), но жили в страшной бедности, фактически в нищете. Детство и юность прошли в знаменитых московских коммуналках с их пестрым населением и фантастическим бытом. Судьба забросила в российскую глубинку, которую знал не понаслышке: жил во время войны в колхозе, на Урале, в Васильсурске среди марийцев, мать ходила в городском пальто с модным тогда каракулевым воротником и в лаптях. Три года работал в Заокском районе Тульской области председателем районной плановой комиссии, поселился в избе, с утра до ночи толпился пришедший на прием народ, и вопросы решались самые житейские — дрова, распределение сенокосов, комбикорма. Учился на факультете экономики сельского хозяйства Московского экономического института — выбрал сам, особых трудностей избрание какого-либо другого факультета и института не составило бы. Степенями и должностями не интересовался, да и сейчас, проработав в одном из небольших престижных академических институтов более двадцати лет, — всего лишь кандидат наук. На достаточно частое удивление — почему не защищаешь докторскую? — отвечал одинаково: “Нет времени”. Времени, действительно, не было. Нет кабинета, больная мать на руках, детишки, жена, разрывающаяся между работой и домом, вечная нехватка денег. И книга, которую стал писать с 1974 года, постоянная внутренняя сосредоточенность — и работа, работа, работа. В 1982 году произошла катастрофа — обыск у одного из знакомых, был изъят полный машинописный экземпляр рукописи, более 1000 страниц через один интервал. Безумные ночь и день — ходил по городу с сохранившимся экземпляром и не имел куда, не знал кому, не решался у кого-нибудь спрятать. Сожженные черновики — сгорело все, — и самое страшное — весь огромный справочный аппарат, указание на сотни источников, страниц, все сноски. Учитывая размеры рукописи — потеря, которую, несмотря на последующий каторжный труд, до конца восполнить так и не удалось»⁹.

Символично, что книга вывозилась из типографии в дни августовского путча. «Автор сам вывозил последний том трехтомника из типографии 19 августа. Машина лавировала среди танков и БМП неудавшегося августовского путча: легковушка с тиражом книги неожиданно «возглавила» колонну танков, оттеснив ведущего ее работника КГБ. Его злость можно было понять. Кто знал тогда, что впереди?»¹⁰

Один из наиболее убежденных соратников Ахиезера А.П. Давыдов, усилиями которого в том числе были проведены уже упоминавшиеся круглые столы и изданы коллективные сборники, считает, что наиболее важными его достижениями являются:

1) развитие теории и методологии анализа развития общества, основанную на объединении предметов социологии и культурологии. Ахиезер показал на истории

---

⁹ Матвеева С.Я. Расколотовое общество: путь и судьба России в социокультурной теории Александра Ахиезера // Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России). Т. 1. От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. С. 3-41.

¹⁰ Там же.

ческом опыте России зависимость жизнеспособности и выживаемости культуры от способности людей формировать новые смыслы;

2) создание теории циклического развития России. Ахиезер выявил природу раскола куласской культуры и общества, механизмы адаптации к расколу, рассматривая их как «историческую ловушку»;

3) новый способ философствования, «погруженного в культуру». Ахиезер показал значение способности общества к диалогизации как средства повышения его жизнеспособности;

4) новая типология нравственных идеалов. Ахиезер разработал типологию нравственных идеалов, выделив в российской культуре следующие нравственные типы: вечевой (соборный, авторитарный), утилитарный (умеренный и развитый утилитаризм), либеральный, «нравственный гибрид»¹¹.

Последняя, во многом итоговая книга А.С. Ахиезера «Труды» (М.: Новый хронограф, 2006) включает три работы, объединенные проблемой выживания России в современном, стремительно усложняющемся глобальном обществе постмодерна.

В первой из них («Специфика российской истории») автор рассматривает имманентные, то есть возникшие без существенного внешнего вмешательства, катастрофы, четырежды подводящие Россию к цивилизационному небытию. Таких национальных катастроф в России А.С. Ахиезер насчитывает четыре. Это — гибель Киевской Руси, Великая Смута, начавшаяся в конце XVI в., революция 1917 и распад СССР 1991 гг. (с. 45)¹².

Очевидно, что такая закономерность заслуживает самого внимательного рассмотрения и тщательного изучения, однако автор констатирует, что общая природа этих катастроф никем не изучалась. Собственно, осмыслению и анализу катастроф, регулярно постигающих Россию, посвящена вторая работа этой книги — «Катастрофы в природе и обществе как нравственная проблема». Согласно концепции Ахиезера, России раз за разом не удавалось быть адекватной сложности возникающих перед ней задач, что связано с таким явлением как архаизация, угроза которой постоянно присутствует в российском обществе, поскольку российский социум как культура манихейского типа раз за разом соблазняется решать их не через поиск компромисса, но через насилие.

В третьей книге «Об особенностях современного философствования» А.С. Ахиезер излагает общеполософские и методологические основы своей теории. Важно, что в центре рассмотрения философа находится человеческая личность, усилия которой он рассматривает как основу для разрешения противоречий. Как отмечает М.Э. Рябова, одной из важнейших заслуг А.С. Ахиезера создание оригинального категориального аппарата — системы взаимосвязанных кате-

---

¹¹ Давыдов А.П. В поисках теории российской цивилизации / Ахиезеровские чтения. Первая сессия // Философские науки. 2010. № 2. С. 5-7. См. также: Давыдов А.П. Несколько слов об Ахиезере // Российский цивилизационный космос (К 70-летию А. Ахиезера). М.: Эйдос, 1999.

¹² Подробнее см. Рябова М.Э. Динамика российского общества: вклад в науку. Ахиезер, А.С. Труды. — М., 2006. — 408 с. // Философия и общество. 2008. Вып. № 3 (51).

горий, среди которых выделяется в качестве центральной категория *между*¹³.

Важной для дальнейшего развития концепции Ахиезера является новая интерпретации категории «дуальная оппозиция», восходящей к работам К. Леви-Строса¹⁴, в частности, разработка им центральной оппозиции инверсия — медиация. В рамках этой методологии А.С. Ахиезер рассматривал инверсионные циклы российского общества, раз за разом оказывающегося неспособным формулировать и решать свои проблемы не на основе мифологической культуры, что неоднократно толкало Россию в пучину войн, не отвечавших национальным интересам. Ахиезер считал, что «в России отставание массовой культуры от потребностей сложного большого общества, государства достигло социокультурного раскола... Формируются сложные и опасные катастрофой инверсионные циклы, по своей сути несовместимые со сложными проблемами большого общества, государства»¹⁵.

Анализ этой проблематики привел автора к исключительно важным результатам: пониманию инверсии как нулевого цикла логики медиации. Ахиезер рассматривал медиацию «как категорию разума», которая «логически выстраивается над инверсией, развиваясь как стремление разрешить те проблемы, которые на основе инверсии невозможно не только разрешить, но и осмыслить. Исходная точка медиации та же, что и у инверсии, т.е. дуальная оппозиция, полюса которой концентрируют в себе, воплощают противоположные смыслы. Однако медиация постоянно наполняет ее конкретным динамичным сложным содержанием, усложняет ее, выходит за ее рамки, формируя новые дуальные оппозиции... Происходит выход к качественно новому смыслу». И далее: «Медиация превращает сферу между дуальной оппозиции в реальный переход, который проходит человеческое творчество, мысль, смыслообразование, превращаясь в разворачивание, саморазвитие творческих сил, способностей человека»¹⁶.

В целом А.С. Ахиезер понимал медиацию как «развитие свободы», при этом «суть свободы не редуцируется к возможности выбора... Свобода, которую несет медиация, заключается в стремлении формировать новые цели, новые средства, новые условия, новый выбор, т.е. постоянно расширять, углублять само содержание свободы. Без углубления свободы в результате развития медиации невозможен выход к новым смыслам, к новому синтезу, к новой мере. Свобода — условие, средство и цель медиации, ее результат»¹⁷.

Очень важной для будущего развития России представляется гипотеза, высказанная философом: «Содержание, характер, интенсивность циклов в обществе определяются постоянно меняющимся влиянием массовой инверсии и мощью мас-

---

¹³ Там же.

¹⁴ В частности, к «Структурной антропологии», где впервые появился термин «медиации» как социокультурной категории.

¹⁵ Ахиезер А.С. Между циклами мышления и циклами истории // Общественные науки и современность. 2002. № 3 С. 127.

¹⁶ Там же, с. 129-130.

¹⁷ Там же, с. 130.

совой медиации, их отношением между собой, их динамичной результирующей»¹⁸.

А.С. Ахиезер видел выход для России только «в развитии массовой медиационной диалогической культуры», с тем чтобы, наконец, преодолеть разрушительную для общества специфику страны, в которой так и «не сложились эффективные институты, способные обеспечить бесконфликтное сотрудничество, диалог между ценностями, сообществами традиционного типа и ценностями медиационной критики, не выявилась достаточно развитая способность преодолевать исторически сложившийся в стране раскол между ними»¹⁹.

Полагаем, что разработанный А.С. Ахиезером категориальный аппарат может служить методологической и философской основой для формирования социально-правового института медиации как процедуры АРС в российском обществе, а его осмысление поможет исследователям глубже понять социокультурные причины, препятствующие его успешной имплантации и дальнейшему развитию в России.

Ольга Вечерина

Избранная библиография²⁰

2013

Ахиезер А.С., Клямкин И.М., Яковенко И.Г. История России: конец или новое начало? М.: Фонд «Либеральная миссия», 2013. (3-е изд., испр. и доп.) [Электронный ресурс.] — Режим доступа: http://www.liberal.ru/upload/files/Istoria_Rossii.pdf.

2012

Ахиезер А.С. Проблема реформы и проблема архаизации // Вестник Института социологии. 2012. № 2 (5). С. 3. [Электронный ресурс.] — Режим доступа: http://www.vestnik-isras.ru/files/File/Vestnik_2012_5/Ahiezer.pdf.

2009

Локальные сообщества имперской России в условиях социальных конфликтов (подходы и практики в современных региональных исследованиях) : коллективная монография / [А. С. Ахиезер и др. ; под ред. В. Н. Худякова, Т. А. Сабуровой]. Омск: Федеральное агентство по образованию; Омский гос. пед. ун-т, 2009.

Ахиезер А.С. Сфера Между и ее осмысление // Общественные науки и современность. 2009. № 5. С. 125-133. [Электронный ресурс.] — Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21242367&>.

2008

Ахиезер А.С. Субъект во времени социального бытия : историческое выполнение пространственно-временного континуума социальной эволюции / [А. С. Ахиезер и др.]; отв. ред. Э. В. Сайко. Москва, 2008.

---

¹⁸ Там же, с. 131.

¹⁹ Там же, с. 132.

²⁰ Библиография содержит только работы постсоветского (российского) периода творчества А.С. Ахиезера. Подготовлено нами по материалам eLIBRARY (по запросу на «А.С. Ахиезер») и данным «Демоскоп Weekly» (1-14 декабря 2008 г.).

Ахиезер А.С. Россия. Критика исторического опыта : социокультурная динамика России. Москва: Ин-т философии РАН, 2008. Сер. «Российское общество. Современные исследования» (3-е изд., испр. и доп.) [Электронный ресурс.] — Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/text/19187891>.

Ахиезер А.С. и др. Человек в экономике и других социальных средах / Ахиезер А.С., Веряскина В.П., Власова В.Б., Денисов В.В., Колпаков В.А., Королев С.А., Рябова М.Э., Сиземская И.Н., Федотова В.Г., Хакимов Г. Москва: Институт философии РАН, 2008.

Ахиезер А.С., Клямкин И.М., Яковенко И.Г. История России: конец или новое начало? Москва: Фонд «Либеральная миссия», 2008. (2-е изд., испр. и доп.)

2007

Ахиезер А.С. Проблема субъекта: человек — субъект // Вопросы философии. 2007. № 12. С. 3-15.

Ахиезер А.С. Территориальная миграция — реализация потребности в полноте бытия // Общественные науки и современность. 2007. № 3. С. 141-149.

Ахиезер А.С. Размышления о книге В. Межуева «Идея культуры» // Эпистемология и философия науки. 2007. № 4 (14). С. 264-269.

Ахиезер А.С. Специфика человеческих потребностей в полноте бытия // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2007. № 3. С. 53-62.

2006

Ахиезер А.С. Труды. Москва: Новый хронограф, 2006. — 480 с. (Сер. «Российское общество. Современные исследования»).

Субъект во времени социального бытия : историческое выполнение пространственно-временного континуума социальной эволюции / [А. С. Ахиезер и др.]; отв. ред.: Э.В. Сайко. Москва: Ин-т всеобщей истории РАН, 2006. (Сер. «Субъект в мире — Мир субъекта».)

Новые идеи в социальной философии / Федотова В.Г., Ахиезер А.С., Буданов В.Г., Веряскина В.П., Власова В.Б., Денисов В.В., Колпаков В.А., Королев С.А., Крылова И.А., Новикова Л.И., Рябова М.Э., Сиземская И.Н., Сычев А.А. / Отв. ред. д.ф.н. В.Г. Федотова; ред. коллегия: д.ф.н. А.С. Ахиезер, д.ф.н. И.А. Крылова. Москва: Институт философии РАН, 2006.

Ахиезер А.С., Рябова М.Э., Савкин Н.С. Марксова концепция воспроизводства в свете современной философии и науки // Философия и общество. 2006. № 4 (45). С. 40-59.

2005

Ахиезер А., Клямкин И.М., Яковенко И.Г. История России: конец или новое начало? Москва, 2005. (Серия «Исследования Фонда “Либеральная миссия”»).

Ахиезер А.С., Шуровский М.А. От диалога к диалогизации (в свете концепции В. Библиера) // Вопросы философии. 2005. № 3. С. 58-70.

Ахиезер А.С., Рябова М.Э. Социальная философия в усложняющемся мире // Общественные науки и современность. 2005. № 3. С. 137-143.

Ахиезер А.С., Рябова М.Э., Сычев А.А. Концепция социальной философии в усложняющемся мире // Власть. 2005. № 7. С. 54-62.

Ахиезер А.С. О подходе к изучению истории российской интеллигенции // Клио. 2005. № 1. С. 203-205.

2004

Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика Рос-

сии). Том «Теория и Методология». Словарь. Москва, 2004. (2-е изд., перераб. и доп.).

Ахиезер А.С. Размышляя о наследии Владимира Библиера // Россия и современный мир. 2004. № 1 (42). С. 153-159.

Ахиезер А.С. Монологизация и диалогизация управления (опыт российской истории) // Общественные науки и современность. 2004. № 2. С. 24-34.

Ахиезер А.С. Миграция в российской истории // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2004. № 4. С. 69-75. [Электронный ресурс.] — Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/2012/03/13/1269114430/5.pdf>

Ахиезер А.С. Российская цивилизация: специфика массовых решений // Философские науки. 2004. № 6. С. 5-31.

Ахиезер А.С. Специфика российской цивилизации // Цивилизации. 2004. № 6. С. 217-242.

2003

Ахиезер А.С. Циклизм ценностных основ российской власти: от Ивана IV до конца советского этапа // Россия и современный мир. 2003. № 3 (40). С. 30-43.

Ахиезер А.С. Культурно-психологические проблемы осмысления и «решения» переходных процессов [текст] // Мир психологии. 2003. № 3. С. 38.

Ахиезер А.С. Как мыслить в усложняющемся и опасном мире? // Отечественные записки. 2003. № 3. С. 461-466. [Электронный ресурс.] — Режим доступа: http://magazines.russ.ru/oz/2003/3/2003_3_53.html.

2002

Социокультурные основания и смысл большевизма / Яркова Е.Н., Ахиезер А.С., Давыдов А.П., Яковенко И.Г., Шуровский М.А. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. — 607 с.

Ахиезер А.С. Цивилизационный выбор России и проблема выживаемости общества // Россия и современный мир. 2002. № 2 (35). С. 83-104.

Большевизм — социокультурный феномен (Опыт исследования, 2) / Ахиезер А.С., Давыдов А.П., Шуровский М.А., Яковенко И.Г., Яркова Е.Н. // Вопросы философии. 2002. № 5. С. 55-66.

Ахиезер А.С. Между циклами мышления и циклами истории // Общественные науки и современность. 2002. № 3. С. 122-132. [Электронный ресурс.] — Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/264/557/1216/11-aHIEZER.pdf>

Ахиезер А.С. Российское пространство как предмет осмысления // Отечественные записки. 2002. № 6.

Ахиезер А.С. Специфика российской политической культуры и предмета политологии (Историко-культурное исследование) // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 3. С. 51-76.

Ахиезер А.С. Насколько мы разные? // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2002. № 6. С. 68-73.

2001

Российская цивилизация: этнокультурные и духовные аспекты : Энциклопедический словарь / Андреев А.Л., Андреева Л.А., Ахиезер А.С., Баграмов Э.А., Беляев В.И., Борисов В.А., Вихнович В.Л., Власов В.Г., Галицкая И.С., Гаман-Голутвина О.В., Глаголев В.С., Голиков А.Г., Горбунов В.В., Горшков М.К., Гусейнов С.К., Гусейнова Н.А., Дешериев Ю.Д., Дормадехин С.В., Дробышева Л.М., Ерасов Б.С. и др. М., 2001.

Большевизм — социокультурный феномен (Опыт исследования) / Яркова Е.Н., Ахиезер А.С., Давыдов А.П., Яковенко И.Г., Шуровский М.А. // Вопросы философии. 2001. Т. 54. № 12. С. 28-39.

Ахиезер А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // Общественные науки и современность. 2001. № 2. С. 89-100. [Электронный ресурс.] — Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/407/860/1231/009aHIEZER.pdf>.

Ахиезер А.С. Архаизация как категория общественных наук (на опыте России) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV. № 1. С. 89-100.

Ахиезер А.С. Между Я и Другим (социокультурное исследование) // Мир психологии. 2001. № 3. С. 16-27.

Ахиезер А.С. Размышления на книгой. Уткин А.И. Россия и Запад: история цивилизаций // Философские науки. 2001. № 2. С. 145.

2000

Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М., 2000. (Сер. 7. «Теоретическая политология: мир России и Россия в мире».)²¹

Ахиезер А.С. Философские основы социокультурной теории и методологии // Вопросы философии. 2000. № 9. С. 29-45.

Ахиезер А.С. Диалектика урбанизации и миграции в России // Общественные науки и современность. 2000. № 1. С. 78-89.

Ахиезер А.С. Проблема переходов в социокультурных процессах и феномен осмысления-переосмысления ситуации // Мир психологии. 2000. № 1. С. 217-229.

Ахиезер А.С. Специфика исторического опыта России: трудности обобщения // Pro et Contra. 2000. Т. 5. № 4. С. 209-221.

1999

Социокультурное пространство диалога / Российская академия наук, Научный совет по истории мировой культуры; ред. коллегия: Л. Б. Алаев, А. С. Ахиезер, Г. А. Гольц, Т. М. Дридзе, Т. Б. Князевская, Г. С. Кнабе, А. Н. Мосейко, Э. В. Сайко, И. Г. Яковенко; отв. ред. Э. В. Сайко. Москва, 1999.

Ахиезер А.С. Мифология насилия в советский период (возможность рецидива) // Общественные науки и современность. 1999. № 2.

Ахиезер А.С. От культурологического к социокультурному анализу инноваций в обществе // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 1999. № 2. С. 22-35.

Ахиезер А.С. Эмиграция как индикатор состояния российского общества // Мир России: Социология, этнология. 1999. № 4. С. 168.

Ахиезер А.С. Хозяйственно-экономические реформы в России: как приблизиться к пониманию их природы? // Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 3. С. 41-66.

1998

Ахиезер А.С. Культурно-исторические основания хозяйственных решений в России // Проблемы прогнозирования. 1998. № 4. С. 97-107.

---

²¹ Работа является седьмой книгой серии «Теоретическая политология: мир России и Россия в мире» (после изданий: Философия власти, 1993; Россия: опыт национально-государственной идеологии, 1994; Философия политики, 1994; Политическая антропология, 1995; Реформы и контрреформы в России, 1996; Российская государственность: истоки, традиции, перспективы, 1997).

Чиновник — это звучит гордо? / Аксенов Г.П., Архипова Т.Г., Ахиезер А.С., Барабашев А.Г., Волков А.Ф., Зямзин В.Г., Кирдина С.Г., Медушевский А.Н., Оболонский А.В., Пилипенко А.А., Степанский А.Д., Ясин Е.Г., Ярошенко В.А. // Открытая политика. 1998. № 2 (28). С. 62-74.

Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. Т. 1. От прошлого к будущему. — 804 с.

Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. Т. 2. Теория и методология. Словарь. — 600 с.

1997

Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. М., 1997. (Сер. 6 «Теоретическая политология: мир России и Россия в мире».)

Ахиезер А.С., Яковенко И.Г. Что же такое общество? // Общественные науки и современность. 1997. № 3. С. 30-37.

Ахиезер А.С. Нравственность к России и противостояние катастрофам // Общественные науки и современность. 1997. № 6. С. 26-37.

Ахиезер А.С. Россия между открытым и закрытым обществом // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 1997. № 6. С. 59.

1996

Ильин В.В., Панарин А.С., Ахиезер А.С. Реформы и контрреформы в России. М., 1996. (Сер. «Теоретическая политология: мир России и Россия в мире».)

Ахиезер А.С. Жизнеспособность российского общества // Общественные науки и современность. 1996. № 6. С. 58-66.

Ахиезер А.С. От культурологического к социокультурному анализу инноваций в обществе // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 1996. № 2. С. 22-34.

1995

Ахиезер А.С. Об особенностях современного философствования (взгляд из России) // Вопросы философии. 1995. № 12. С. 3-20.

Ахиезер А.С. Россия между открытым и закрытым обществом. Специфика современного философствования (взгляд из России) // Вопросы философии. 1995. № 2. С. 6.

Ахиезер А.С. Дезорганизация как категория общественной науки // Общественные науки и современность. 1995. № 6. С. 45-52. [Электронный ресурс.] — Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/707/717/1231/004Aleksandr_AHIEZER.pdf.

Ахиезер А.С. Нравственная динамика общества: возможности прогнозирования // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 5-21.

Ахиезер А.С. Россия: некоторые проблемы социокультурной динамики // Мир России: Социология, этнология. 1995. Т. 4. № 1. С. 3-57. [Электронный ресурс.] — Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/363/930/1219/003Ahiezer.pdf>.

1994

Ахиезер А.С. Прошлое и настоящее эмиграции из России // Миграционная ситуация в России: социально-политические аспекты. Москва, 1994. С. 39-63.

Ахиезер А.С. и др. Модернизация в России и конфликт ценностей / Ахиезер А.С., Козлова Н.Н., Матвеева С.Я., Орлова Э.А., Федотова В.Г., Яковенко И.Г.; отв. ред.: к.ф.н. С.Я. Матвеева. М.: Институт философии РАН, 1994.

Ахиезер А.С. Социокультурное прогнозирование России на макро- и микроуровнях //

Полис. Политические исследования. 1994. № 6. С. 16-31.

Ахиезер А.С. Ценности общества и возможности реформ в России // *Общественные науки и современность*. 1994. № 1. С. 17-27.

Ахиезер А.С. Культурные основы этнических конфликтов // *Общественные науки и современность*. 1994. № 4. С. 115-127.

Ахиезер А.С. Философия истории, историческая наука и современность // *Вопросы истории*. 1994. № 6. С. 76.

1993

Российская модернизация: проблемы и перспективы. Материалы «Круглого стола» / *Ахиезер А.С., Васильев Л.В., Хорос В.Г., Чешков М.А., Сумский В.В., Кара-Мурза А.А., Седов Л.А., Матвеева С.Я., Фурман Д.Е., Панарин А.С., Рашковский Е.Б., Ядов В.А.* // *Вопросы философии*. 1993. № 7. С. 3-39.

Ахиезер А.С. Российский либерализм перед лицом кризиса // *Общественные науки и современность*. 1993. № 1. С. 12-21.

Ахиезер А.С. Прогнозирование социокультурной динамики России: вопросы методологии и некоторые результаты // *Проблемы прогнозирования*. 1993. № 5. С. 71-77.

Ахиезер А.С. Эмиграция из России: культурно-исторический аспект // *Свободная мысль*. 1993. № 7. С. 70-78.

1992

Ахиезер А., Голъц Г. Критические пороги социальных систем // *Общественные науки и современность*. 1992. № 1. С. 45-56.

Ахиезер А.С. Социально-культурные проблемы развития России. М.: ИНИОН РАН, 1992. 82 с.

Ахиезер А.С. Мифология насилия в советский период // *Общественные науки и современность*. 1992. Т. 2. С. 85-93. [Электронный ресурс.] — Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/690/365/1217/008aHIEZER.pdf>.

1991

Ахиезер А.С. Россия. Критика исторического опыта (социокультурная динамика России). В 3 т. М.: Философское общество СССР, 1991.

Ахиезер А.С. Что может и чего не может реформа? // *Полис. Политические исследования*. 1991. № 1. С. 58-66.

Об А.С. Ахиезере

Ахиезер Александр Самойлович. [Библиография: 1991—2005] // *Демоскоп Weekly*. №355-356. 1-14 декабря 2008. (Электронная версия бюллетеня «Население и общество». Институт демографии ГУ – ВШЭ.) [Электронный ресурс.] — Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0355/biblio/bib_akhi.php

Ахиезеровские чтения. Первая сессия // *Философские науки*. 2010. № 2. С. 5-79. [Электронный ресурс.] — Режим доступа: <http://www.academyrh.info/html/2010/fn-2.pdf>

Ахиезеровские чтения. Вторая сессия // *Философские науки*. 2010. № 3. С. 5-93. [Электронный ресурс.] — Режим доступа: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/73065328>

В поисках теории российской цивилизации. Памяти А.С. Ахиезера / Сост. А. Давыдов. — М.: Новый хронограф, 2008.

Давыдов А.П. Слово об авторе // Вестник института социологии. Приложение №2. 2012. № 5. [Электронный ресурс.] — Режим доступа: http://www.vestnik-isras.ru/files/File/Vestnik_2012_5/Ahiezer.pdf.

Давыдов А.П., Розин В.М. Спор о медиации. Раскол в России и медиация как стратегия его преодоления. М.: ЛЕНАНД, 2017. — 288 с.

Давыдов А.П. Становление «срединной культуры» в России (на материале русской литературы первой половины XIX века) : автореф. дис. ... д-ра культурологии. М., 2002. — 48 с. [Электронный ресурс.] — Режим доступа: http://irbis.gnpbu.ru/Aref_2002/Davydov_A_P_2002.pdf.

Давыдов А.П. Проблема срединной культуры» в российской цивилизации // Российский цивилизационный космос (К 70-летию А. Ахиезера). М.: Эйдос, 1999. С. 25-62. [Электронный ресурс.] — Режим доступа: <http://www.apdavydov.com/rus/articles.asp>

Кара-Мурза А. Памяти Александра Самуиловича Ахиезера (1929-2007). 12.10.2007 [Электронный ресурс.] — Режим доступа: http://rusliberal.ru/full/novostnoj_razdel_tcentralnij/pamyati_aleksandra_samuilovicha_ahiezera_1929-2007/.

Кондаков И. Труды и дни Александра Ахиезера. [Электронный ресурс.] — Режим доступа: <https://texts.news/ethnosotsiologiya-istoriya/trudyi-dni-aleksandra-ahiezera-igor-44879.html>.

Ламажаа Ч.К. Диалог с архаикой (концепция А.С. Ахиезера) // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 4. С. 92-96. [Электронный ресурс.] — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/dialog-s-arhaikoy-kontseptsiya-a-s-ahiezera>.

Матвеева С.Я. Расколотое общество: путь и судьба России в социокультурной теории Александра Ахиезера // Ахиезер А.С. Россия. Критика исторического опыта : социокультурная динамика России. Москва: Ин-т философии РАН, 2008. С. 3-41.

Материалы Независимого теоретического семинара «Социокультурная методология анализа российского общества» 1996-1998 гг. Руководитель А.С.Ахиезер; Редактор-составитель Е.В.Туркатенко; Члены-учредители: Ахиезер А.С., Гольц Г.А., Давыдов А.П., Кондаков И.В., Туркатенко Е.В., Яковенко И.А., Яковенко И.Гр. [Электронный ресурс.] — Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/460625/>.

Медиация как социокультурная категория. Институт социологии РАН. 22 февраля 2013 г. Круглый стол / Организаторы Круглого стола: Центр политологии и политической социологии, Центр социологии управления и социальных технологий Института социологии РАН совместно с Российским обществом социологов (РОС). Информационная поддержка – журнал «Философские науки». [Электронный ресурс.] — Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/publ/davydov_room.pdf.

Пригожин А.И. Памяти Александра Ахиезера // Общественные науки и современность. 2009. № 5. С. 99-104. [Электронный ресурс.] — Режим доступа: <http://naukarus.com/fenomen-ahiezera>.

Рябова М.Э. Динамика российского общества: вклад в науку. Ахиезер, А. С. Труды. – М., 2006. – 408 с. // Философия и общество. Выпуск №3(51)/2008. [Электронный ресурс.] — Режим доступа: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/130221/>.

Яковенко И.Г. Александр Ахиезер: мыслитель и человек // Общественные науки и современность. 2009. № 5. С. 105-111. [Электронный ресурс.] — Режим доступа: <http://naukarus.com/aleksandr-ahiezera-chelovek-i-myslitel>.

НАШИ АВТОРЫ

Березий Анатолий Емельянович

Судья Высшего Арбитражного Суда в отставке,
заместитель Председателя Морской Арбитражной комиссии при ТПП РФ,
заслуженный юрист РФ

Быкова Марина Викторовна

медиатор-тренер, сотрудник ФГБУ «Федеральный институт медиации»,
преподаватель кафедры «Медиация в социальной сфере»,
Московского государственного психолого-педагогического университета,
член НП «НОМ»

Вечерина Ольга Павловна

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник ФГБУ «Федеральный институт медиации»,
доцент кафедры «Медиация в социальной сфере»
Московского государственного психолого-педагогического университета,
член НП «НОМ»
o.vecherina@fedim.ru

Гараев Самир Нариман оглы

Директор АНО АРС «Рязанский центр медиации и права»,
кандидат политических наук, магистр юриспруденции, медиатор-тренер,
член НП «НОМ»

Гордийчук Николай Валентинович

семейный международный медиатор,
младший научный сотрудник ФГБУ «Федеральный институт медиации»,
член НП «НОМ»
gordiychuk@mediacia.com

Иванов Алексей Вадимович

кандидат исторических наук,
младший научный сотрудник ФГБУ «Федеральный институт медиации»

Калиновская Дарья Сергеевна

руководитель правового и грантового сопровождения
Некоммерческих негосударственных организаций Фонда «Пульсар»

Олифер Ольга Олеговна

Директор КГБУ «Хабаровский центр
психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи»

Пентин Андрей Александрович

медиатор-тренер,
младший научный сотрудник ФГБУ «Федеральный институт медиации»,
член НП «НОМ»

Пчелинцева Динара Наилевна

медиатор-тренер,
младший научный сотрудник ФГБУ «Федеральный институт медиации»

Пятаха Тимофей Вячеславович

начальник сектора профилактики кризисных состояний
КГБУ «Хабаровский центр
психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи»

Романова Наталья Михайловна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры общей и социальной психологии
факультета психологии Саратовского национального исследовательского
государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
Romanovanm@info.sgu.ru

Соловьев Анатолий Владимирович

доктор экономических наук,
профессор кафедры труда и социальной политики
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Филипов Виктор Владимирович

директор ГБОУ Школа №922 г. Москвы

Хазанова Марина Александровна

старший научный сотрудник ФГБУ «Федеральный институт медиации»,
преподаватель кафедры «Медиация в социальной сфере»
Московского государственного психолого-педагогического университета

Харитонов Сергей Викторович

доктор медицинских наук,
ведущий научный сотрудник ФГБУ «Федеральный институт медиации»,
профессор кафедры «Медиация в социальной сфере»
Московского государственного психолого-педагогического университета
s.kharitonov@fedim.ru

Шамликашвили Цисана Автандиловна

кандидат медицинских наук,
научный руководитель ФГБУ «Федеральный институт медиации»,
профессор, заведующий кафедрой «Медиация в социальной сфере»
Московского государственного психолого-педагогического университета,
президент НП «НОМ»
office@mediacia.com

Щукин Артем Юрьевич

педагог-психолог КГБУ «Хабаровский центр
психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи»
педагог-психолог первой категории, победитель Всероссийского конкурса
профессионального мастерства «Педагог-психолог России — 2014».

Подписано к печати 30.12.2017

Распространение свободное

© ФГБУ «ФИМ», 2017

Ссылка на ФИМ обязательна